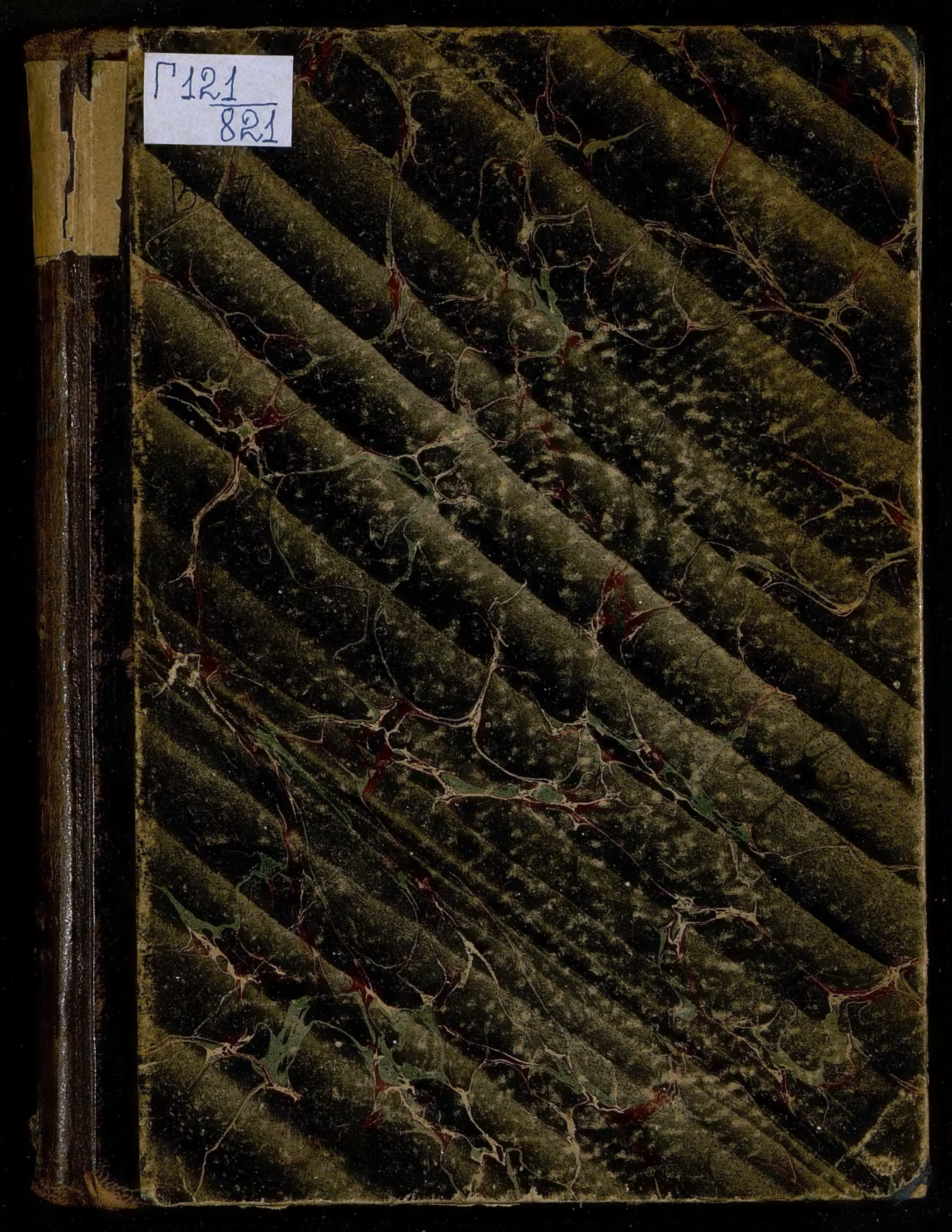
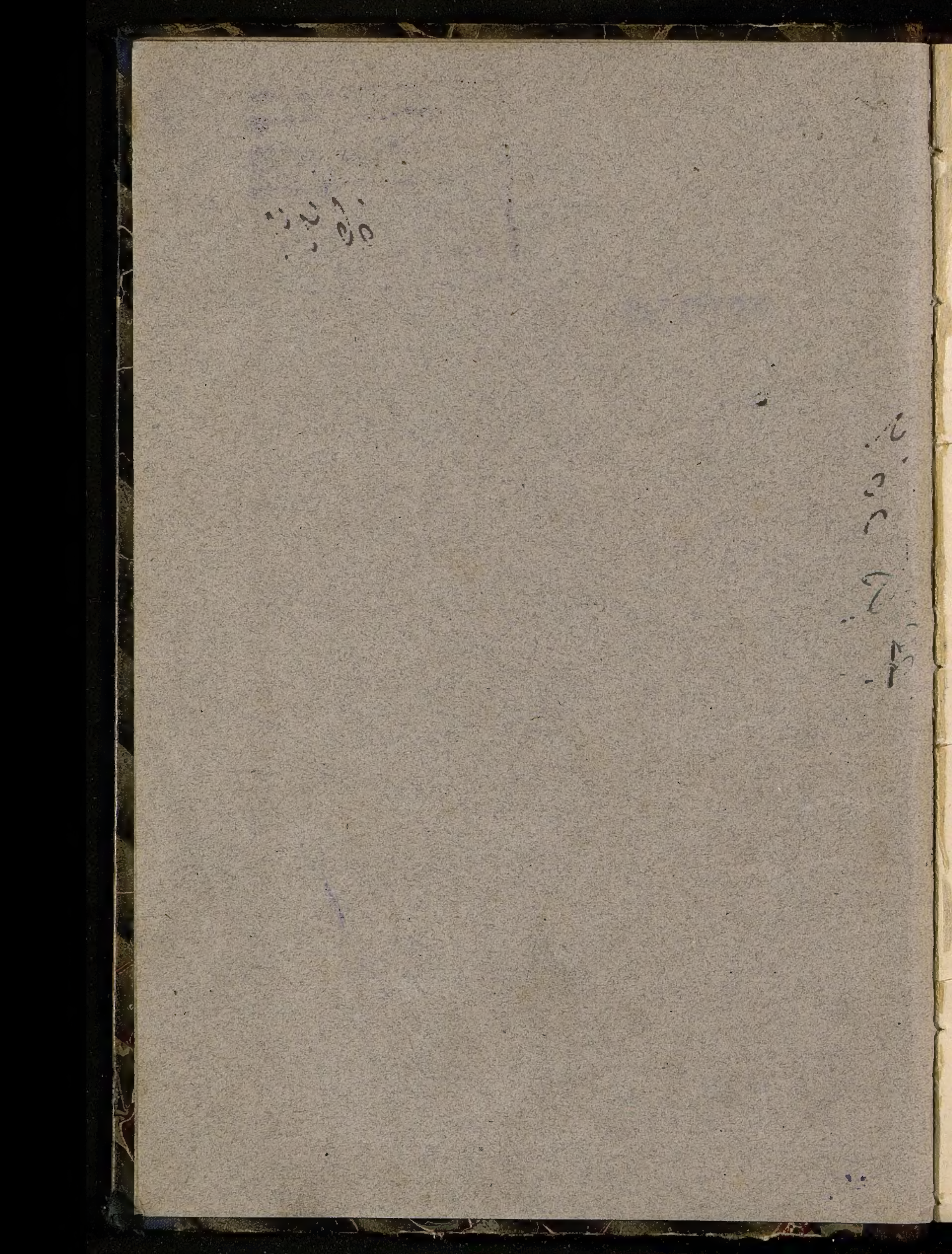

Г121
821

Omd. IX: N 11/86.

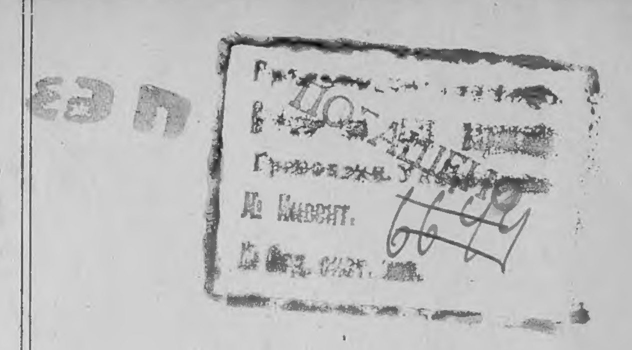
92
1367 Y.

ПР1958

Г121 / 821

В. А. Волковичъ

НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ

Константинъ Дмитріевичъ

УШИНСКІЙ

ИЗДАНІЕ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА
1913.

1 ч.к.

Лештуковская Паровая скоропечатня **П. О. Яблонскаго.** СПБ., Лештуковъ пер., 13.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ 29141 1978г.

VV

Оглавленіе.

К. Д. Ушинскій
(1859 г.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Намъ нужны не только книги по исторіи русской педагогики, не только педагогическіе учебники, намъ необходимы и отдѣльныя монографіи о нашихъ выдающихся, лучшихъ людяхъ, и, пожалуй, въ послѣднее время въ такихъ монографіяхъ ощущается болѣе острая нужда, чѣмъ прежде. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на современное подрастающее поколѣніе и вы замѣтите, что идеалы его, если не уничтожены, то въ большей мѣрѣ подорваны. Не видимъ мы въ подрастающемъ поколѣніи стойкихъ ясныхъ принциповъ, не видимъ нравственныхъ убѣжденій, доводящихъ человѣческій духъ до состоянія вдохновенія, за которымъ слѣдуетъ повышеніе продуктивныхъ силъ человѣка и творческой мощи его. Эта зависимость между повышеніемъ творчества и наличностью убѣжденій психологически вполнѣ понятна. Что такое убѣжденіе? Состояніе человѣка, при которомъ отсутствуетъ всякаго рода сомнѣніе и есть вѣра въ исключительную истинность своего переживанія. Для убѣжденія безразлично, оправдывается-ли очевидность, увѣренность внѣ сомнѣній — объективно или субъективно: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ вѣра въ истинность той или другой основы жизни вызываетъ подъемъ активнаго настроенія, энергію жизни, жажду подвига, работы въ жизни. Нравственное убѣжденіе само по

себѣ является положительной силой жизни, связанной, біологически, съ повышеніемъ жизненныхъ силъ человѣка и, какъ таковая, эта сила воспитываетъ всѣхъ, кто занимается культивировкой ея. Но этого мало: эта положительная сила воспитываетъ не только того, кто вырабатываетъ въ себѣ убѣжденія, но она воспитываетъ и тѣхъ, кто соприкасается, кто входитъ въ болѣе близкое, интимное общеніе съ людьми, насыщенными глубокими нравственными убѣжденіями, вызывающими энтузіазмъ души. Человѣкъ съ нравственными убѣжденіями видитъ одну свѣтлую правду жизни и она оправдывается для него его совѣстью, общественнымъ и Божескимъ судомъ. Эта правда — наши идеалы, въ которые вѣрятъ и которымъ служатъ великіе люди, спутники нашей жизни.

Великая вѣра въ идеалъ раскрываетъ и обнаруживаетъ намъ тайну воспитательнаго вліянія личности, примѣра. Примѣръ намъ необходимъ, намъ нужно создать культъ великихъ людей: образцовой жизнью ихъ будетъ вдохновляться подрастающее поколѣніе, а мы воспитатели постараемся ихъ силой поддержать себя въ минуты слабости, пополняя тѣмъ самымъ пробѣлы въ собственномъ своемъ существованіи для общаго блага людей. Убѣдительная сила великихъ людей дѣйствуетъ, какъ двигательная сила: она животворитъ, незамѣтно внушая намъ, яркимъ обликомъ жизненнаго цѣлаго, новыя идеи, новыя чувства и новыя стремленія. Эта сила сама по себѣ реформируетъ насъ и жизнь нашу. Незамѣтное становится значительнымъ, забытое—необходимымъ, неясное—вполнѣ опредѣленнымъ.

Убѣдительная сила великихъ людей притягиваетъ насъ къ себѣ. Мы начинаемъ любить носителей великихъ убѣжденій, въ результатѣ чего обезпечено сознательное подражаніе, обезпечено, если идетъ рѣчь о великихъ педагогахъ, развитіе общественнаго педагогическаго мнѣнія. Послѣднее необходимо въ воспитаніи: оно дѣйствуетъ, въ качествѣ руководящей идеи, невидимо, но вѣрно, на педагогическую практику, придавая ей бо́льшую опредѣленность и устойчивость.

Къ числу такихъ великихъ педагоговъ—образцовъ для подражанія принадлежитъ К. Д. Ушинскій.

Разсматривая жизнь и дѣятельность К. Д. Ушинскаго, нашего національнаго педагога, мы сталкиваемся съ цѣлымъ рядомъ его мыслей, освѣщающихъ, а часто и разрѣшающихъ вопросы національнаго воспитанія. К. Д. Ушинскій въ вопросахъ общепедагогическихъ и въ вопросахъ національнаго воспитанія пришелъ къ такимъ твердымъ и обоснованнымъ убѣжденіямъ, что до сихъ поръ, по истинѣ, остается нашимъ учителемъ.

Цѣлебная сила педагогическихъ идей К. Д. Ушинскаго велика и чревата миромъ не только для настоящаго, но и для далекаго будущаго.

Дѣйствительно, въ національномъ воспитаніи необходимо только правильно и объективно подойти къ вопросу, надо отыскать его корни, связать этотъ вопросъ, какъ будто-бы и частный, съ задачами общечеловѣческаго воспитанія, съ задачами нравственнаго воспитанія. Въ такомъ случаѣ исчезаютъ безполезныя распри между противоборствующими партіями, стѣна непримиримости разрушается и ясно

видитъ око, какъ труденъ педагогическій путь, путь нравственнаго перерожденія общества и какъ еще далеко все то, что грезилось великимъ нашимъ миротворцамъ-геніямъ воспитанія, непримиримымъ идеалистамъ жизни, черпающимъ именно въ своемъ чрезмѣрномъ идеализмѣ великую реформирующую силу жизни.

Пусть ихъ идеалы не осуществились въ то время, когда они по нимъ учили жить, но духъ ихъ мощно захватываетъ огромныя пространства и временныя грани для того, чтобы властно и правдиво намѣтить вѣрный путь новой жизни, для лучшаго, хотя и далекаго будущаго.

Въ вдохновляющей силѣ идеала—вѣчный завѣтъ для людей: она дѣлаетъ великихъ педагоговъ сопричастными безсмертію.

Правъ былъ Владиміръ Соловьевъ, когда указывалъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ, что жить надо совершенствуясь, что въ этомъ—задача человѣка,—но какъ разрѣшить ее?

Примѣры лучшихъ жизней прошлаго освѣщаютъ намъ настоящее, а чрезъ это намѣчаютъ и лучшее будущее.

Не имѣя въ нашей педагогической литературѣ ни одной законченной монографіи о К. Д. Ушинскомъ, мы считали нравственной своей обязанностью выполнить эту работу по мѣрѣ нашихъ силъ и возможности.

Все изслѣдованіе свое мы вели, главнымъ образомъ, по первоисточнику, по сочиненіямъ самого К. Д. Ушинскаго, ознакомившись также съ текущей литературой о немъ.

Впервые напечатавъ свое изслѣдованіе о К. Д. Ушинскомъ въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1910 г.), въ настоящей книжкѣ мы пополнили нѣкоторые отдѣлы и удѣлили вниманіе историческому обзору русской и западно-европейской педагогики, дабы рельефнѣе выгравировать значеніе и роль въ русской новой жизни національнаго педагога К. Д. Ушинскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣе обнаружить внутреннюю связь его ученія съ нашимъ историческимъ прошлымъ.

Для того, чтобы лучше освѣтить себѣ историческое развитіе нашей педагогики, мы пользовались, кромѣ существующихъ исторій педагогики и самой значительной изъ нихъ—исторіей русской педагогики П. И. Каптерева, еще цѣлымъ рядомъ источниковъ и первоисточниковъ, которые мы и приводимъ только частью въ самомъ текстѣ.

Матеріалъ, которымъ намъ удалось воспользоваться, освѣтилъ намъ многое по интересующему насъ вопросу связи педагогическаго ученія К. Д. Ушинскаго съ нашимъ историческимъ прошлымъ.

Очеркъ историческаго развитія русской педагогики и составляетъ содержаніе первой главы.

Вторая глава посвящена выясненію взаимоотношенія педагогическихъ системъ К. Д. Ушинскаго и Пирогова, какъ, по отзывамъ большинства педагоговъ, наиболѣе рѣзко отличающихся другъ отъ друга въ эпоху реформы русской педагогики. Въ этой главѣ мы хотѣли показать, опираясь на слова самого К. Д. Ушинскаго, какъ велика и глубока родственная связь между обоими педагогами.

Въ третьей главѣ мы старались, пользуясь разнообразными библіографическими данными, собравъ ихъ въ одно цѣлое, возможно полнѣе обрисовать личность К. Д. Ушинскаго и условія, создавшія ее.

Четвертая глава заключаетъ въ себѣ раскрытіе педагогической системы К. Д. Ушинскаго, какъ міровозрѣнія его. Попытка, впервые сдѣланная нами въ этомъ направленіи, казалось намъ, диктуется самою жизнью національнаго педагога. Обычный путь, который проходитъ посвящающій себя той или другой научной дѣятельности, поднимаясь до высшей школы, ведетъ чрезъ среднюю или низшую. Въ нихъ ученый лишь пробуетъ свои силы, смотря на свою дѣятельность, какъ на переходную и временную ступень.

К. Д. Ушинскій поступилъ обратно. Вдохновленный къ ученой дѣятельности работой въ Московскомъ Университетѣ, онъ сразу послѣ окончанія послѣдняго вступилъ профессоромъ въ высшую школу, гдѣ въ научныхъ занятіяхъ со студентами развернулась его богато одаренная натура, и окрѣпъ въ немъ духъ истинно-научной, обобщающей и обосновывающей, дѣятельности.

Отсюда его философски обоснованное педагогическое міровозрѣніе, та глубина мысли, которую даетъ только научное изслѣдованіе. Отсюда требованіе имъ, какъ руководящаго принципа педагогической дѣятельности, педагогической идеи.

Философское міровозрѣніе К. Д. Ушинскаго, названное нами гуманистическимъ реализмомъ, обна-

руживаетъ связь задачъ общечеловѣческаго и національнаго воспитанія и возможность ихъ совмѣщенія, что и было осуществлено К. Д. Ушинскимъ.

Для реализаціи истинно національнаго воспитанія К. Д. Ушинскій выдвинулъ цѣлый рядъ новыхъ требованій къ новой педагогикѣ: 1) созданіе образцовыхъ учительскихъ семинарій, 2) народныхъ и восресныхъ школъ, 3) воспитаніе на родномъ языкѣ, 4) созданіе педагогической литературы, 5) широкое привлеченіе женщинъ къ образованію, 6) выработку новыхъ способовъ хорошаго преподаванія и, наконецъ, 7) развитіе въ народѣ привычки къ труду.

Все это вмѣстѣ взятое указываетъ, какъ широко и глубоко захватилъ К. Д. Ушинскій вопросы воспитанія, какъ вопросы насущной нашей жизни.

Глава пятая, цѣлымъ рядомъ доказательствъ, на основаніи буквы и духа ученія К. Д. Ушинскаго, пробуетъ доказать, что К. Д. Ушинскій, несмотря на отрицаніе педагогики, какъ науки, самъ впервые выдвинулъ значеніе ея, какъ науки, не уничтожая, въ то же время, значенія ея и какъ искусства.

Шестая и седьмая главы, родственныя другъ другу, выясняютъ мѣсто и значеніе К. Д. Ушинскаго въ русской педагогикѣ не только настоящаго, но и возможнаго будущаго, въ построеніи философіи новой русской школы или педагогической руководящей идеи русскаго воспитанія, того, что составитъ для будущаго русскаго воспитанія историческую традицію, изъ которой „какъ изъ здороваго корня могли бы развиваться всѣ педагогическія улучшенія“.

А плодотворная педагогическая идея, говоритъ Ушинскій, можетъ быть развиваема на прочныхъ основаніяхъ науки только въ университетахъ.[1])

Если педагогическая наука и подготовка учителей станутъ когда нибудь у насъ, въ Россіи, на совершенно твердую почву, то лишь въ такомъ случаѣ, когда педагогика будетъ, по мнѣнію Ушинскаго, опираться на обширный кругъ антропологическихъ наукъ, и будущіе педагоги будутъ серьезно и обстоятельно изучать человѣческую природу во всѣхъ главнѣйшихъ ея свойствахъ и проявленіяхъ, а не одни лишь спеціальные предметы своего преподаванія [2]).

Сила научной истины—самая прочная и надежная сила, передъ которой рано или поздно должны будутъ отступить даже самые яростные враги европейско-русской школы [3]).

Глава восьмая представляетъ заключеніе.

Отсылаемъ читателей нашей книги къ библіографіи, относящейся къ сочиненіямъ самаго К. Д. Ушинскаго и къ сочиненіямъ о немъ написаннымъ, которую они могутъ найти во 2-мъ дополнительномъ томѣ педагогическихъ сочиненій К. Д. Ушинскаго, тщательно и умѣло составленной В. Чернышевымъ въ 1908 г., выражая пожеланіе, чтобы дальнѣйшая, сложная работа въ этомъ направленіи была продолжена составителемъ.

---

[1]) Письмо Ушинскаго къ Л. Модзалевскому отъ 30 марта 1866 г.

[2]) См. М. Л. Пясковскій. „По заслугамъ и честь" (По поводу чествованія памяти Констан. Дм. Ушинскаго) Лит. прил. Нивы 1896 г. № 2.

[3]) Л. Модзалевскій. „Къ біографіи К. Д. Ушинскаго", 1881 г., Тифлисъ.

~~Из Русского [illegible]~~

О свободе воли. Бокль. #1

Бокль считает „в высшей степени вероятным" что из учения о случае, выходившем из незнаний человеком последствий в [illegible] родъ возникло учение „о свободе воли." (Бокль Ист. цивил. в Англ.: ~~т. 1.~~ ~~т.1.~~ Перев. [illegible] 1864 г. стр. 7).

Но ~~приурочивать~~ это мнение из вне. из предположенной истории человечества. Чрезв. вероятно, ~~что из~~ ~~о свободе воли~~, но едва ли было учение о случае, так как самые дикие народы, которые вовсе не знают случая, [illegible] и [illegible] своей жизни — в вмешательстве духов, богов, чародеев, в [illegible] ~~[illegible]~~ и т. д. в области человеческой жизни. Закон судьбы ~~там~~ глубоко в жизни [illegible] как и [illegible], а чрезв. [illegible] судили по действиям — а у них получают место случая, а все причины той причиной воли сверхъестеств. сил. Это же воля есть [illegible] человек [illegible] исходящей из самого себя. Он судовал [illegible] сверхъестеств. сил по своему образу.

[illegible], ибо существо сознание и суждений, слишком [illegible] могут быть правы; [illegible] суждения [illegible] добродетели.

Здесь ошибка та, что сознание [illegible] от суждения. Ошибки бывают в суждении, а не в сознании; здесь же само чувство является сознанием, а [illegible] чувство является в [illegible]. Воли — [illegible] остается [illegible], [illegible] от [illegible], [illegible] — [illegible] судов [illegible].—

~~„Разве в [illegible] случаях [illegible] [illegible] [illegible] [illegible],~~

„Как [illegible] человек [illegible], что [illegible] не может [illegible] воли? Это не сознание, а суждение суждение о том, что может быть, а не том, что есть. Если [illegible] сознание имеет [illegible], то [illegible] [illegible] [illegible], не [illegible] [illegible], [illegible] может [illegible] быть в будущем."

С [illegible] [illegible]; [illegible] свобода [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] в [illegible] [illegible] и [illegible] — [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

„Полная свобода, т. е. полная воля дѣятеля, сама по себе ничего не исключает; подобно случайности это последний факт, недопускающий никаких объяснений." (стр. 9).

Конечно если так смотрѣть на свободу — это она и есть — но свобода есть мечта моя, если свобода выбора между мотивами, всегда существующими, но не тогда её нет совершенно; а все мотивы выходят из психических или иных свойств — только не ни один и тот же дѣятель был ни одинаковых мотивов, всегда даёт свою волю.

„Внутреннее сознание засвидетельствовано явлением всей истории," гов. Бокль и выводит из того, что сознание своей свободы также может быть ошибочно. (стр. 11).

А вслед он дальше утверждает (13). Сознание непогрешимо относительно фактов или свидетельства, но погрешимо относительно оснований. Мы сознаем известные явления; это свидетельствует, что явление существует в нашем духе или представляется ему; но сказать, что это доказывает истину явления — это значит объявлять вывод или только свидетельствовать, но и производить суждение; как только мы это делаем мы вносим начало погрешимо-

Для Бокля, как для историков, признать случай значит то допустить свое незнание или уклониться от объяснения причин случайных событий; но как для светских в высшей степени глупо и абсурдно, для иных поэтов, признать (трезвый фатализм) предопределение, вот что он говорит.

„К сказать для предмет. нашего сочинения, что, что ведут в внутреннее истории, как науки, на основании действительно одного из двух учений о свободной воли или предопределения. Положим, на что он при каждому основании науки ист. системы событий в следующем. Когда мы совершаем что либо, мы действуем на основании одного или нескольких побуждений; что побуждения эти суть результаты чего либо предшествующего; вот почему если мы узнали все предшеств... и т. д. (ib. стр. 13 и 14). (перевод из книги)

Но тут Бокль сам становится на дорогу строгому фатализму: если зависит от предшествующих явлений, то и предшествующий в свою очередь зависит от предшествовавших — и след. человек до этого или другого человека, все его поступки и все его мышления, все его чувства и ощущения — определяются ещё точно и прежде чем был явлен. — Положим, что это и „совершенствование предопределение", а сознательное — т. е. безусловным, мирящим в материи... Внутренним высшим актом

[illegible] този человѣкъ? Принятитѣ свѣдѣ-
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible]; [illegible] [illegible]
[illegible], [illegible] — [illegible]
[illegible] [illegible]. — [illegible]
[illegible] да [illegible] [illegible]
свобода

[illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible]
Божие: [illegible] [illegible] [illegible]
дѣйствие — [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible];
а [illegible] — [illegible] дѣйству-
[illegible] — [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] свободни дѣйствия
— [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible]. —

[illegible] Божие дѣйствие, [illegible]
[illegible] свободата воля, [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] и [illegible]?
(стр. 16)

На [illegible] [illegible] [illegible].
[illegible] Божие — [illegible] [illegible]; [illegible]
[illegible] [illegible], [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible],
[illegible] [illegible] [illegible] дѣй-
ствие. — [illegible] убийство [illegible]. [illegible]
[illegible]? (стр. 18) [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]: убийство — [illegible]
[illegible]. [illegible] [illegible] [illegible], [illegible]
[illegible] [illegible] убийство [illegible].

Орѫдие на убийство (?) [illegible] [illegible]:

Свобода Воли Божия (Духъ) №2

[illegible] Б. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]:
— [illegible] [illegible], [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]; [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible].
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] убийство
[illegible].

„Престѫпленията человѣчески
сѫть резултатъ [illegible]
[illegible] [illegible],
[illegible] [illegible] [illegible] въ
[illegible] [illegible] [illegible]."
(стр. 22).

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] сѫть резулта-
ти — [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible]. [illegible]..

Ако въ духа [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
Бога — [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]. —

[illegible] [illegible] [illegible],
[illegible] Божия [illegible] духъ,
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]„ [illegible] [illegible],
говори [illegible] (стр. 15) [illegible] [illegible]
духъ человѣческий [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] въ [illegible] (?), [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] дѣйствие [illegible]
[illegible], [illegible] [illegible] [illegible]

Это уже мудрецамъ, иначе другіе иначе. Въ случаѣ, гдѣ эти стремленія, не будетъ и очевидно стремленія Высшаго стремленія — и все сутьи.. Но было бы того, человѣкъ *высшимъ* стремленіемъ, движимый не по [illegible] предопредѣленію, какъ машина, или могъ бы и не движимъ этимъ, если не удовлетворяетъ вотъ въ томъ вопросѣ.

Самоубійство — слѣдствіе измѣненія силы свободы воли.

Въ отношеніи къ самоубійству Боклъ говоритъ: „что оно производится всегда состояніемъ общества и что отдѣльный преступникъ только приводитъ въ исполненіе то, что является необходимымъ слѣдствіемъ предшествовавшихъ обстоятельствъ" (стр. 20).

Но тогда, по теоріи Бокля, слѣд. мудрецъ и вѣчныя преобразованія: если есть преступленіе, то есть состояніе общества; а это состояніе въ свою очередь есть продуктъ предшествовавшихъ состояній и т. д. Доходимъ, что въ *борьбѣ элементовъ* при образованіи земного *шара* — уже были готовы всѣ условія человѣчества, и когда человѣкъ отдѣлился, и [illegible] и тогда [illegible] были уже заложены въ этомъ элементѣ [illegible] — [illegible] по теоріи формаціи.

организмъ. Съ другой стороны мы видимъ природу, тоже подчиняющуюся своимъ собственнымъ законамъ, но тѣ общіе законы природы въ соприкосновеніи съ духомъ человѣческимъ, возбуждающимъ стремленія людей, подстрекающихъ ихъ разсудокъ и, вслѣдствіе того, дающихъ имъ [illegible] такое направленіе, какого они не приняли бы безъ вмѣшательства *вмѣшательства*. Мы имѣемъ, стало быть, человѣка видоизмѣняющаго природу; природу видоизмѣняющую человѣка; всѣ событія суть слѣдствія этого взаимодѣйствія" (15).

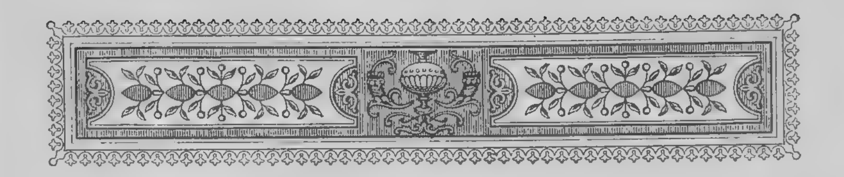
Изъ этого мы видимъ, какъ противорѣчива философія возрѣній *Бокля*. Эта природа отдѣлилась отъ природы человѣческаго духа, съ своими собственными организмами и дальнѣйшими [illegible] взаимодѣйствіе природы, — вѣрованіе, [illegible] ~~[illegible] въ будущій~~ основано въ „самые дорогіе" для Б. вѣрованія — въ будущій *душе* — не даетъ вамъ [illegible] отвергать *свободу воли*; но если въ основаніи въ *законахъ духа* о помощи. Онъ говоритъ, что увидали, что одни изъ этихъ законовъ самое основное — *свобода*, или самодѣятельное *самосознаніе*; этимъ дух. челов. и отличенъ отъ природы — и не [illegible] въ *собственныхъ* [illegible], что *имъ движетъ*

Опечатки.

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Стр. 12, строка 10 снизу.	
Глава VIII представляетъ заключеніе.	Глава VIII заключаетъ въ себѣ попытку выясненія основныхъ вопросовъ воспитанія, интересовавшихъ К. Д. Ушинскаго при составленіи имъ III-го тома Педагогической Антропологіи. Глава IX представляетъ заключеніе.
Стр. 19, строка 1 сверху.	
другими словами храмъ не былъ оторванъ, отъ жизни,	другими словами, храмъ не былъ оторванъ отъ жизни.
*Стр. 41, строка 2 снизу *).*	
родившемуся 19 Февраля въ 1823 г.	родившемуся 19 Февраля 1823 г.
Стр. 47, строка 15 снизу.	
К. Д. Уушинскаго	К. Д. Ушинскаго
Стр. 50, строка 2 снизу.	
Черезъ 20 минутъ раздается	черезъ 20 минутъ раздастся
Стр. 69, строка 4 сверху.	
Вотъ почему К. Д. Ушинскій такъ легко владѣлъ литературнымъ, художественнымъ, гибкимъ языкомъ, получившимъ, по заслугамъ, должную оцѣнку у признаннаго художественнаго стилиста Тургенева.	Вотъ еще одна изъ причинъ, почему К. Д. Ушинскій такъ легко владѣлъ литературнымъ, художественнымъ, гибкимъ языкомъ.
Стр. 86, строка 9 снизу.	
къ VI отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи,	къ IV отдѣленію Собственной Его Величества анцеляріи,

*) Выноски въ счетъ строкъ не приняты.

Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
На стр. 87, строки 14, 15 и 16 сверху — исключить.	
Стр. 99, строка 15 сверху.	
пѣли человѣческихъ дѣйствій.	цѣли человѣческихъ дѣйствій.
Стр. 100, строка 2 снизу.	
вылилось въ педагогическомъ ученіи и педагогическомъ дѣлѣ его.	вылилось въ педагогическомъ ученіи и педагогическомъ дѣлѣ его [1])
Стр. 103, строка 10 сверху.	
наиіональнаго	національнаго
Стр. 139, строка 5 сверху.	
не въ устояхъ,	не въ уставахъ,
Стр. 185, строка 7 снизу.	
сдѣланъ было	сдѣланъ былъ
Стр. 212, строка 11 снизу.	
гуманическаго	гуманистическаго
Стр. 229, строка 11 сверху.	
Бутру („Религія и наука“,	Бутру („Религія и наука“),

ГЛАВА I.

Общій очеркъ исторіи русской педагогики.

Всякая личность, какъ бы она значительна не была, не можетъ разсматриваться внѣ связи съ историческими судьбами своего народа. Многое незамѣтно и скрыто дѣйствуетъ въ человѣкѣ, какъ традиція давняго прошлаго и не ушедшаго свѣжаго настоящаго. Многое является, конечно, индивидуально самобытнымъ, творческимъ достояніемъ именно данной личности.

Выясняя многогранное вліяніе личности на различныя стороны жизни, мы должны сумѣть выдѣлить въ творчески сложномъ цѣломъ личности то, что можетъ быть поставлено за счетъ исторически выработаннаго народомъ, что можетъ быть отнесено къ вліянію текущей своей и западно-европейской жизни и что, наконецъ, можетъ быть открыто, какъ творчески самобытное, чисто индивидуальное, дающее право данной личности быть руководителемъ, учителемъ своего народа на вѣчныя времена его исторической жизни.

Начнемъ съ исторіи вопроса и раскроемъ педагогическую мысль нашей русской жизни ко времени появленія въ ней такого педагога, какимъ былъ К. Д. Ушинскій.

Изучая исторію русской педагогики и слѣдя за развитіемъ идей воспитанія въ ихъ временной послѣдовательности, мы въ итогѣ можемъ найти тѣ основныя зерна, которыми могло, въ видѣ традиціи, питаться сознаніе каждаго, имѣющаго притязаніе на умъ и чувство человѣка, а слѣдовательно, и національнаго педагога К. Д. Ушинскаго.

П. Ф. Каптеревъ въ своемъ большомъ трудѣ «Исторія русской педагогики» (1910 г.), дѣлитъ исторію русской педагогики на 3 періода и даетъ слѣдующую характеристику первому церковно-религіозному періоду:

1. «Педагогія [1]) этого періода была заимствованной. Основныя педагогическія идеи были взяты изъ библіи и сочиненій Іоанна Златоуста; апокрифы, исторія, космологія, этнографія и свѣдѣнія по всѣмъ другимъ отраслямъ знанія заимствовались отовсюду, гдѣ только могъ достать ихъ древній русскій человѣкъ.

Когда подошло время устройства надлежащихъ школъ, тогда сначала обратились къ грекамъ, а потомъ не побрезговали и нелюбимыми латинянами, хотя все-же и оставались при убѣжденіи, что «во всей Европіи подобной той земли (русской) и чудніе нѣтъ», что Москва—третій Римъ: первые два Рима пали, а четвертому не бывать.

2. Воспитательный идеалъ былъ ветхозавѣтный, суровый, исключавшій самостоятельность и свободу дѣтской личности, всецѣло подчинявшій дѣтей волѣ родительской, не хотѣвшій даже знать и считаться съ вполнѣ естественными потребностями дѣтей въ игрѣ, смѣхѣ и весельѣ. Страхъ дѣтскаго неповиновенія и своеволія проникаетъ педагогическія наставленія.

---

[1]) Стр. 103.

3. Образованіе было церковно-религіознымъ и заключалось въ изученіи церковно-богослужебныхъ книгъ, пополняемымъ каждымъ, въ мѣрѣ своей любознательности и средствъ, начетчествомъ такого же характера. Учились, главнымъ образомъ, у мастеровъ грамоты, учились долго, съ великимъ трудомъ и біеніемъ. Образованіе было одинаковымъ для всѣхъ и свободнымъ, дѣломъ свободнаго договора между родителями учениковъ и учителемъ. Никакихъ сословныхъ школъ не было, никакихъ профессіональныхъ курсовъ не существовало. Учитель учился тамъ же, гдѣ учились и его ученики, и зналъ часто немного больше своихъ учениковъ. Образованію ставилась серьезная воспитательная задача— душеспасительность, стремленіе сдѣлать людей лучше, научить ихъ премудрости и страху Божію.

4 [1]). Отсутствовала спеціальная педагогическая литература. Если кто-либо пожелаетъ узнать, какими идеалами руководились и въ жизни, и въ воспитаніи наши отдаленные предки, то нельзя обратиться за разрѣшеніемъ этого вопроса къ педагогическимъ сочиненіямъ, такъ какъ ихъ, собственно говоря, еще не было, а слѣдуетъ искать отвѣта на вопросъ въ разныхъ произведеніяхъ, трактующихъ объ укладѣ различныхъ сторонъ жизни, уже болѣе или менѣе обособившихся отъ общаго жизненнаго теченія. Таково, напримѣръ, «Поученіе Князя Владимира Мономаха къ дѣтямъ». Авторъ, какъ правитель страны, имѣетъ въ виду въ своемъ «Поученіи», главнымъ образомъ, управленіе землей, государственное строительство, дѣятельность князя; но, наряду съ совѣтами объ устройствѣ земли, авторъ касается и вообще свойствъ достойнаго человѣка и хоро-

---

[1]) Стр. 104.

шаго христіанина, задѣваетъ нѣсколькими словами и собственно воспитаніе. Рекомендуя дѣтямъ человѣколюбіе, неустанное трудолюбіе, уваженіе къ церкви и духовенству, заповѣдуя имъ въ полдень непремѣнно ложиться спать, потому что такое спанье установлено самимъ Богомъ, и, что въ полдень спитъ и звѣрь, и птица, и человѣкъ, Мономахъ замѣчаетъ, что, узнавъ что-либо хорошее, нужно его помнить, а чего не знаешь, тому нужно учиться; ссылается на примѣръ отца, который, сидя дома, выучился пяти языкамъ; прописываетъ знаменитый афоризмъ, что лѣность есть мать пороковъ, что человѣкъ долженъ всегда заниматься и тому подобныя наставленія чисто практическаго характера, доступныя каждому взрослому благоразумному человѣку безъ всякой педагогики.

Къ тому-же роду произведеній нужно отнести знаменитый Домострой, имѣющій въ виду описать порядокъ жизни и отношеній въ богатомъ дому. Здѣсь, наряду съ различными сторонами семейнаго быта, говорится и о томъ, какъ воспитывать дѣтей, какъ дѣти должны почитать родителей, изображается добрая жена и т. п. Наконецъ, въ различныхъ Златоустахъ, пчелахъ и однородныхъ сборникахъ, при обсужденіи различныхъ нравственныхъ вопросовъ, поднимается и педагогическій вопросъ, но не отдѣльно и самостоятельно, а въ связи съ другими нравственными вопросами и съ точки зрѣнія преимущественно религіозно-церковной. Когда сочиненіе озаглавливается даже «О воспитаніи дѣтей» или «О вскормленіи дѣтей», то и въ нихъ мы имѣемъ передъ собой лишь особаго вида поученія, въ которыхъ гораздо больше современной условной морали, чѣмъ педагогики. Настоящая педагогическая литература разсмотрѣннаго періода заключается въ азбуковникахъ и учебни-

кахъ; но азбуковники и учебники только первый шагъ къ педагогикѣ, но не сама педагогика. Притомъ и эта педагогическая литература отличалась заимствованнымъ характеромъ и весьма малою оригинальностью.

5 [1]). Отсутствовало педагогическое сословіе. Учителей, которые занимались бы только учительствомъ, еще не было, учителями были члены бѣлаго и чернаго духовенства, священники, дьяконы, дьячки, архимандриты, іеремонахи, и изъ свѣтскихъ лицъ—мастера грамоты. Для духовныхъ лицъ педагогическая профессія была второй, добавочной къ основной—духовной. Если педагогическая карьера не удавалась, то лицо возвращалось къ своему первоначальному назначенію—духовному. Отъ учителя требовали нѣкотораго знанія и образованія, но не умѣнья учить, т. е. педагогической подготовки. Потребности въ созданіи особаго, съ надлежащей подготовкой, учительскаго сословія еще не чувствовалось; кто какой наукой владѣлъ, такъ и могъ ее преподавать, руководствуясь практикой личнаго обученія и вдохновеніемъ. А такъ какъ все обученіе преслѣдоваго религіозно-церковныя цѣли, то по естественному порядку духовенство и являлось учителемъ. Что касается свѣтскихъ учителей грамоты—мастеровъ, то они находились въ тѣсной связи съ духовенствомъ, были помощниками дьячка, лицами, готовящимися занять духовную должность. Если же они къ этому не стремились, то обыкновенно занятія учительствомъ не составляли всей ихъ профессіи, а были только дополнительными къ какой либо другой—земледѣльческой, промысловой и т. п. Самые термины: учитель, педагогъ еще не были употребительны.

---

[1]) Стр. 105.

Въ XVII в. прибылъ однажды въ Москву учитель по профессіи, грекъ Венедиктъ, и предложилъ свои услуги, назвавъ себя учителемъ. Ему внушительно отвѣтили, что таланты даются отъ Бога, что никто не долженъ самъ величать себя учителемъ, и особенно это дерзко и неприлично младшему предъ патріархомъ...».

На фонѣ общаго вывода о церковно-религіозномъ характерѣ древне-русской педагогики можно еще подчеркнуть трогательную любовь къ просвѣщенію у лучшихъ избранныхъ людей того времени. Ярославъ завелъ въ Новгородѣ первое народное училище на 300 человѣкъ [1]. Забѣлинъ говоритъ, что начальное обученіе царевенъ велось учительницами-мастерицами. Учительница состояла въ дворовомъ штатѣ царицы и получала въ годъ по окладу жалованья 8 руб. и кормовыхъ по 6 денегъ въ день.

Сводная лѣтопись Татищева говоритъ: дочь Ярослава—извѣстная Янка—основала училище при Кіевскомъ Андреевскомъ монастырѣ для обученія дѣвицъ грамотѣ, письму, пѣнію и рукодѣліямъ. Съ незапамятныхъ временъ у насъ были грамотныя женщины, учившія и другихъ. Житіе преподобной Евфросиніи Полоцкой (пол. XII в.) говоритъ, что Евфросинія, въ мірѣ Предслава,—дочь Полоцкаго князя Георгія Всеславовича—была много учена и другихъ учила. Многіе изъ удѣльныхъ князей умирали въ бѣдности, потому что много отдавали школамъ.

Мало того, если вся древняя педагогика носила церковный характеръ, тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить особый духъ древней церкви. Храмъ у нашихъ предковъ былъ, какъ живое лицо [2]. При храмахъ были школы,

[1]) *Соловьевъ.* „Исторія Россіи“.

[2]) Митр. Макарій. „Исторія русской церкви“ Лавровскій „О древнерусс. училищахъ“ Демковъ, „Исторія русской педагогики“.

больницы и т. д.; другими словами храмъ не былъ оторванъ, отъ жизни, а составлялъ значительную часть несложной, патріархальной жизни предковъ.

Нельзя не отмѣтить также, что въ древности придавали важное значеніе *самостоятельному* чтенію и этимъ объясняется широкое распространеніе начетчества, какъ условія учености и просвѣщенія.

Такимъ образомъ, при разсмотрѣніи главныхъ моментовъ исторической жизни прошлаго, мы наталкиваемся на двойственность исключающихъ другъ друга началъ жизни. Эта двойственность произошла оттого, что въ русскомъ народѣ новая христіанская религія соединилась съ прежними понятіями до-христіанской жизни и въ результатѣ такого скрещенія на Руси долго существовало двоевѣріе.

Вотъ почему одни изъ изслѣдователей, обращая вниманіе на одну изъ сторонъ, подчеркиваютъ суровость дисциплины, почти лютую кровожадность ея и ссылаются на Іоанна Златоуста («Воспитаніе дѣтей»): «Наказуй сына своего отъ юности, а онъ тя покоитъ на старости», на народныя пѣсни: «по щекѣ ударитъ, румянца не станетъ, плетью ударитъ—тѣла убавитъ» и т. д. Съ другой стороны, многіе изслѣдователи [1]) увѣряютъ насъ, что, хотя грубость нравовъ еще была, но князья все твердили, что они братья и враждовать не надо; они какъ будто хотѣли укрѣпить въ себѣ христіанское начало жизни не на словахъ только, но и на дѣлѣ, стремились слиться съ новымъ міровоззрѣніемъ, внѣдрить себѣ въ сознаніе христіанскій идеалъ кротости и смиренія [2]). Владиміръ Мономахъ былъ религіозенъ

[1]) С. Миропольскій „Очеркъ исторіи церковно-приходской школы отъ перваго ея возникновенія на Руси до настоящаго времени“.

[2]) Демковъ „Исторія русской педагогики“, Лавровскій „О древнерусскихъ училищахъ“ и „Памятники стариннаго русскаго воспитанія“.

и кротокъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ: онъ смягчалъ законы, оградилъ собственность, упорядочилъ законъ о наслѣдственности и т. д.

Въ степенной книгѣ есть указанія, что дисциплина того времени была основана на Евангельской кротости и смиреніи и что имѣлось въ виду не только образованіе, но и нравственное воспитаніе. Такимъ образомъ положительной чертой того времени надо считать это инстинктивное стремленіе, продиктованное естественными условіями жизни, сочетать воедино, какъ нѣчто неразрывное по самому своему смыслу, воспитаніе и образованіе.

Въ источникахъ по древней педагогикѣ мы находимъ указанія, что духъ древней школы отличался отъ монастырей западныхъ, гдѣ virga (прутъ, лоза) и scutica (ремень, плеть) были необходимыми условіями обученія (Степенная книга).

Въ Толк. Еванг. Θеофилакта Болгарскаго XV—XVI в. есть приписка: «разумѣйте, учители, учите ни сладко, ни терпко, но въ мѣру» [1]).

Съ другой стороны, приводятся свѣдѣнія, будто въ школахъ въ трудныя минуты пѣвали такую вавилонскую пѣсню [2]):

Житье въ школѣ не по насъ
Въ одинъ день сѣкутъ пять разъ,

а малыши подтягивали визгливыми дискантами:

Охъ, горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда!

Хоръ доканчивалъ:

Хоть какого молодца
Сгубитъ школа до конца,

---

[1]) Соболевскій „Образованность Московской Руси“.
[2]) Мережковскій „Петръ и Алексѣй“.

а малыши припѣвали:

Охъ, горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.

Духъ кротости, незлобивости, добродушной грубоватости, человѣколюбія (Поученіе Вл. Мономаха), защита слабыхъ, но никакъ не хроническая жестокость, вотъ что вошло замѣтной складкой въ характеръ русскаго народа и, быть можетъ, все это находитъ первоначальный свой источникъ въ особыхъ условіяхъ древнерусскаго воспитанія.

Нельзя также не остановиться на живомъ вліяніи живой личности XIV вѣка преподобномъ Сергіи Радонежскомъ—Благодатномъ воспитателѣ духа русскаго народа. Не теоріей, но живымъ примѣромъ, практической педагогикой каждодневнаго труда преподобный умѣлъ всего себя посвятить общему дѣлу, не стирая личныхъ свойствъ, ввѣренной его управленію, монастырской братіи. Но не только монастырская братія находилась подъ его вліяніемъ: и міряне вопитывались въ соприкосновеніи съ обителью Троицко-Сергіевской Лавры, гдѣ настоятельствовалъ преподобный.

Чувство нравственной бодрости, духовной крѣпости вдохнулъ надолго преподобный Сергій въ русское общество. Не только помогъ онъ русскому обществу свергнуть татарское иго: онъ вдохнулъ вѣру въ будущее, какъ истинный просвѣтитель и воспитатель русскаго народа [1]).

Преподобный Сергій сумѣлъ привить не только братіи, но и мірянамъ главные черты монастырской педагогики: постъ, усердную молитву, братолюбіе, нищелюбіе,

---

1) Ключевскій „Благод. восп. духа русскаго народа Сергій Радонежскій“.

безропотное послушаніе, терпѣливое перенесеніе трудовъ, почитаніе книгъ, умѣнье отдавать себя на служеніе общему дѣлу. Самъ святитель, какъ рабъ купленный, то въ качествѣ пекаря, плотника, портного или мельника, то въ качествѣ ночного усерднаго молитвенника всегда первый осуществлялъ требованія монастырской педагогики.

Учить нравомъ, а не словомъ—идетъ у насъ отъ древности и западно-европейская реформа XVI в. Монтэня, провозгласившая основнымъ принципомъ педагогики самодѣятельность, для насъ не нова: наши предки по этимъ принципамъ жили искони. Еще одна черта древности насъ пріятно поражаетъ и удивляетъ забвеніе ея въ настоящемъ—это то значеніе, которое придавали лучшіе люди древности силѣ воспитанія. Врожденнаго зла, говоритъ Іоаннъ Златоустъ, нѣтъ, но зло является отъ дурного воспитанія и родители могутъ изъ дѣтей все сдѣлать, что они хотятъ. Конечно, просвѣщенный и крайне терпимый Іоаннъ Златоустъ не могъ исключать совсѣмъ значенія наслѣдственности, но вѣроятно онъ, какъ глубоко проницательный человѣкъ, инстинктивно понималъ наслѣдственность въ смыслѣ предрасположеній, вѣрнѣе, въ смыслѣ унаслѣдованныхъ привычекъ, съ которыми борьба можетъ и должна вестись путемъ привитія дѣтямъ привычекъ противоположныхъ унаслѣдованнымъ, а послѣднее всецѣло въ рукахъ воспитателей и воспитанія. Слѣдовательно, общество, зараженное дурными людьми, родители, вырастившіе преступныхъ дѣтей, сами себѣ подписываютъ приговоръ: не сумѣли, еще въ дѣтствѣ, обезвредить, путемъ тщательнаго разумнаго воспитанія, преступные наслѣдственные побѣги. Нравственныя искривленія въ дѣтствѣ, путемъ воспитанія, могутъ быть выпрямлены

въ очень значительной степени. Надо только искренно, непритворно вѣрить въ эту возможность.

Пусть воспитатели переборщатъ въ излишней вѣрѣ въ лучшую природу людей, въ бо́льшую силу воспитанія: ихъ вѣра въ лучшія стороны природы человѣка вызоветъ къ жизни это хорошее въ тѣхъ, съ кѣмъ они будутъ имѣть дѣло въ воспитаніи. Какъ аукнется, такъ и откликнется. Мало того, если мы вѣримъ, что воспитаніе могущественная сила въ жизни, мы—воспитатели все время сохраняемъ спокойствіе, уравновѣшенность и жизнерадостность духа: мы вѣримъ, что сейчасъ не удалось, а вотъ завтра, послѣ-завтра, черезъ недѣлю, мѣсяцъ и т. д. это будетъ иначе и добро побѣдитъ зло. Наша жизнерадостность заражаетъ своей энергіей воспитанниковъ и результаты добраго воспитательнаго вліянія сказываются, осуществляются. Воспитатель и воспитанникъ другъ другу помогаютъ: воспитатель вѣрой въ воспитанника и надеждой, что не все потеряно, есть еще возможность исправленія, а воспитанникъ—стремленіемъ оправдать довѣріе воспитателя. Происходитъ между тѣмъ и другимъ нѣчто вродѣ психическаго химизма, въ результатѣ котораго мы замѣчаемъ наростаніе общей энергіи жизни.

Сошлемся на авторитетъ В. Я. Стоюнина, который говорилъ намъ, что недостатокъ вѣры въ людскую честность свидѣтельствуетъ о низкомъ уровнѣ всего общества. Недовѣріе не позволяетъ вложить въ дѣло свою душу, отсюда дѣло мертвѣетъ. Угнетенный духъ педагога дѣйствуетъ угнетающе и на учащихся [1]).

Обращаясь къ исторіи русской педагогики, полагаемъ, что слѣдовало бы церковно-религіозный періодъ

---

[1]) В. Я. Стоюнинъ „Замѣтки о русской школѣ.“

русской педагогики, доводимый до Петра Великаго, раздѣлить еще на 2 подотдѣла: 1) отдѣлъ древній до XV—XVI в. и 2) отдѣлъ поисковъ новаго—межъисторическій отъ XVI—XVII в.—до реформъ Петра Великаго.

Основаніемъ для такого подраздѣленія можетъ служить измѣненіе настроенія и до извѣстной степени руководящихъ идей въ этотъ періодъ русской жизни.

Вотъ что говоритъ по вопросу о братствахъ Владимірскій-Будановъ въ своемъ изслѣдованіи «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в.» (изд. 1874 г.): «Братское воспитаніе *свободное* и *всесословное* и цѣль его—*«людскость»*. Эта система школъ—лѣстница отъ элементарнаго до границъ высшаго; къ послѣднему приближаются училища: кіевское, львовское и виленское.

Въ XVII в. національное образованіе кіевской школы искажено Петромъ Могилою, такъ какъ русскія училища копируютъ уставы и принимаютъ характеръ іезуитскихъ коллегіумовъ. Во всякомъ случаѣ поворотный пунктъ въ исторіи русскаго образованія—къ общечеловѣческой его формѣ, къ извѣстной широтѣ взглядовъ—должно отнести, говоритъ Владимірскій-Будановъ, не къ реформѣ Петра Великаго, который, дѣйствительно, далъ насквозь профессіональное образованіе, а къ концу XVI в., къ дѣятельности братствъ.

Братскія школы XVI в. ставятъ себѣ *опредѣленныя* боевыя задачи: защищать православіе, остановить переходъ въ католичество, давъ русскимъ просвѣщеніе, не лишенное сильныхъ сторонъ іезуитско-польскаго образованія. Петръ Могила и Петрово-Могилянская Академія принимаютъ на себя задачи научнаго образованія, чего въ прежней педагогикѣ мы не замѣчаемъ. Правда, научность того времени не можетъ быть охвачена понятіями нашего времени, но во всякомъ случаѣ попытки

новаго ясно вырисовываются на фонѣ церковно-религіознаго періода русской педагогики.

Въ управленіи братствъ мы видимъ господство выборнаго коллегіальнаго начала, чего не было въ чисто іезуитскихъ школахъ. Элементы славянской души внесли свое въ пересаженное изъ латинскихъ школъ образованіе.

Стремленіе къ просвѣщенію сказывается довольно сильно въ это время. Въ началѣ 1662 г. прибылъ въ Москву грекъ Паисій Лигаридъ, обширной учености человѣкъ, который высказалъ, что смятеніе народное происходитъ отъ невѣжества, нѣтъ народныхъ училищъ и библіотекъ. «Если бы меня просили назвать столпы церкви, говорилъ онъ, я-бы отвѣтилъ: во 1-хъ училища, во 2-хъ училища и въ 3-хъ училища».

Въ греко-латино-славянской Академіи греки братья Лихуды подали примѣръ живого отношенія къ наукѣ. Въ исторіи развитія Академіи, мы замѣчаемъ поиски новаго и борьбу за это творческое новое, которая завершилась уже ко времени Екатерины II. Греческія, латинскія и славянскія теченія не сразу находятъ органическій свой синтезъ съ господствомъ славянскаго начала, оплодотвореннаго греческой и латинской культурой. Въ исторіи сѣверо-восточной Академіи мы можемъ отмѣтить слѣдующіе періоды: 1-й простирается отъ Лихудовъ до Палладія Роговскаго (1685—1700 г.) съ преобладаніемъ греческаго образованія, 2-й отъ Палладія Роговскаго до времени митрополита Платона (1700—1775 г.) съ преобладаніемъ образованія латинскаго, 3-й отъ митрополита Платона до преобразованія Академіи и перемѣщенія ея въ Троицко-Сергіевскую лавру (1775 — 1814 г.г.) — съ преобладаніемъ славянскаго элемента. Но мы знаемъ также, что братья

Лихуды, будучи переведены, по просьбѣ митрополита Новгородскаго Іова, въ Новгородъ, открыли тамъ школу съ 2-мя отдѣленіями: 1) эллино-славянскую и 2) славянскую. Слѣдовательно, славянское начало въ жизни русскаго народа жило настолько сильно, что греки Лихуды не могли не уступить натиску самой русской жизни и, прививая греческую культуру, развивали и славянскую. То же было и на юго-западѣ. Такимъ-то образомъ подготовлялась, волею самой жизни, грядущая русская культура.

Второй періодъ русской педагогики долженъ быть названъ государственнымъ періодомъ. Прекрасную характеристику этого періода, полную точнаго соотвѣтствія съ историческими данными того времени, даетъ П. Ф. Каптеревъ въ своей «Исторіи русской педагогики».

Вотъ общая схема этой эпохи: «Развитіе [1]) образованія въ государственный періодъ совершалось въ такой послѣдовательности: на мѣсто прежняго единаго церковнаго образованія созданы были профессіональныя, свѣтскія и духовныя школы разныхъ типовъ, съ принудительной посылкой дѣтей извѣстныхъ сословій въ извѣстныя школы. Слѣдовательно, устроенныя профессіональныя школы были сословными. Таково было положеніе образованія отъ Петра I до Екатерины II. Екатерина II и Александръ I (въ началѣ своего царствованія) попытались поставить образованіе болѣе свободно и гуманно, дать школамъ общеобразовательный курсъ, сдѣлать школы безсословными, а посѣщеніе ихъ необязательнымъ. Общее образованіе утвердилось, но оно постепенно вернулось къ сословности, правда смягченной, и съ прекращеніемъ принудительной посылки дѣтей

---

[1]) Стр. 224.

въ извѣстныя школы. Для завѣдыванія школами былъ созданъ спеціальный государственный органъ—министерство народнаго просвѣщенія, придавшій школамъ внѣшнюю стройность и порядокъ.

Государственный періодъ [1]) русской педагогики характеризуется слѣдующими чертами:

1. Заимствованія продолжаются и оказываются не менѣе значительными, чѣмъ въ первый періодъ: совершается масса переводовъ; выписываются изъ-за границы учителя, профессора и даже студенты (одинъ разъ); заимствуются и цѣлыя педагогическія системы и частныя педагогическія ученія. Вся разница съ первымъ періодомъ состоитъ въ томъ, что заимствованія дѣлаются исключительно съ запада,—востокъ, греки теряютъ всякое культурное значеніе,—и дѣлаются въ интересахъ государства, а не церкви. Церковь въ дѣлѣ образованія настолько подавляется государствомъ, что одно время даже Законъ Божій преподается свѣтскими людьми и учебники по Закону Божію составляются ими-же. А вообще законоучитель превращается въ простого учителя, съ подчиненіемъ его всѣмъ учительско-школьнымъ порядкамъ.

2. Единое для всѣхъ образованіе перваго періода во второмъ, сдѣлавшись сословнымъ, раздробилось на многіе типы и виды. Вслѣдствіе этого, по сравненію съ первымъ періодомъ, мы наблюдаемъ во второй такія особенности: а) число школъ значительно возрасло (въ абсолютномъ смыслѣ слова) и типы ихъ сдѣлались разнообразными—университеты, гимназіи, корпуса, духовныя академіи и семинаріи, городскія и приходскія училища, разныя профессіональныя и техническія школы. Появился особый классъ людей—учителей, пре-

[1]) Ibidem стр. 225.

подавателей, педагоговъ; возникла педагогическая литература, главнымъ образомъ переводная и заимствованная, но частью и самостоятельная, съ нѣкоторыми оригинальными взглядами».

Стоитъ вспомнить Посошкова—1653—1726 г.г., который изложилъ цѣлую систему педагогики въ обширномъ сочиненіи, написанномъ въ 1719—1720 г.г. подъ заглавіемъ «Завѣщаніе отеческое» (изд. Прилежаева, Спб., 1893 г.). Это сочиненіе, своего рода Домострой XVIII вѣка [1]). Среди разныхъ правилъ, въ духѣ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ ученій, Посошковъ всякому человѣку рекомендуетъ «дѣлать добро, знакомому и незнакомому, другу и недругу, миловать животныхъ, не истреблять безъ толку растеній, *Богу бо ничто тако не любезно, яко милосердіе*».

«Дѣлая наставленія о томъ, какъ вести себя въ различныхъ жизненныхъ положеніяхъ и должностяхъ, Посошковъ особенно настаиваетъ на необходимости честнаго посильнаго труда, работы неустанной, правильной, не за страхъ, а за совѣсть. Будетъ-ли то трудъ простой, физическій, или духовный, административный, всюду и всегда трудись во всю, честно, *всею христіанскою правдою работай*».

Правда, у Посошкова тоже, какъ и въ древности, мирно уживаются противорѣчивые идеалы новаго и ветхаго завѣта: съ одной стороны мы находимъ у него, какъ и въ древней педагогикѣ, воздѣйствіе насилія и палки, а рядомъ съ этимъ—воздѣйствіе любви и свободы.

Другой дѣятель Петровскаго времени, высказавшій опредѣленно свои педагогическія убѣжденія, былъ Татищевъ (1686—1750 г.г.).

---

[1]) Ibidem 168, 169 стр.

Въ «Увѣщаніи умирающаго отца къ сыну», въ «Разговорѣ о пользѣ науки и училищъ» связь съ древней Русью у Татищева слабѣе, чѣмъ у Посошкова: въ немъ проявляется уже новый духъ утилитарно настроеннаго педагога, защитника науки. Для Петровской педагогіи характерно сочиненіе «Юности честное зерцало», напечатанное по приказанію Государя въ 1717 году и выдершее нѣсколько изданій [1]). «Зерцало» есть соединеніе старинныхъ складовъ съ правилами дворянской внѣшней обходительности, для него воспитанный человѣкъ— обученный по старому, но по новому одѣтый и кланяющійся [2]).

Помимо особенности государственной педагогики, сказавшейся, какъ было упомянуто, въ возрастаніи числа школъ, и появленія педагогической литературы и особаго класса людей-учителей, преподавателей и педагоговъ, П. Ф. Каптеревъ справедливо отмѣчаетъ еще слѣдующее: б) [3]) «заботясь объ устройствѣ школъ, государство заботилось собственно не столько о нихъ, не о просвѣщеніи гражданъ, сколько о лучшей постановкѣ государственной службы, для чего школы были лишь орудіемъ. Собственно къ народному образованію государство, по большей части, относилось недовѣрчиво и цѣнило не столько самое образованіе, сколько его политическую благонадежность и удовлетвореніе просвѣщеніемъ профессіональныхъ государственныхъ потребностей. Поэтому и созданный государствомъ органъ для завѣдыванія школами—министерство народнаго просвѣщенія, былъ такъ поставленъ, что служилъ издавна органомъ не столько дѣйствительнаго народнаго просвѣ-

---

[1]) Ibidem стр. 178.
[2]) Ibidem стр. 180.
[3]) Ibidem стр. 225.

щенія, сколько надзора, по требованіямъ политики момента, за благонадежностью просвѣщенія. Самое народное просвѣщеніе развивалось крайне туго, такъ какъ матеріальныя средства на это отпускались государствомъ постоянно весьма скудныя, а потому народъ оставался въ полномъ невѣжествѣ и во второй періодъ, какъ и въ первый.

3. [1]) Возникшее учительское сословіе государство сдѣлало, наряду съ другими, служилымъ сословіемъ, особою разновидностью чиновниковъ, для которыхъ была обязательна государственная дисциплина, исповѣданіе устно и дѣломъ принятыхъ государственныхъ началъ. Зато учителя-чиновники награждались, какъ и всѣ прочіе чиновники, царскимъ жалованьемъ, чинами и орденами, носили мундиры, шпаги и треуголки. Превратившись въ слугъ царевыхъ, учителя-чиновники естественно не признавали для себя обязательнымъ считаться въ своей дѣятельности съ желаніями общества и родителей, подчинять школу контролю общественнаго мнѣнія, общественной критикѣ; у нихъ былъ свой господинъ— государственная власть, указаній которой они единственно и слушались. Такимъ образомъ возникло полное раздѣленіе между школой и обществомъ, школа, вопреки своему состоянію и положенію въ первый періодъ развитія педагогики, обособилась отъ общественной жизни, стала вести свою специфическую жизнь, постоянно наклоняясь въ тѣ стороны, въ которыя дулъ политическій вѣтеръ. Школа сдѣлалась мѣстомъ примѣненія измѣнчивыхъ политическихъ взглядовъ и теченій, она вполнѣ подчинилась политикѣ, переполнилась ею, а вмѣстѣ съ этимъ, конечно, потеряла всякую самостоятельность и устойчивость. Она развивалась не на авто-

[1]) Ibidem стр. 226.

номныхъ началахъ, на которыхъ ей слѣдуетъ развиваться, а постоянно подчинялась давленію политическихъ, чуждыхъ ей по самому существу и весьма измѣнчивыхъ, стремленій. Поэтому плѣненіе школы государствомъ не могло быть періодомъ ея процвѣтанія, хотя государственное состояніе школы было необходимымъ моментомъ въ ея развитіи и все же нѣчто благое принесло школѣ и не незначительное».

Выработка привычки «къ учебѣ» въ русскомъ обществѣ одна изъ большихъ заслугъ этого времени.

---

4. «Подчинивъ всѣ школы и учителей своему исключительному вѣдѣнію, государство стѣснило частную дѣятельность въ дѣлѣ образованія, закрывая частныя школы или навязывая имъ свои программы и строй. Всѣ частныя школы, даже элементарныя, были поставлены подъ бдительный контроль государства. Мало того, государство простерло свою руку и на семью: отбирая малолѣтнихъ дѣтей въ свои школы, производя учащимся въ семьѣ дѣтямъ экзамены, государство и семью превратило въ дѣлѣ воспитанія въ служебный органъ своимъ цѣлямъ. Стѣсненіе частнаго образованія и одностороннее регулированіе семейнаго воспитанія неблагопріятно отразилось на развитіи русской педагогики, и школьнаго образованія и семейнаго воспитанія, подорвавъ въ обществѣ интересъ къ педагогическому дѣлу, устранивъ отъ него общество.

5. Воспитываемая личность [1]) въ государственный періодъ выиграла очень мало. Ее стали, конечно, лучше учить, но ея цѣнность возросла немного: въ семьѣ отецъ, по прежнему, былъ суровымъ патріархомъ, продолжавшимъ рано сгибать волю своихъ дѣтей подъ свою власт-

[1]) Ibidem стр. 227.

ную руку и не чуждавшимся суровыхъ мѣръ. Въ школахъ дисциплина была прямо жестокая. дѣтская воля сокрушалась, какъ своеволіе, по прежнему, и о естественныхъ потребностяхъ дѣтства, физическихъ и особенно психическихъ, заботились мало. Гуманные взгляды на дисциплину педагоговъ екатерининскаго времени—Бецкаго, Новикова, Янковича—не привились, суровая ветхозавѣтная дисциплина продолжала царить.

6. Теоретическая педагогика государственнаго періода служила, по естественному порядку, также органомъ выраженія государственныхъ началъ въ воспитаніи. Особенно сильно такое направленіе педагогической мысли сказалось въ педагогикѣ Бецкаго и книгѣ «О должностяхъ человѣка и гражданина».

Теоретики—педагоги, защищавшіе въ воспитаніи общественный починъ, какъ Новиковъ, успѣха не имѣли. Церковно-богословская педагогика перваго періода, не смотря на полное измѣненіе основного начала, еще продолжалась, имѣя представителей не только въ началѣ періода, въ переходное время (Посошковъ и Татищевъ). но и въ концѣ его (Ширинскій-Шихматовъ и архіепископъ Евсевій)» [1]).

«Болѣе или менѣе самостоятельнымъ педагогомъ и. дѣйствительно, виднымъ дѣятелемъ по народному образованію времени Екатерины II былъ Н. И. Новиковъ [2]). Если Бецкій—воспитатель дѣтскій—работалъ, пользуясь громадными средствами государства и силой неограниченнаго самодержавія. какъ довѣренное лицо Государыни, Новиковъ работалъ, пользуясь общественными силами и средствами, возбуждая общественную энергію. проявляя громадный запасъ личной инициативы и настой-

---

[1]) Ibidem 227 стр.
[2]) Ibidem 200 стр.

чивости. Онъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе многими цѣнными изданіями научнаго характера въ родѣ «Древней Вивліоѳики», устройствомъ типографій, книжныхъ складовъ, библіотекъ, школъ и массой выпущенныхъ имъ въ большую публику книгъ самого разнообразнаго содержанія, отъ «Букваря Россійско-церковнаго съ гражданскими литерами» до сатирическихъ журналовъ и произведеній философской и мистической литературы; онъ издавалъ первый въ Россіи дѣтскій журналъ подъ именемъ «Дѣское чтеніе для сердца и разума». въ видѣ приложенія къ Московскимъ Вѣдомостямъ, журналъ весьма содержательный и хорошій, разнообразный по помѣщаемымъ въ немъ статьямъ и имѣвшій большой успѣхъ; наконецъ, Новиковъ напечаталъ цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ психологическихъ и педагогическихъ статей, напримѣръ, одна изъ нихъ «О воспитаніи и наставленіи дѣтей для распространенія общеполезныхъ знаній и всеобщаго благополучія»—помѣщена въ прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ 1783 года».

До сихъ поръ мы чувствуемъ запахъ современности въ заявленіяхъ Новикова, что въ Петербургѣ и Москвѣ укоренилась болѣзнь, называемая «слѣпое пристрастіе ко всѣмъ иностранцамъ». «Новиковъ указывалъ [1]) на отвращеніе «Россійскихъ господчиковъ къ чтенію Русскихъ книгъ» потому только, что онѣ русскія, и насмѣшливо совѣтовалъ печатать ихъ французскими литерами».

«Въ Трутнѣ (1769—1770 г.г.); въ «Вѣдомостяхъ изъ Кронштадта» Новиковъ высмѣивалъ пристрастіе къ иностранцамъ, особенно къ французамъ и осуждалъ неосторожное порученіе воспитанія дѣтей, сомнитель-

[1]) Ibidem 201 стр.

ной репутаціи, пріѣзжимъ французамъ». «Новиковъ не раздѣлялъ идеи Бецкаго о вредѣ семьи, о необходимости отдѣленія при воспитаніи малолѣтнихъ дѣтей отъ общества взрослыхъ, отъ родителей и семьи, какъ источниковъ заразы. Наоборотъ, Новиковъ придавалъ видное воспитательное значеніе семьѣ и примѣру родителей». «Ни въ какомъ случаѣ родители не должны служить дѣтямъ *образцомъ проспанія своей жизни или проведенія ее въ бездѣлкахъ*».

Воспитаніе разума, вопреки Бецкому, Новиковъ особенно подчеркиваетъ въ разныхъ сочиненіяхъ своихъ. Важно отмѣтить, что уже Новиковъ—педагогъ, теоретикъ и практикъ одновременно, совѣтовалъ узнать психику дѣтей и воспитательныя мѣры сообразовать со свойствами этой психики, т. е. стремился педагогику обосновать научно.

Такимъ образомъ, въ сознаніи такого выдающагося педагога Екатерининскаго времени, какимъ былъ Новиковъ, уже назрѣвала потребность созданія своего рода Педагогической Антропологіи.

Прочное обоснованіе русской наукѣ заложено Ломоносовымъ. Наперекоръ космополитическимъ взглядамъ Новикова, Ломоносовъ положилъ началю и нашему національному воспитанію. Онъ стремился создать русскихъ людей для Россіи, развивалъ любовь и уваженіе къ Россіи, какъ къ отечеству, пользу и славу котораго онъ высоко ставилъ [1]). По силѣ таланта, любви къ родинѣ, наукѣ, просвѣщенію, по поэтическому дару, по педагогическимъ заслугамъ—это величайшее имя среди русскихъ именъ XVIII в.

Къ этому же вѣку долженъ быть отнесенъ ориги-

---

[1]) Демковъ „Исторія русской педагогики" ч. II., Ф. А. Витбергъ „М В. Ломоносовъ и Сѣверный культурный центръ" СПБ. 1912 г.

нальный народный учитель, первый русскій философъ—Сковорода, изъ села Чернухи, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи (1722—1794 г.г.). Царствіе Божіе внутри насъ, счастье въ сердцѣ, сердце въ любви, любовь же въ законахъ Вѣчнаго, говорилъ онъ. Сочиненіе этого украинскаго философа-скитальца, восхотѣвшаго на Руси быть русскимъ Сократомъ,—«Начальная дверь»—глубоко трогательно по содержанію. «Узнавъ себя, человѣкъ увидитъ достоинство безсмертія души своей и ничтожество всего земного и скоропереходящаго. Всѣ мысли и желанія наши должны быть постоянно обращены къ небу и вѣчности». Страстно любя малорусскую природу, языкъ, пѣсни и обычаи Украйны, Сковорода былъ поборникомъ освобожденія крестьянъ, и глубоко, по философски, выражалъ свои мысли въ пользу равенства всѣхъ людей передъ Господомъ Богомъ: «барская умность», пишетъ Сковорода, «будто простой народъ есть черный, кажется мнѣ смѣшною, какъ и умность тѣхъ названныхъ философовъ, что земля есть мертвая. Какъ мертвой матери рождать живыхъ дѣтей и какъ изъ утробы чернаго народа вылонились бѣлые господа?». На учителя Сковорода смотрѣлъ высоко и видѣлъ истинное назначеніе его въ развитіи природныхъ свойствъ человѣка: учитель не учитель, а только служитель природы.

На сколько идеальное, начало вѣчности въ немъ было сильно, видно изъ словъ Сковороды, сказанныхъ при прощаніи любимому его ученику Ковалинскому: «помни, что говорили: свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время». На могилѣ Сковороды, по желанію его, была сдѣлана такая надпись: «міръ ловилъ меня, но не поймалъ». И, дѣйствительно, ни мелочи, ни дрязги житейскія, ни жестокая бѣдность не

тронули высокой, исполненной идеями вѣчности, народной души Сковороды. «Другъ мой! говаривалъ онъ своему ученику: величайшее наказаніе за зло есть сдѣлать зло, какъ и величайшее воздаяніе за добро есть дѣлать добро. Любовь добродѣтели подобна свѣту огня; зажги огонь, тотчасъ свѣтъ осіяетъ глаза твои; возлюби, возчувствуй охоту къ добродѣтели, тотчасъ сердце твое освѣтится веселіемъ» [1]).

Въ эпоху сомнѣній, невыработанныхъ убѣжденій, особенно необходимо познать себя до глубины души, понять смыслъ жизни, цѣль ея, разобрать, что мы знаемъ и что нужно еще намъ знать и дѣлать, что мы можемъ и чего не можемъ, чему намъ вѣрить, чему служить, чѣмъ и какъ жить, чтобы дѣлать истинную работу—и все это философски пробовалъ впервые на Руси освѣтить русскій Сократъ—Сковорода.

У Сковороды есть превосходное мѣсто о народномъ воспитаніи [2]): «Учителю надлежитъ быть вездѣсущимъ въ народѣ: ибо «изводъ» образованія долженъ быть изъ народа, для народа, народный; долгъ же учителя познать необходимость, мѣру, примѣръ и свойство «исты» образованія и сочетать себя съ народомъ, т. е. изводъ съ истою или форму съ идеей. Какое идолопоклонство вописывать выписаннымъ мудрецамъ и наемнымъ учителямъ изъ нѣмцевъ и французовъ силу восприносить и воспричитать чуждому воспитанію! Самое воспитаніе скрывается въ природѣ каждаго народа, какъ огонь и свѣтъ невидимо скрываются въ кремешкѣ. Приставь-же губку либо трутъ, не пожалѣй руки и ударь кресаломъ и выкресишь огонь у себя дома, и не будешь ходить по сосѣднимъ хатамъ съ «трепетицею» кланяться

---

[1]) См. также *Демковъ* „Исторія русской педагогики" стр. 527.
[2]) Ibidem стр. 542.

и просить займи мнѣ огня! Учителю подобаетъ быть изъ среды народа русскаго, а не нѣмцу и не французу. Не чуждому воспитанію должно быть привиту къ русскому человѣку, а своему родному. Нужно его умѣть силой найти, выработать его изъ нашей же жизни, чтобы снова осмысленнымъ образомъ его обратить въ нашу же жизнь». «Всякій долженъ узнать свой народъ и въ народѣ себя. Русь ли ты? будь ею: вѣрь право-славно, служи царицѣ право, люби братію «нравно». Все хорошо на своемъ мѣстѣ и въ своей мѣрѣ, и все прекрасно, что чисто природно, т. е. не поддѣлано, не подмѣшано, но по своему роду». Русь не русская представляется Сковородѣ диковинкой, «какъ если-бы родился человѣкъ съ рыбьимъ хвостомъ и головою».

Жизнь великихъ людей должна всегда сохраняться въ нашей памяти и умѣнье цѣнить культурныя заслуги ихъ является показателемъ культуры самого народа.

Такимъ же преданнымъ своему народу, какъ и Сковорода, былъ воспитатель Павла I знаменитый Платонъ митрополитъ Московскій (1737—1812 г.г.), высоко поднявшій значеніе славяно-греко-латинской Академіи, перенесенной къ тому времени въ Троицко-Сергіевскую лавру, гдѣ до сихъ поръ любовно сохраняются покои митрополита для назиданія народу и для прославленія свѣтлой памяти этого великаго человѣка того времени.

«Слава Богу, Москва свободна и я умру спокойно», говорилъ Платонъ, когда его извѣстили, что французы изгнаны [1]). Это былъ преданный родинѣ, сильный человѣкъ, словомъ своимъ дѣйствовавшій на всѣхъ. Про него Императрица Екатерина II говорила: «что хочетъ дѣлать съ нами митрополитъ Платонъ, то и дѣлаетъ,

---

[1]) *Н. Снегиревъ* „Жизнь Московскаго Митрополита Платона“ 1856 г. ч. I и II.

хочетъ, чтобы мы плакали, мы плачемъ; хочетъ, чтобы смѣялись, мы смѣемся».

Императрица Екатерина II умѣла окружить себя выдающимися людьми и вѣкъ Екатерины полонъ блестящихъ именъ.

Положеніе о народныхъ училищахъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ законодательныхъ актовъ царствованія Екатерины: имъ положены основы всеобщаго народнаго образованія въ Россіи. Петровскія же попытки распространить просвѣщеніе въ странѣ черезъ цифирныя школы не удались [1]).

Правда, не только митрополитъ Платонъ, философъ Сковорода, но еще раньше Посошковъ, хотя и тщетно, выражалъ народное желаніе о необходимости русскаго національнаго воспитанія и паче всего для духовенства.

Янковичъ-де Миріево, дѣятель Екатерининскаго времени по народному образованію, сумѣлъ до нѣкоторой степени поднять значеніе народнаго учителя, какъ общественнаго дѣятеля и тѣмъ подготовить въ будущемъ развитіе національной педагогики.

При изученіи исторіи русской педагогики, въ виду многаго своеобразнаго, чѣмъ отличался вѣкъ Екатерины II отъ вѣка Петра Великаго, было бы полезно, въ цѣляхъ болѣе точнаго выясненія наростающихъ новыхъ педагогическихъ идей, обособить эти двѣ историческія эпохи. Екатерининское время, съ заботами сердечнаго воспитанія, съ заботами общечеловѣческаго, гуманитарнаго образованія, достаточно отличалось отъ узко утилитарно-профессіональныхъ задачъ Петровскаго просвѣщенія и тѣмъ самымъ внесло нѣчто новое, какъ образующій элементъ, въ синтетическую работу даль-

---

[1]) Гр. *Д. Толстой*. „Городскія Училища въ царствованіе Екатерины II“.

нѣйшей русской, такъ называемой общественной, реформаторской, педагогики.

Къ счастью Россіи, дородная, сонливая фигура русскаго боярина, не умѣющаго подписать свою фамилію, а также бѣлая, румяная, разумомъ простоватая молчальница, русская красавица, отходятъ къ этому времени въ область далекаго прошлаго. Понята жизненная необходимость не только мужского, но и женскаго, не только высшаго, но и народнаго образованія.

Третій періодъ русской педагогики П. Ф. Каптеревъ называетъ общественной педагогикой, при чемъ отмѣчаетъ въ этомъ періодѣ разнаго рода теченія педагогической мысли: а) гуманитарное направленіе, яркими выразителями котораго, конечно, являются Н. И. Пироговъ [1]) и бар. Н. А. Корфъ, послѣдній по отношенію къ земской начальной школѣ; б) національное направленіе, во главѣ котораго стоятъ К. Д. Ушинскій, В. Я. Стоюнинъ и Рачинскій; в) свободное воспитаніе и образованіе, выразителемъ котораго является гр. Л. Толстой и г) общественно-педагогическія движенія спеціально въ области средней школы, обнаружившіяся въ борьбѣ классической и реальной системъ образованія и по вопросу физическаго воспитанія подростающаго поколѣнія.

Общественная педагогика или освободительная, а вѣрнѣе реформаторская, совпадаетъ съ временемъ освобожденія крестьянъ, съ эпохой великихъ реформъ царя Освободителя.

Теоретическая педагогика къ этому періоду достигаетъ извѣстнаго развитія [2]). Конечно, начало ея относится ко второму періоду; но въ третій періодъ возникаетъ довольно значительная педагогическая литература.

---

[1]) *В. А. Волковичъ* „Другъ человѣчества Н. И. Пироговъ". 1910 г.

[2]) *П. Ф. Каптеревъ* „Исторія русской педагогики" стр. 532.

педагогическая журналистика, напримѣръ, «Морской Сборникъ» въ 1856 году печатаетъ педагогическія статьи Пирогова, его знаменитые «Вопросы жизни». Въ слѣдующемъ 1857 году открылись два новые педагогическіе журнала: «Журналъ для Воспитанія» Чумикова, (съ 1860—1863 г.г., переименованный въ «Воспитаніе» гдѣ печаталась статья Рѣдкина, «Что такое воспитаніе?» (въ первыхъ 3-хъ книгахъ), «Русскій Педагогическій Вѣстникъ» Вышнеградскаго (съ 1857 по 1861 г.) и «Учитель», оказавшій наибольшую услугу дѣлу начальнаго обученія и воспитанія, предпринятый I. И. Паульсономъ и Н. X. Весселемъ съ 1861 г. (просуществовалъ до 1870 г.).

«Создается масса методовъ по всевозможнымъ предметамъ учебныхъ курсовъ, составляются учебники, издаются учебныя пособія. Словомъ, русскій народъ вступаетъ полноправнымъ членомъ въ среду педагогически просвѣщенныхъ народовъ, оказывается имѣющимъ не только науку, поэзію, школы, но и педагогику.

Число всякаго рода школъ въ третій періодъ сильно возрастаетъ, оставаясь все-же недостаточнымъ, и, несмотря на всевозможныя препятствія, возникаетъ и развивается внѣшкольное образованіе самаго разнообразнаго вида. Общество пошло впереди народнаго образованія и завоевывало съ бою у государства каждый педагогическій успѣхъ свой. Можно сказать [1]), что съ идейной стороны государственныя школы питались идеями, выработанными самимъ обществомъ—такъ силенъ былъ напоръ общественно-педагогическаго мнѣнія на государственныя школы.

Въ обстановкѣ повышенной общественной педагогической дѣятельности, окруженный освобожденнымъ ра-

[1]) Ibidem 533 стр.

достнымъ русскимъ народомъ, въ моментъ творческой работы эпохи великихъ реформъ появился національный педагогъ К. Д. Ушинскій. Появился тогда же, когда еще работалъ выдающійся и уже пользовавшійся славою, реформаторъ воспитанія, защитникъ общечеловѣческаго воспитанія Н. И. Пироговъ. Интересно выяснить идейное взаимоотношеніе ихъ другъ къ другу, чтобы лучше понять индивидуальныя особенности каждаго, тѣмъ болѣе, что ихъ большинство педагоговъ рѣзко противпоставляютъ другъ другу.

ГЛАВА II.

К. Д. Ушинскій и Н. И. Пироговъ. Ихъ взаимоотношеніе.

К, Д. Ушинскій горячо, страстно, какъ только позволялъ ему его пылкій, страстный темпераментъ, выступилъ на борьбу съ темными силами прошлаго, того прошлаго, съ которымъ неутомимо боролся и Н. И. Пироговъ[1]). Не одинъ, и не два, казалось, понадобится цѣлый сонмъ реформаторовъ, живыхъ силъ общества, чтобы вывести это общество изъ педагогической апатіи. Но Н. И. Пироговъ и К. Д. Ушинскій сумѣли дружными усиліями достигнуть многаго: они встряхнули общество, вывели его изъ педагогической летаргіи, довели до сознательнаго и планомѣрнаго воспитанія. К. Д. Ушинскому, родившемуся 19 февраля въ 1823 г.[2]), въ городѣ Тулѣ досталось то же наслѣ-

---

[1]) *Л. Модзалевскій* „Къ біографіи К Д. Ушинскаго 1881 г. Тифлисъ

[2]) См. *В. Чернышевъ* „Разыскапія о К. Д. Ушинскомъ". Годъ этотъ сообщенъ проф. Мануиловымъ изъ архива Московскаго Университета. Слѣдовало бы свѣдѣніе это провѣрить по церковнымъ книгамъ и результатъ огласить въ печати.

діе прошлаго, что и Н. И. Пирогову, застарѣлые недуги нашей дореформенной педагогики. Обоимъ реформаторамъ во время ихъ педагогической работы пришлось пережить суровый режимъ Николаевскаго времени и оба вздохнули болѣе свободно въ царствованіе Александра II, царя Освободителя.

Однородность пережитыхъ впечатлѣній жизни сказалась и въ отношеніяхъ К. Д. Ушинскаго къ жившему одновременно съ нимъ Н. И. Пирогову. Ушинскій убѣжденъ, что имя Пирогова безсмертно. Вотъ что говоритъ онъ о немъ: „имя Пирогова стоитъ не только высоко для своихъ соотечественниковъ, но имя это будетъ поставлено еще выше, когда страсти поуспокоятся, когда общество будетъ болѣе въ состояніи цѣнить людей, которые служили ему, не унижаясь до заискиванія его милостей: „одна суетность и близорукость ищутъ участія въ настоящемъ“, говорилъ Н. И. Пироговъ [1]). К. Д. Ушинскій въ лицѣ Пирогова всегда видѣлъ своего наставника, руководителя, воспитателя и глубоко уважалъ его. „Едва-ли есть кто-нибудь другой, кого я уважалъ-бы болѣе“ (см. *Л. Модзалевскій* „Къ біографіи К. Д. Ушинскаго“ 1881 г.).

По поводу педагогическихъ взглядовъ и основного настроенія, выраженныхъ авторомъ „Вопросовъ жизни“, вотъ что говоритъ Ушинскій: „припомните, читатели, что это говоритъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ хирурговъ Европы, который много жилъ, много думалъ, много чувствовалъ, много видѣлъ человѣческихъ страданій, наблюдалъ человѣка въ тѣ минуты, когда спадаетъ съ него всякая маска, всякій

---

[1]) См. *К. Д. Ушинскаго* „Педагог. сочин. Пирогова“.

оттѣнокъ притворства и тщеславія, что это говоритъ человѣкъ, который видѣлъ, какъ страдаютъ и умираютъ люди—и вы придадите этимъ простымъ, такъ откровенно высказаннымъ юношескимъ словамъ глубокое значеніе".

„По всему видно, продолжаетъ Ушинскій, что въ началѣ эта статья („Вопросы жизни") была писана не для публики; но именно эта то непосредственность и придаетъ ей особенное значеніе: она вырывается здѣсь сама изъ души, много пережившей и перечувствовавшей, много любившей и много любящей".

Предъ непосредственностью души, высокимъ, мудрымъ дѣтствомъ ея, къ которому былъ способенъ Н. И. Пироговъ въ зрѣломъ возрастѣ, глубоко преклоняется К. Д. Ушинскій. Онъ считалъ свойство души сохранять молодость, жизнерадостность, и въ зрѣломъ возрастѣ глубочайшей основой истиннаго самовоспитанія человѣка, а также могучимъ средствомъ воспитанія другихъ.

Непосредственная искренность души, по его мнѣнію, объясняетъ огромное воспитательное вліяніе, которое имѣлъ Пироговъ въ недолгіе годы его педагогической карьеры. Никто такъ глубоко не захватывалъ и такъ ясно „золотыми словами" не выражалъ насущныхъ вопросовъ воспитанія, какъ Н. И. Пироговъ, замѣчаетъ К. Д. Ушинскій. Потребность у Пирогова разсматривать воспитаніе съ философской [1]) точки зрѣнія, съ точки зрѣнія запросовъ человѣческаго духа, а не только съ точки зрѣнія школьной дисциплины, дидактики или правилъ физическаго

[1]) Ibidem.

воспитанія, вполнѣ была усвоена и К. Д. Ушинскимъ. „Требованіе Н. И. Пирогова «ищи быть и будь человѣкомъ», или воспитаніе прежде всего человѣка въ воспитанникѣ — дѣйствительно, говоритъ Ушинскій, столько же требованіе христіанства и современности, сколько и требованіе здравой педагогики, основанной на психологіи. Педагогика, основанная на психологіи, совѣтуетъ намъ развивать душу человѣка, сообразно съ ея природою, а душа человѣка, по прекрасному выраженію Оригена, думаетъ Ушинскій, родится христіанкою: это и есть та ея гуманность, о которой наиболѣе обязано заботиться истинное воспитаніе“. Изъ этихъ словъ Ушинскаго видно, какъ глубоко родственъ онъ первому реформатору и какъ неразрывно исторически, въ моментѣ сосуществованія и послѣдовательности, онъ связанъ съ нимъ.

Зрѣлость идей Пирогова и Ушинскаго роднитъ между собою обоихъ реформаторовъ, и для Ушинскаго имя Пирогова было всегда авторитетомъ въ жизни, которому онъ подчинялся, какъ зрѣлый умъ, критически. „Нѣтъ и не должно быть такого авторитета, мнѣніямъ котораго слѣдовало бы подчиняться слѣпо; нѣтъ и не должно быть такого авторитета, мнѣній котораго не должно было бы разбирать, опровергать, находить въ нихъ противорѣчія; но есть и всегда, къ счастью человѣчества, будутъ такія личности, которыя будутъ внушать глубокое уваженіе, несмотря на то, соглашаемся или не соглашаемся мы съ ихъ мнѣніями, и авторитетъ этихъ личностей служитъ для того, чтобы возбудить полное вниманіе къ тѣмъ мнѣніямъ, которыя онѣ излагаютъ, и вѣру въ искренность этихъ мнѣній“. Такимъ, именно, авторитетомъ былъ всегда для Ушинскаго Н. И. Пироговъ.

Глубоко уважая Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинскій считалъ, что жизнь Пирогова — великій образецъ, примѣръ и для другихъ. Вотъ что говорилъ по этому поводу самъ Ушинскій: „Мы знаемъ довольно, но мы желаемъ слабо; насъ слѣдуетъ не столько учить, сколько возвысить, укрѣпить; намъ нуженъ человѣкъ, примѣръ котораго увлекалъ бы насъ, жизнь котораго служила бы намъ великимъ образцомъ; а другой такой жизни, какова вся жизнь Н. И. Пирогова, мы не знаемъ въ Россіи, да и у другихъ народовъ такихъ жизней не много. Если Н. И. Пироговъ призываетъ насъ къ безкорыстной дѣятельности на пользу народа, если онъ говоритъ намъ о нравственной силѣ духа, если онъ указываетъ намъ необходимость нравственнаго самовоспитанія, какъ единственнаго средства дѣйствовать благотворно на воспитаніе народа, если онъ говоритъ намъ о религіи, нравственности, любви къ людямъ и любви къ отечеству, безкорыстіи, самопожертвованіи, то эти слова уже не однѣ громкія фразы, а дѣла, или укоряющія насъ въ бездѣйствіи, или призывающія насъ къ спасительной дѣятельности. Н. И. Пироговъ не только возбуждаетъ въ насъ желаніе дѣятельности на пользу общественную, но и рождаетъ твердую увѣренность въ томъ, что эта дѣятельность не пропадетъ даромъ. Народъ, изъ среды котораго выходятъ такія личности, какова личность Н. И. Пирогова, можетъ съ увѣренностью глядѣть на свою будущность". Бывали тяжелыя минуты въ жизни К. Д. Ушинскаго, когда силы и твердость на время покидали его, и въ этихъ случаяхъ встрѣча, бесѣда съ Н. И. Пироговымъ надолго укрѣпляли его. „Пироговъ необходимъ для русскаго воспитанія"... „книги его должны быть настольными для

каждаго русскаго человѣка, которому дорого отечественное просвѣщеніе"...: „имя его не умретъ въ исторіи русскаго просвѣщенія", „развѣнчать, поколебать нравственный авторитетъ, который уже пріобрѣлъ Н. И. Пироговъ, никому не удастся"... „Личности, подобныя личности нашего знаменитаго хирурга и педагога, не боятся времени"... „Время ихъ искренній другъ: оно мало по малу возвращаетъ сѣмена, ими посѣянныя, и выдвигаетъ все ярче и ярче, ставитъ все выше и выше того, кого, можетъ быть, въ началѣ почти закрывали страсти и предразсудки современности. Чѣмъ грубѣе были нападки на Н. И. Пирогова, тѣмъ болѣе убѣждались мы въ полной необходимости такого человѣка для русскаго воспитанія. Самая злость и грубость этихъ нападокъ показывали намъ, какъ дурно мы воспитаны" [1]). Это же самое можно примѣнить всецѣло и къ самому К. Д. Ушинскому.

Горячо любя родину, всѣмъ сердцемъ мечтая о благѣ и счастьи ея, К. Д. Ушинскій положилъ за нее всю душу и жизнь свою. Если К. Д. Ушинскій такъ же, какъ и Пироговъ, считалъ, что измѣнить жизнь можно только путемъ измѣненія воспитанія, просвѣщенія народа, тѣмъ не менѣе путь къ разрѣшенію основныхъ вопросовъ воспитанія, какъ и основныхъ вопросовъ жизни, былъ избранъ К. Д. Ушинскимъ иной, свой собственный. Разность угла зрѣнія у того и другого реформатора при освѣщеніи вопросовъ воспитанія зависитъ отъ различія индивидуальныхъ особенностей ихъ.

Крупный реформаторъ, столь же великій педагогъ,

---

[1]) Ibid.

какъ и Н. И. Пироговъ, молодой 37-ми лѣтній К. Д. Ушинскій развивался на удобренной „Вопросами жизни“ почвѣ. К. Д. Ушинскій на 14 лѣтъ былъ моложе Н. И. Пирогова. А 14 лѣтъ разницы въ духовномъ ростѣ педагогическаго міровоззрѣнія должны были сказаться и, дѣйствительно, сказались на педагогической работѣ другого реформатора, К. Д. Ушинскаго—сына русской земли, національнаго педагога прежде всего. Отмѣчая *народность, національность* К. Д. Ушинскаго, вовсе не слѣдуетъ, какъ это ошибочно дѣлаютъ другіе, противопоставлять національность Ушинскаго космополитизму Н. И. Пирогова. Признавая вполнѣ національный характеръ педагогическихъ взглядовъ Пирогова, необходимо только отмѣтить особую индивидуальную работу другого реформатора въ дѣлѣ развитія и раскрытія того, что отчасти уже намѣчалось въ системѣ перваго реформатора. Несмотря на родство и сходство образующихъ началъ той и другой педагогической системы, система К. Д. Уушинскаго должна быть признана во многихъ отношеніяхъ вполнѣ самобытной и оригинальной. Мы считаемъ въ высшей степени важнымъ для уясненія обще-педагогическихъ принциповъ русской педагогики, встрѣчающихся на всемъ протяженіи исторической жизни народа, указать черты сходства, разницы и, главное, *органическаго сродства* педагогическихъ системъ нашихъ первыхъ реформаторовъ, къ которымъ мы относимъ Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинскаго, В. Я. Стоюнина и барона Н. А. Корфа.

Для того, чтобы глубже выяснить взаимоотношеніе обоихъ реформаторовъ, а именно К. Д. Ушинскаго и Н. И. Пирогова, познакомимся ближе съ личностью К. Д. Ушинскаго и разберемъ условія,

создавшія опредѣленный духовный образъ русскаго реформатора воспитанія. Подобнаго рода выясненіе личности педагога позволяетъ ближе и глубже понять и самую педагогическую систему творца ея [1]).

—

ГЛАВА III.

Личность К. Д. Ушинскаго и условія, создавшія ее.

Глубокая искренность Ушинскаго — характерная особенность его,—и она глубоко роднитъ его съ Н. И. Пироговымъ. Правдивость Ушинскаго не признавала никакихъ компромиссовъ и проявлялась въ жизни съ безыскусственной, непосредственной силой, вытекавшей изъ духовной одаренности его. Ушинскій былъ человѣкомъ глубокой разнообразной, по идейному содержанію, инціативы. Богатое разнообразіе душевныхъ способностей К. Д. Ушинскаго привязывало къ нему почти всѣхъ, соприкасавшихся съ нимъ. Очень многіе, чувствуя на себѣ его духовное вліяніе, любили его и подчинялись ему.

Дѣйствительно, Ушинскій обладалъ секретомъ дѣйствовать на все и всѣхъ вдохновляющимъ образомъ. Какой-нибудь журналъ еле влачитъ свое существованіе, вотъ, вотъ заглохнетъ и умретъ. Стоитъ сдѣлаться редакторомъ этого журнала К. Д. Ушинскому, и дѣло начинаетъ процвѣтать до неузнаваемости. И такъ во всемъ.

Тайну животворнаго своего вліянія К. Д. Ушинскій унесъ съ собою въ могилу, по частью открылъ намъ въ системѣ созданнаго имъ новаго воспитанія.

---

[1]) См. нашу книгу „Другъ человѣчества" Н. И. Пироговъ. 1910 г.

Мы знаемъ, что К. Д. Ушинскій всегда глубоко вѣрилъ въ свободную волю человѣка, какъ психическій фактъ, присущій душѣ; вѣроятно, эта глубокая вѣра въ свободу самого его дѣлала свободнымъ, сильнымъ и мощнымъ.

Долго и много трудился К. Д. Ушинскій надъ собой, пока достигъ полной гармоніи между желаніемъ и дѣломъ жизни.

Сохранился въ дневникѣ его интересный рецептъ составленный имъ для собственной духовной терапіи [1]): „1) Спокойствіе совершенное, по крайней мѣрѣ, внѣшнее. 2) Прямота въ словахъ и поступкахъ. 3) Обдуманность дѣйствій. 4) Рѣшительность. 5) Не говорить о себѣ безъ нужды ни одного слова. 6) Не проводить времени безсознательно; дѣлать то, что хочешь, а не то, что случится. 7) Издерживать только на необходимое или пріятное, а не по страсти издерживать. 8) Каждый вечеръ добросовѣстно давать отчетъ въ своихъ поступкахъ. 9) Ни разу не хвастать ни тѣмъ, что было, ни тѣмъ, что есть, ни тѣмъ, что будетъ. 10) Никому не показывать этого журнала. А дальше въ дневникѣ слѣдуютъ такія замѣчанія: „Погрѣшилъ противъ 1-го №, разгорячился на урокѣ невольно, но тотъ же часъ утихъ. 22-е. Ошибка противъ 5-го правила. 22. Погрѣшилъ противъ 1-го №. Бурчливость сдѣлаетъ изъ меня старую сварливую бабу. 23-е. № 1. Я такъ раскричался, будто у меня все погибло, и даже поколотилъ Ваньку за то, что у меня ноги болѣли. Вышло все понапрасну. Вотъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ моихъ пороковъ! Отъ четверга

[1]) Смотр. «Матеріалы для Педаг. Антропол., т. III и матеріалы для біографіи» 1908 г стр. 32.

до слѣдующаго четверга попробую не измѣнить ни разу правилу подъ № 1. 24-е. Не записывалъ. 25-е. Совралъ безъ нужды. 26-е. Ничего не записывалъ и ни противъ одного, кромѣ сего, правила не согрѣшилъ. 27-е Ничего не написалъ. Тщеславіе разгулялось и нарушило два правила: 1-е и 9-е. 28-е. Не согрѣшилъ ни противъ одного—нѣтъ! Нѣтъ!... Сдѣлалъ самую глупую издержку; занялъ деньги за адскіе проценты, когда совсѣмъ было не нужно! Русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ! Прочелъ „Коринну" Madame Staël, и вѣроятно долго не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня этою книгою". 29-е. Кажется, я сегодня не согрѣшилъ ни противъ одного изъ моихъ правилъ, но это должно быть оттого, что я сегодня никого не видалъ, кромѣ моихъ учениковъ. 30-е. . . Болтать, болтать и вѣчно не думавши, безъ нужды болтать,—когда же это кончится? На этотъ порокъ должно обратить особое вниманіе, и мнѣ теперь есть случай удерживаться отъ глупой болтовни. Посмотримъ! 2-го апрѣля [1]). Что за удовольствіе, что за глупое желаніе занимать собою встрѣчнаго и поперечнаго! До какихъ глупостей и низостей доводитъ оно! О, молчать гораздо труднѣе, чѣмъ говорить Этимъ порокомъ займусь я, особливо теперь, и постоянно буду давать себѣ въ немъ отчетъ. Мнѣ кажется, это происходитъ отъ неувѣренности въ собственной своей личности, отъ неуваженія къ себѣ. 15-го апрѣля 1845 г. [2]). Москва. Соболевъ переулокъ, домъ Мурашева. Черезъ 20 минутъ раздается колокольный звонъ, извѣщающій, что для вѣрующихъ

---

[1]) См. Ibid., стр. 39.
[2]) Ibid., стр. 43.

Воскресъ Христосъ! Спаситель!... Кто бы Ты ни былъ, я вѣрую Твоему Воскресенію! Помоги мнѣ сдѣлать все доброе, что я могу! Благослови дѣла мои, если они будутъ благи, отвергни злыя! Не за себя молю, но за благо, которое могу совершить!“...

Красной нитью черезъ весь дневникъ К. Д. Ушинскаго проходитъ стремленіе усовершенствоваться, уничтожить или побѣдить добромъ человѣческія слабости свои. Отъ 15-го апрѣля мы читаемъ: „Пошелъ въ Шереметьевскую церковь,—скоро ушелъ, и, глядя подъ темнымъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами, на прекрасный, освѣщенный храмъ, полный народа, ждущаго входа священниковъ съ дивнымъ „Христосъ Воскресе!“, глядя на этихъ священниковъ въ блестящихъ ризахъ, стариковъ, возглашающихъ во мракѣ ночи Воскресеніе творца безконечнаго неба, растилающагося надъ ихъ головами,—я плакалъ... Торжество истины меня растрогало глубоко! Давно этотъ праздникъ дѣйствуетъ на мою душу, но какъ различно всегда. О, Провидѣніе, дозволь мнѣ страдать и умереть за истину и умереть въ неизвѣстности!... Но надо быть чистымъ, чтобы удостоиться такого великаго выбора. На алтарь истины чистую жертву приносить должно, а не мою грязную жизнь! Ничтожное созданіе“!... Отъ 19-го декабря 1849 г. [1]) мы читаемъ: „Какая-то лихорадочность въ моихъ способностяхъ... За дѣло! За дѣло!.. Снова—самое строгое наблюденіе надъ собою, надъ своимъ характеромъ и способностями! Сдѣлать какъ *можно болѣе пользы моему отечеству*—вотъ единственная цѣль моей жизни и къ ней-то я долженъ направлять всѣ свои способности...

[1]) Ibid., стр. 47.

Нужно умѣть принудить себя заниматься и тогда, когда нѣтъ во мнѣ энергіи, убѣдившись опытомъ, что это паденіе души только временно, и что небольшое усиліе надъ собою всегда вознаграждается рождающеюся въ ней энергіей"...

К. Д. Ушинскій постоянно боролся съ собою, держалъ себя, дѣйствительно, въ ежовыхъ рукахъ. Подчасъ и на него находили минуты отчаянія, особенно, когда жизнь складывалась противъ него. Отъ 23-го декабря того же года К. Д. Ушинскій записалъ слѣдующее [1]): „Достаточно одного легкаго намека, одного слова, отъ котораго повѣяло бы свѣжестью деревни, чтобы обратить всѣ самыя жаркія желанія души моей къ природѣ, къ жизни мирной, сельской, чтобы наполнить все существо мое тоскою и отвращеніемъ къ жизни городовъ, столицъ, къ службѣ, къ этимъ ничтожнымъ и безполезнымъ занятіямъ, къ этой грязной, тѣсной, душной сферѣ, въ которой заставляетъ меня стонать немилосердная судьба! Какъ неестественна наша жизнь!... [2]). Много ли я прошу у тебя, судьба? Самый маленькій уголокъ подъ яснымъ небомъ, посреди благоухающихъ полей, тѣнистыхъ рощъ, умѣренный трудъ и забытье, забвеніе всѣхъ и отъ всѣхъ. Я могъ бы еще просить у тебя любимой женщины и добрыхъ друзей... Но ты такъ скупа! Неужели мнѣ придется погибнуть въ этой тюрьмѣ... въ которой нѣтъ даже стѣнъ, чтобы разбить себѣ голову? Почему тебѣ хочется меня испортить, загрязнить, истоптать и тогда уже бросить въ землю? О, неужели же цѣлый вѣкъ исканій,

---

[1]) Ibid., стр. 48.
[2]) Ibid., стр, 49.

цѣлый вѣкъ этихъ глупыхъ, безцѣльныхъ, ребяческихъ заботъ?... Я не хочу ничего, я не хочу никуда, куда ты толкаешь меня, о, нищета проклятая!.. Чиновничій пролетаріатъ—едва ли не самый грустный, самый тяжелый пролетаріатъ въ мірѣ, и по крайней мѣрѣ—самый убійственный... Душа отравляется мало-по-малу, жизнь истощается съ болью и по каплямъ... И много нужно времени, пока перестанешь презирать свою жизнь, пока сойдешь съ ума и помиришься съ нею"!...

Это крикъ отчаянія наболѣвшей души среди условій тяжкаго, неплодотворнаго труда. Душа искала творческой, истинной работы, а не сухой канцелярщины.

Пироговъ, по сравненію съ К. Д. Ушинскимъ, много спокойнѣе и холоднѣе. Конечно и Пироговъ не чуждъ былъ вдохновенія, а также и всякаго рода сомнѣній, но онъ умѣлъ уравновѣсить себя на столько, что жгучей, почти неуравновѣшенной, пылкости характера Ушинскаго въ немъ не было замѣтно. Оба одинаково велики, во многомъ даже сходны, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко различны.

Требованія, предъявляемыя педагогу, Ушинскій такъ же, какъ и Пироговъ, группировалъ вокругъ основного требованія—любви къ человѣку. Казалось, Ушинскому хотѣлось видѣть всѣхъ счастливыми, а дѣтей, учащихся, особенно. Дѣйствительно, школьное время [1]) было свѣтлымъ періодомъ въ жизни у тѣхъ дѣтей, гдѣ воспитателемъ былъ Ушинскій, который любилъ ихъ, во всемъ подавалъ примѣръ, а школу обращалъ въ «мастерскую гуманности», смягчая въ ней сердца дѣтей. Горячо любя дѣ-

[1]) См. *М. Соколова* «Значеніе К. Д. Ушинскаго для нашей народной школы». Русская школа 1896 г., январь.

тей, не менѣе горячую взаимность онъ получилъ и отъ нихъ, хотя эта любовь всегда была соединена съ уваженіемъ къ нему и не переходила въ распущенность.

Дочь К. Д. Ушинскаго, въ настоящее время мать семейства, въ разговорѣ съ нами, на вопросъ: «а какъ вы относились къ отцу?» отвѣтила: «мы его горячо любили, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень боялись». Это было рѣдкое соединеніе строгости отца съ мягкостью человѣка.

Ушинскій завѣщалъ всѣмъ, занимающимся педагогическимъ трудомъ, любить дѣтей, вызывать въ нихъ то же чувство къ человѣчеству, любить свободный трудъ и науки, развивать естественную пытливость и любознательность, вливать разнообразіе въ занятія, обращаться всегда гуманно и вѣрить въ свѣтлое будущее.

Богато одаренный отъ природы, К. Д. Ушинскій самъ признавалъ, что двѣ силы вліяютъ на образованіе человѣка: индивидуальность и среда. Въ понятіе среды входило, по мнѣнію Ушинскаго, преднамѣренное и непреднамѣренное воспитаніе. Индивидуальныя личныя черты Ушинскаго были нами сейчасъ отмѣчены. Что касается среды, какъ условія, въ которомъ образовался опредѣленный характеръ Ушинскаго, мы должны отмѣтить троякаго рода вліяніе этой среды: 1) историческій моментъ: эпоха великихъ реформъ, освободительное настроеніе 60-хъ годовъ царствованія Александра II; 2) особо благопріятная семейная и школьная обстановка; 3) двѣ случайности, опредѣлившія К. Д. Ушинскаго, какъ педагога-реформатора.

Перваго касаться не будемъ, такъ какъ упоминали уже объ этомъ въ предыдущей главѣ. Разсмотримъ два другія вліянія, оказавшихся столь благопріятными для развитія индивидуальной одаренности К. Д. Ушинскаго.

Сынъ небогатаго, но довольно образованнаго помѣ-

Усадьба К. Д. Ушинскаго „Богданка“ Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, Черниговской губерніи.

щика Дмитрія Григорьевича Ушинскаго, изъ старинныхъ малороссійскихъ фамилій, служившаго въ военной службѣ, а потомъ въ отставкѣ, поселившагося въ своей подгородной деревнѣ «Богданкѣ», Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, Константинъ Димитріевичъ провелъ свое дѣтство въ родной семьѣ въ барскомъ домѣ съ прекрасной библіотекой и обширнымъ садомъ. Все благопріятствовало образованію въ дитяти тѣхъ добрыхъ впечатлѣній, которыя оказываютъ вліяніе на весь душевный строй человѣка.

Первыя десять лѣтъ (1824—1835) своей жизни Константинъ Димитріевичъ провелъ подъ непосредственнымъ благотворнымъ вліяніемъ матери, женщины умной и доброй, урожденной Капнистъ, и первоначальное образованіе получилъ дома. Мать не только воспитывала, но и обучала своего сына и, руководясь материнскимъ чувствомъ, самое обученіе сдѣлала для него воспитывающимъ: она пробудила въ немъ любознательность, пытливость и любовь къ чтенію [1]).

Родной семьѣ, простой, религіозной и строго выполняющей всѣ установленные въ православной церкви обряды, К. Д. обязанъ своимъ теплымъ религіознымъ чувствомъ, которое освѣщало его педагогическую дѣятельность, поддерживало его въ этой дѣятельности и отразилось во многихъ мѣстахъ его сочиненій: «Обряды нашей православной церкви», говоритъ онъ, «имѣютъ великое воспитательное вліяніе уже потому, что они сами собою, безъ посредствующихъ объясненій, обнимаютъ дѣтскую душу религіознымъ чувствомъ, настраиваютъ ее на возвышенный, торжественный ладъ. Всякій, получившій чисто-русское воспитаніе, непремѣнно отыщетъ въ душѣ своей

---

[1]) *К. Ельницкій* «Педагогика XIX в.» и *Песковскій* «Біографія К. Д. Ушинскаго».

глубокія, неизгладимыя впечатлѣнія множества церковныхъ пѣсенъ и священнодѣйствій, службы Великаго поста и Страстной недѣли, встрѣчи Свѣтлаго праздника, Рождества, Крещенья и всѣхъ тѣхъ годичныхъ церковныхъ торжествъ и службъ, которыя составляютъ эпохи въ годовой жизни каждаго чисто-русскаго семейства [1])», Все это навѣяно впечатлѣніями дѣтства.

Въ 1835 г. умерла мать Ушинскаго, мачеха замѣнила мать и сдѣлалась лучшимъ другомъ Ушинскаго.

11 лѣтъ Ушинскій поступилъ въ 3-ій классъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Одноклассники не дворянскаго происхожденія были старше его. Ушинскій скоро сдружился, бѣдныхъ товарищей съ удовольствіемъ посѣщалъ. Ихъ скудный образъ жизни, ихъ воззрѣнья и привычки были для него своего рода новой школой.

Итакъ, малорусская, дворянская семья съ хорошимъ по тому времени достаткомъ, образованный отецъ, миръ и тишина въ семьѣ, теплая ласка и воспитывающее вліяніе матери до 11-лѣтняго возраста, новыя ласки и нѣжность образцовой мачехи съ сознательнаго возраста—все это закладывало въ дѣтскую воспріимчивую душу К. Д. Ушинскаго сѣмена для богатой будущей духовной жатвы. Школьные года въ Новгородсѣверской гимназіи Черниговской губ. возлѣ ихъ имѣнія, куда К. Д. Ушинскій мальчуганомъ третьяго класса ходилъ пѣшкомъ, за 4 версты въ одинъ конецъ, изъ своего имѣнія по крутому берегу Десны каждый день, близость съ товарищами не дворянской крови, раннее знакомство съ нуждой другихъ, любовь, доходящая до обожанія, къ образцовому глубоко-религіозному и преданному наукѣ педагогу-директору гимназіи старику—Тимковскому, все это сильно гумани-

[1]) О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи.

зировало впечатлительную, нѣжную душу Ушинскаго. Директоръ Тимковскій старался и въ ученикахъ своихъ заложить любовь къ наукѣ.

Спустя много лѣтъ послѣ выхода изъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, Ушинскій, уже ознакомившійся съ многими другими столичными и провинціальными учебными заведеніями, съ признательностью вспоминалъ о своей гимназіи. Онъ сознавалъ и ея недостатки, сознавалъ, что ученики мало выносятъ знаній, но не могъ не признать, что значительная часть ихъ выносила стремленіе къ самоусовершенствованію. Вспоминая о своемъ директорѣ Тимковскомъ, Ушинскій, восклицаетъ: «миръ праху твоему, почтенный старецъ! Твоимъ нелицемѣрнымъ, продолжавшимся до гроба, служеніемъ наукѣ, твоимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ ней и твоею постоянною вѣрою въ другую, гораздо болѣе высшую, святыню, ты посѣялъ въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ такія сѣмена, которыя да поможетъ намъ Богъ передать своимъ дѣтямъ и воспитанникамъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Когда мнѣ встрѣчались молодые люди, кончившіе курсъ въ какомъ-нибудь значительномъ учебномъ заведеніи, кончившіе съ отличіемъ, но у которыхъ не было не только ни одной самостоятельной научной мысли, не только ни малѣйшей любви къ какой-нибудь наукѣ, но которые презрительно отзывались о своей учебной жизни, о своихъ учителяхъ и даже вообще объ учености, ученыхъ и наукѣ... Когда мнѣ попадались безбородые юноши, еще не совсѣмъ твердо знающіе, въ какомъ вѣкѣ жилъ Карлъ Великій, но уже кощунствующіе надъ святыней отчизны... О, тогда я оцѣнивалъ по достоинству и молитвы покойнаго Ильи Феодоровича (Тимковскаго), и наше уваженіе къ одамъ Горація, и нашъ почтительный страхъ, овладѣвавшій нами при словѣ «университетъ»!

Въ дневникѣ Ушинскій пишетъ такъ: «Между нами жило, мы и сами не знали почему, какое-то благоговѣйное уваженіе къ наукѣ и къ тѣмъ немногимъ учителямъ и даже товарищамъ, которые ревностно ею занимались. Умѣнье переводить трудныя мѣста Горація или Тацита было патентомъ на всеобщее уваженіе. Такого ученика 7-го класса знали даже мальчуганы первѣйшаго (т. е. приготовительнаго) класса, смотрѣли на него съ уваженіемъ и произносили его имя, какъ имя какого-нибудь Гумбольдта» [1]).

Весь строй гимназіи подготовилъ Ушинскаго къ слушанію профессорскихъ лекцій и къ самостоятельнымъ занятіямъ университетской наукой. Правда, не будучи прилежнымъ гимназистомъ, Ушинскій, благодаря своимъ выдающимся способностямъ, успѣшно переходилъ изъ класса въ классъ и бо̀льшую часть времени посвящалъ чтенію книгъ изъ отцовской библіотеки и обдумыванію прочитаннаго. Бывало заберется онъ въ самое укромное мѣсто сада и здѣсь, никѣмъ не тревожимый, читаетъ, или отдается ходу возникающихъ въ немъ по поводу прочитаннаго мыслей.

Въ послѣдніе два года пребыванія въ гимназіи Ушинскій почти самостоятельно изучилъ нѣмецкій языкъ настолько, что свободно и даже съ увлеченіемъ читалъ нѣмецкихъ писателей. Особенно онъ любилъ читать Шиллера, который способствовалъ развитію въ немъ идеализма.

Конечно, несмотря на многое хорошее и цѣнное, что Ушинскій вынесъ изъ гимназіи, онъ не могъ не отмѣтить массу и недостатковъ въ любимой имъ гимназіи.

«Плохіе тощіе учебники и отсутствіе всякихъ педа-

---

[1]) «Матеріалы для біографіи К. Д. Ушинскаго» 1908 г. стр. 3—15.

гогическихъ свѣдѣній въ преподавателяхъ были причиной неполноты свѣдѣній. Что-же касается собственно до воспитательной части, то она даже едва-ли существовала въ то время.

Моя гимназія [1]) помѣщалась за городомъ, въ ветхомъ старомъ зданіи, постройка котораго относилась еще къ временамъ Екатерины II-ой или чуть ли еще не далѣе.

Длинное, низенькое, ветхое, почернѣвшее зданіе съ своей сѣверной, украшенной флюгеромъ, будочкой наверху, въ которой качался неугомонный колокольчикъ, походило, по мнѣнію окрестныхъ помѣщиковъ, болѣе на паровую винокурню, чѣмъ на храмъ науки: окна въ старыхъ рамахъ дрожали, подгнившіе полы, залитые чернилами, и стоптанные гвоздями каблуковъ, скрипѣли и прыгали; расколовшіяся двери притворялись плохо, длинныя старыя скамьи, совершенно утратившія свою первоначальную краску, были изрѣзаны и исписаны многими поколѣніями гимназистовъ. Чего только не было на этихъ скамьяхъ!..

Старые почернѣвшіе портреты героевъ екатерининскаго времени, въ старыхъ, источенныхъ червями, рамахъ качались на стѣнахъ, украшенныхъ обрывками обоевъ. Плохо было это зданіе; но мнѣ жаль его, какъ жаль первыхъ и живыхъ сновъ своей дѣтской жизни. Теперь оно замѣнено прекраснымъ каменнымъ; но дай Богъ, чтобы внутренность его настолько же улучшилась, насколько улучшена внѣшность».

«А воля, просторъ, а природа, прекрасныя окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающіяся поля, а розовая весна и золотистая осень—развѣ не

1) Ibidem стр. 5—6.

были нашими воспитателями?» говоритъ Ушинскій [1]). «Зовите меня варваромъ въ педагогикѣ», продолжаетъ въ томъ же письмѣ Ушинскій, «но я вынесъ изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ такое огромное воспитательное вліяніе на развитіе молодой души, съ которымъ трудно соперничать вліянію педагога, что день, проведенный ребенкомъ посреди рощъ и полей, когда его головою овладѣваетъ какой-то упоительный туманъ, въ теплой влагѣ котораго раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и безсознательно впитывать въ себя мысли и зародыши мыслей, потокомъ льющіеся изъ природы, что такой день стоитъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ. Толстыя каменныя стѣны учебныхъ заведеній большихъ городовъ, дѣтскія кровати, поставленныя необозримыми рядами, жизнь по колокольчику или барабану, толстый швейцаръ у дверей, этотъ неумолимый церберъ дѣтскаго ада, вокругъ камень и желѣзо, желѣзо и камень, не только безъ малѣйшаго обрывка зелени, но даже безъ куска земли, наверху—кусокъ вѣчно закрытаго неба, внутри—то гробовое молчаніе, то офиціальный гулъ, въ которомъ исчезаетъ всякая личность, повсюду сердитые аргусовскіе глаза купленнаго надзора, повсюду форма и чинность, вѣчная чистка и лакировка,—все это вѣетъ на меня какой-то безвыходной тоской, какой-то мучительной безсмыслицей; я бы, кажется, не прожилъ и мѣсяца такою жизнью» [2]).

Близость къ природѣ и Ушинскаго заставляла болѣе чутко относиться къ красотамъ ея, изощряя способности

---

[1]) См. соч. *Ушинскаго* и *М. Песковскій* «К. Д. Ушинскій» изд. Павленкова.

[2]) «Матеріалы для Педагогической Артрологіи т. III и матеріалы для біографіи» Спб. 1908 г. стр. 11.

его. Разнообразная природа Малороссіи надѣлила его богатыми литературными способностями, способностями выдающагося беллетриста, что признавалъ въ немъ и Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

О воспитывающихъ моментахъ уединенія на лонѣ природы, на кручахъ берега Десны, К. Д. Ушинскій увлекательно говоритъ намъ такъ [1]: «Боже мой, сколько перемечталось на этомъ прекрасномъ берегу, на этихъ «кручахъ», нависшихъ надъ рѣкою. Какъ оживлялась и наполнялась впечатлѣніями жизнь моя, когда приближалась весна! Я слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, за каждой малѣйшей перемѣной въ борьбѣ зимы и лѣта. Тающій снѣгъ, чернѣющій ледъ рѣки, расширяющіяся полыньи у берега, проталины въ саду, земля, проглядывающая тамъ и сямъ изъ-подъ снѣга, прилетъ птицъ, оживающій лѣсъ, шумно бѣгущіе съ горъ ручьи—все было предметомъ моего страстнаго, недремлющаго вниманія, и «впечатлѣнія бытія» до того переполняли мою душу, что я ходилъ, какъ полупьяный. Вотъ и снѣгу нѣтъ болѣе, и непріятная нагота деревьевъ въ саду замѣнилась со всѣхъ сторонъ манящими, таинственными зелеными глубинами; вотъ и вишни брызнули молокомъ цвѣтовъ, зарозовѣли яблони, каштанъ поднялъ и распустилъ свои красивые султаны, и я бѣжалъ каждый разъ изъ гимназіи домой, какъ будто меня ждало тамъ и не вѣсть какое сокровище. И, въ самомъ дѣлѣ, развѣ я не былъ страшнымъ богачемъ, милліонеромъ, въ сравненіи съ дѣтьми, запертыми въ душныхъ стѣнахъ столичнаго пансіона. Какія впечатлѣнія могутъ быть даны имъ взамѣнъ этихъ живыхъ, сильныхъ, воспитывающихъ душу впечатлѣній природы? Послѣ уже будетъ поздно пользо-

[1]) *Песковскій* «К. Д. Ушаковскій» изд. Павленкова.

ваться ими, когда сердце утратитъ свою дѣтскую мягкость, а разсудокъ станетъ между человѣкомъ и природой» [1]. Задерживать дѣтей въ столичныхъ и другихъ городскихъ учебныхъ заведеніяхъ на лѣто Ушинскій находилъ чрезвычайно вреднымъ въ воспитательномъ отношеніи. Съ этимъ не примирялось любящее дѣтвору сердце Ушинскаго, не примирялось уже потому, что онъ видѣлъ и понималъ, что успѣшнѣе свободной природы деревни и теплой ласки семьи, никто не сумѣетъ привязать къ родинѣ, развить чувство здороваго патріотизма, никто прочнѣе не заложитъ воспитательные идеалы для лучшаго будущаго. Ушинскій говоритъ по этому поводу слѣдующее [2]: «Не дурно, если бы и нашихъ институтокъ водили хоть раза два въ годъ куда-нибудь за городъ, а то иная въ десять лѣтъ лучшей поры, когда именно развивается въ человѣкѣ любовь къ природѣ, имѣющая такое благодѣтельное вліяніе на развитіе человѣческой души, не увидитъ даже полевого цвѣтка, а не то, что колоса ржи. Природа есть одинъ изъ могущественнѣйшихъ агентовъ въ воспитаніи человѣка, и самое тщательное воспитаніе безъ участія этого агента всегда будетъ отзываться сухостью, односторонностью, непріятною искусственностью. Бѣдное дитя, если оно выросло, не сорвавъ полевого цвѣтка, не помявши на волѣ зеленой травы! Никогда оно не разовьется съ тою полнотою и свѣжестью, къ которымъ способна душа человѣческая: развитіе его всегда будетъ отзываться душною атмосферою запертыхъ зданій».

«Странно, говоритъ Ушинскій, что воспитательное вліяніе природы, которое каждый болѣе или менѣе испыталъ на себѣ, которое съ такой живостью выражается почти въ каждой вымышленной и истинной біографіи,

---

[1]) Матеріады для педаг. Антроп. III т. стр. 13.

[2]) «Письма изъ Швейцаріи» *К. Д. Ушинскій* стр. 375.

такъ мало оцѣнено въ педагогикѣ. Если-бы люди, располагающіе судьбой дѣтскихъ поколѣній, яснѣе припоминали свое собственное дѣтство, то вѣроятно бы столичныя учебныя заведенія, вмѣсто того, чтобы болѣе и болѣе скопляться въ столицахъ и большихъ городахъ, мало-по-малу переводились-бы въ лучшія мѣстности страны. Знаю, что многое можно сказать, затрудняющее устройство учебныхъ заведеній внѣ городовъ; но знаю также, что всѣ эти затрудненія ничто въ сравненіи съ той воспитательною и гигіеническою пользою, которая можетъ послужить для дѣла отъ такой перемѣны» [1]. «Но сказавши о благодѣтельномъ вліяніи жизни съ природою на воспитаніе дитяти, я не хочу умолчать, говоритъ въ своемъ дневникѣ Ушинскій, и о томъ вліяніи, которое имѣетъ на ребенка исключительность такой жизни

Слишкомъ большое уединеніе, въ которомъ я проводилъ большую часть времени своего дома, длинныя, болѣе чѣмъ полуторачасовыя прогулки въ гимназію и назадъ по пустыннымъ кручамъ Десны, въ соединеніи съ нѣсколькими десятками путешествій и романовъ, которые я прочелъ въ библіотекѣ отца, оставленной на нашъ произволъ, слишкомъ рано и сильно развили во мнѣ мечтательность. Въ головѣ моей мало-по-малу создался цѣлый міръ полузаимствованныхъ, полуоригинальныхъ образовъ, которые очень удобно размѣщались въ окружающемъ меня уединеніи и по прекраснымъ ландшафтамъ Десны и нашего сада; но въ которыхъ не было ничего общаго съ тою жизнью, которая встрѣчала меня въ гимназіи, въ кругу учителей и товарищей и въ немногихъ знакомыхъ домахъ, гдѣ я изрѣдка появлялся» [2].

Вѣроятно развитая мечтательность Ушинскаго, источ-

---

[1]) «Матеріалы по Пед. Антр.» т. III, стр. 14.

[2]) Ibidem стр. 14.

никомъ которой, помимо условій внѣшней жизни, являлся идеалистическій строй души его, и послужила причиной временной тоски, грусти, желанія смерти, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ его дневника отъ университетскаго времени. Идеи и идеалы не всегда находили выраженіе въ жизни—отсюда и тоска его.

Не получивши аттестата объ окончаніи гимназическаго курса, Ушинскій лѣтомъ въ 1840 году прилежно занялся учебными предметами и успѣшно сдалъ экзаменъ въ московскомъ университетѣ, куда и поступилъ на юридическій факультетъ, одновременно съ своими товарищами по гимназіи.

Эпоха великихъ реформъ, народническое движеніе чистаго идеализма 40-хъ годовъ, вліяніе Бѣлинскаго, увлеченіе лучшихъ силъ общества наукой и вѣра въ нее—застало Ушинскаго на университетской скамьѣ въ Москвѣ. Юридическое образованіе воспитало въ К. Д. Ушинскомъ убѣжденіе, что въ жизни сила заключается не въ правѣ силы, а въ силѣ права. Чувство законности и справедливости, заложенныя уже въ семьѣ, нашли благопріятную питательную среду въ университетѣ.

Пребываніе въ университетѣ было полнымъ расцвѣтомъ духовныхъ силъ юнаго Ушинскаго. Выработавши въ себѣ, путемъ серьезнаго чтенія и внутренней переработки воспринимаемаго, способность къ вдумчивости и умственной самодѣятельности, Ушинскій и въ университетѣ не пассивно воспринималъ содержаніе профессорскихъ лекцій, а внутренно перерабатывалъ сообщаемое съ профессорской кафедры и такимъ образомъ расширялъ свой умственный горизонтъ.

Ушинскому пришлось проходить университетскій курсъ въ одинъ изъ лучшихъ періодовъ жизни московскаго университета. Благодаря энергичному участію мѣст-

наго попечителя, графа Строганова, составъ профессоровъ университета обновился молодыми учеными, преданными наукѣ.

Если прибавимъ мы къ этому нравственное вліяніе на К. Д. Ушинскаго, какъ и на другую молодежь того времени, такихъ учителей и вмѣстѣ съ тѣмъ воспитателей въ лучшемъ смыслѣ слова, какъ Грановскій, родственный по духу К. Д. Ушинскому, и Рѣдкинъ, человѣкъ строгой логики и силы мысли,—мы ясно поймемъ тогда, какъ многообразно и плодотворно были проведены университетскіе годы К. Д. Ушинскаго. Ученики, вспоминая о Грановскомъ, очерчивали его такъ (Журналъ для Воспитанія 1858 г. Р. Крыловъ «Воспоминанія о Т. Н. Грановскомъ и П. Н. Кудрявцевѣ»): «Грановскій любилъ начинать неожиданною мыслью, картинно и съ перваго слова увлекалъ вниманіе студента, такъ что впродолженіи лекціи студентъ жилъ, мыслилъ, страдалъ и радовался съ тѣми лицами, о которыхъ разсказывалъ профессоръ или, лучше сказать, которыя онъ магическою силою живыми вызывалъ изъ мрака прошедшаго. Все это было такъ вѣрно, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ такимъ проблескомъ современной мысли, съ печатью послѣдняго труда по этой части. Энергичная натура Грановскаго отпечатлѣвалась въ каждомъ его словѣ, въ сжатости и глубинѣ мысли, въ смѣлой группировкѣ лицъ. Безпристрастною любовью къ каждому историческому лицу, къ каждой эпохѣ прошедшаго дышало слово оратора, но самъ онъ прятался за кулисами вызванныхъ имъ сценъ, только поразительная живость лицъ, необыкновенно живой колоритъ дѣйствительности, которымъ художникъ очерчивалъ давно минувшія событія, высказывали любящее сердце Грановскаго. У него не было конька. Полный горячей вѣры въ человѣческое достоинство, онъ

открывалъ во всякомъ малозначительномъ зародыши мысли. Проницательность, художественная группировка событій—изумительная. Студенты жили, мыслили, работали надъ обработкой лекцій сообща.

Грановскій указывалъ и литературу передъ каждымъ отдѣломъ, съ краткимъ поясненіемъ источниковъ. Онъ отдавалъ всегда дань и прошлому. Грановскій въ кабинетѣ у себя былъ общимъ другомъ, живая рѣчь его изливалась въ разговорѣ, поэтому вѣроятно онъ мало печаталъ».

Грановскій-учитель передалъ многое изъ своей исключительно живой, впечатлительной натуры, своему ученику—К. Д. Ушинскому и даже способность такъ же увлекательно читать лекціи, что и проявилъ К. Д. Ушинскій въ Ярославскомъ лицеѣ съ первыхъ шаговъ своей профессорской дѣятельности.

Въ Грановскомъ и Ушинскомъ одновременно и глубоко сочетались не только представители науки, но и тонкіе и чуткіе художники и къ тому-же истинно хорошіе отъ природы люди.

Помимо Грановскаго и Рѣдкинъ живымъ словомъ своимъ возбуждалъ много прекрасныхъ и благородныхъ стремленій въ студентахъ Московскаго университета.

На многія мысли Рѣдкинъ натолкнулъ К. Д. Ушинскаго и тутъ, уже на студенческой скамьѣ, назрѣвали будущія великія работы національнаго педагога Ушинскаго. «Всестороннее, полное, основательное и истинное знаніе человѣческой природы—вотъ что должно составлять первый предметъ изученія со стороны воспитателя и наставника».—Эти слова Рѣдкина, справедливо утверждаетъ Демковъ [1]), оказали большое вліяніе на его ученика К. Д.

[1]) „Исторія русской педагогики“ ч. III.

Ушинскаго, написавшаго свой знаменитый трудъ «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія».

П. Г. Рѣдкинъ былъ профессоръ-педагогъ: онъ не только двигалъ науку, но пробуждалъ и другихъ къ творческой мысли.

Постоянный призывъ К. Д. Ушинскаго къ труду, къ самостоятельной работѣ, къ національному творчеству,— развѣ не ясно, что все это было навѣяно и внѣдрено въ природу К. Д. Ушинскаго въ пору наиболѣе воспріимчивыхъ годовъ ко всему свѣтлому и доброму—студенческихъ годовъ его жизни.

Стоитъ вспомнить удивительныя слова Рѣдкина о научномъ творчествѣ и научныхъ идеалахъ изъ вступительной лекціи его 1866—1867 годовъ: «Всякое творчество, какъ поэтическое, такъ и практическое и научное, преисполняетъ насъ чѣмъ-то такимъ, что возвышаетъ насъ надъ всѣмъ сотвореннымъ міромъ, что уподобляетъ насъ божеству, когда мы представляемъ его себѣ творцомъ всего міра, что, поэтому, мы ощущаемъ въ себѣ какъ нѣчто божественное въ этомъ смыслѣ...

Никакое творчество не доставляетъ уму человѣческому того несравненнаго ни съ чѣмъ наслажденія, какъ творчество научное, т. е. добываніе истины, добываніе знанія... Оставаясь вѣрнымъ знамени науки, вы, всякій разъ, когда будете заниматься ею безъ всякихъ внѣшнихъ для нея постороннихъ цѣлей, будете испытывать то неописанное наслажденіе, какое испытываетъ творецъ въ минуту творчества, по мѣрѣ того, какъ вы будете все болѣе дружиться съ наукою и испытывать на ней всю свою практическую дѣятельность, осуществляя въ жизни добытыя вами научныя истины и оживляя ими все и въ

себѣ, и вокругъ себя». (Лекція по исторіи фил. права т. 1 стр. 38—39) [1]).

«Безъ идеаловъ—безъ живыхъ идеаловъ жизнь не жизнь... Каждый человѣкъ строитъ свои идеалы; причемъ, чѣмъ человѣкъ развитѣе, тѣмъ его идеалы выше. Безъ научныхъ же идеаловъ невозможна та чистая, безкорыстная любовь къ наукѣ и знанію, которою отличается истинно образованный человѣкъ отъ необразованнаго и полуобразованнаго, истинно зрѣлый юноша для университета отъ недозрѣлаго.

Только тотъ истинный студентъ, кто штудируетъ, кто свободно, изъ чистой любви къ наукѣ, изучаетъ ее и въ комъ, вслѣдствіе этого изученія, пробуждается невольное влеченіе къ научной производительности, къ научному творчеству, къ развитію научной дѣятельной силы. Штудированіе есть единственное призваніе студента. Университетъ со всѣми его учрежденіями для того именно и существуетъ, чтобы обезпечить, гарантировать осуществленіе этого призванія».

Эти мысли Рѣдкина глубоко прошли въ сознаніе К. Д. Ушинскаго и были осуществлены имъ въ полной мѣрѣ на дѣлѣ жизни.

Послѣ лекцій Рѣдкина часто происходилъ между студентами оживленный обмѣнъ мнѣніями, при чемъ голосъ Ушинскаго, какъ особенно даровитаго студента, игралъ выдающуюся роль. Нерѣдко Ушинскому приходилось развивать передъ товарищами ту или другую философскую систему, не вполнѣ усвоенную ими со словъ профессора.

Интересуясь предметами своей спеціальности, Ушин-

---

[1]) *Демковъ* „Исторія педагогики" ч. III.

скій не менѣе интересовался и изящною словесностью, какъ отечественною, такъ и нѣмецкою [1]).

Онъ не только читалъ, но и изучалъ поэтическія произведенія отечественной и нѣмецкой литературы. Вотъ почему К. Д. Ушинскій такъ легко владѣлъ литературнымъ, художественнымъ, гибкимъ языкомъ, получившимъ, по заслугамъ, должную оцѣнку у признаннаго художественнаго стилиста Тургенева.

Кромѣ литературы и поэзіи К. Д. Ушинскій увлекался и театромъ. Онъ смотрѣлъ на сценическія представленія, какъ на одно изъ средствъ къ духовному усовершенствованію. Такой взглядъ тѣмъ болѣе понятенъ, что въ то время на московской сценѣ подвизались такіе даровитые артисты, какъ Щепкинъ и Мочаловъ, и Ушинскій бывало вынетъ изъ кармана послѣдній двугривенный, пойдетъ въ театръ, заберется на самый верхъ и неистово апплодируетъ оттуда Мочалову. Увлеченный игрою послѣдняго, онъ даже составилъ для его бенефиса шестиактную трагедію. Мочаловъ прослушалъ нѣсколько сценъ трагедіи Ушинскаго и нашелъ ее неподходящей для сцены. Разсказываютъ, Мочаловъ только разсмѣялся, когда прочелъ рукопись и сказалъ нашему неудачному драматургу: «Милый другъ мой! Я очень вамъ благодаренъ за ваше ко мнѣ вниманіе, за вашу преданность и любовь, но, право, простите меня: если-бы я не зналъ, что вы такъ молоды, я подумалъ бы, что вы сумасшедшій человѣкъ. Ну, посудите сами, молодой мой другъ, развѣ бываютъ въ жизни такія исторіи, чтобы всѣ поминутно, безъ отдыха, безъ срока, проклинали, колотили и убивали другъ друга, дѣлали все время только одни злодѣйства, не имѣя ни минуты времени ни для пищи, ни для сна? [2]).

---

[1]) *К. Ельницкій* „Русскіе педагоги".

[2]) *Ермиловъ* „Нашъ родной учитель" 1899 г. Москва. 23 стр.

Ушинскій и сконфузился и обидѣлся,—и долго не ходилъ въ театръ, разсерженный на актера, котораго онъ назвалъ заносчивымъ человѣкомъ, а впослѣдствіи, когда пылъ молодости и страсти улегся, онъ самъ хохоталъ надъ своей «кровожадной» трагедіей.

Стѣсненія въ матеріальныхъ средствахъ родителей ко времени прохожденія университетскаго курса, заставившія его обратиться къ частнымъ урокамъ для пріисканія средствъ къ существованію, больше прежняго закалили характеръ Ушинскаго, обогащая его практически въ молодомъ возрастѣ педагогическимъ опытомъ. Неблагопріятное, можетъ быть, для другихъ условіе жизни дѣйствовало на Ушинскаго, какъ на личность исключительную, только положительно.

Работоспособность Ушинскаго являлась примѣромъ для другихъ. Выдержку характера, упорство и желѣзную рѣшимость К. Д. Ушинскій выработалъ постепенно. Это мы видимъ и изъ дневника К. Д. Ушинскаго, относящагося къ университетскимъ годамъ его, гдѣ дается интересное распредѣленіе дней его [1]).

Нельзя безъ волненія читать вдохновенныя идеалами и чистотой юной души слова Ушинскаго изъ этого дневника 1845 г. отъ 13 Ноября: „Приготовлять умы! Разсѣивать идеи!... Вотъ наше назначеніе. Мы живемъ не въ тѣ годы, чтобы могли дѣйствовать сами. Отбросимъ эгоизмъ, будемъ трудиться для потомства! Какъ отцы, отдадимъ себя трудамъ и страданіямъ, безплоднымъ для насъ, плодовитымъ для

---

[1]) См. собраніе неизданныхъ сочиненій К. Д. Ушинскаго: „Матеріалы для Педагог. Антропологіи т. III и Матеріалы для біографіи". 1908 г. С.-Пб. стр. 17.

дѣтей нашихъ. Соберемъ неизсякаемыя сокровища, которыя пусть расточатъ наслѣдники наши. Рано еще дѣйствовать! Пробудимъ требованія, укажемъ разумную цѣль, откроемъ средства, расшевелимъ энергію,—дѣла появятся сами...

Не будемъ спѣшить, побуждаемые эгоистическою жаждою вкусить отъ плодовъ дѣлъ нашихъ! Тихо, покорно будемъ нести гнетъ, отъ котораго избавимъ нашихъ потомковъ. Предупредимъ бѣдствія перелома. Будемъ трудиться надъ постройкой чуднаго зданія, которому внуки наши дадутъ свое имя, истинныхъ творцовъ котораго никто и никогда не узнаетъ. Пренебрегая насмѣшками, вытерпѣвая гоненія, жертвуя всѣмъ: счастьемъ забытія, наслажденіемъ семейства, почестей, славы, богатства,—не убѣгая туда, гдѣ живутъ счастливѣе,—отказавшись совершенно отъ самого себя,—работаемъ для потомства! Велика тогда будетъ наша роль, велико назначеніе!

Въ потѣ лица, въ пыли презрѣнія, подъ знойными лучами текущаго солнца, рискуя жизнью, бросать сѣмена въ землю, зная, что никогда не увидишь тамъ и все таки работать до конца жизни,—страшное бытіе. Отдать все потомкамъ, которые забудутъ и имена наши, не ждя награды ни на землѣ, ни на небѣ,—знать это и все-таки отдать имъ и жизнь свою,—велика любовь къ истинѣ, ко благу, къ идеѣ! велико назначеніе!...

Труднѣйшая, безславнѣйшая доля въ массѣ трудовъ человѣчества—лучшая доля, величайшая доля!...

14 *Ноября* читаемъ распредѣленіе дней Ушинскаго такое:

Понедѣльникъ Встать въ 4 час. утра.

Работать для экзамена.	5	„	„
	6	„	„
	7	„	„
	8	„	„
на урокѣ	9	„	„
	10	„	„
	11	„	„
Всѣ нужныя дѣла	12	„	дня.
Обѣдъ и отдыхъ	1	„	„
Читать для ума	2	„	„
	3	„	„
	4	„	„
	5	„	„
Думать о чемъ-нибудь дѣльномъ	6	„	„
Читать что-нибудь нужное . . .	7	„	
Писать въ журналъ (дневникъ), готовить для урока	8	„	
Отдыхать.	9	„	
Спать.	10	„	
	11	„	
	12	„	
	1	„	
	2	„	
	3	„	
	4	„	

Вторникъ Встать, одѣться и читать для ума	5	часовъ
	6	„
	7	„
	8	„
	9	„
Для экзамена ѣхать въ библіотеку или дѣлать выписку дома.	10	„
	11	„
	12	„
	1	„
Обѣдать, отдыхать и немного эстетики.	2	„
	3	„
На урокѣ.	4	„
	5	„
	6	„
Писать въ журналъ и письма, готовить для уроковъ . . .	7	„
	8	„
Отдыхать.	9	„
Спать въ	10	„

Среда, *Четвергъ* — какъ понедѣльникъ, кромѣ ѣзды въ библіотеку.

Пятница. Заниматься для себя.	5	часовъ
	6	„
	7	„
	8	„

Урокъ	9	часовъ
	10	"
	11	"
Отдыхать и обѣдать	12	"
	1	"
Заниматься для экзамена. . . .	7	"
	8	"
Журналъ и пр.	9	"
Въ субботу. Заниматься для экзамена	5	"
	6	"
	7	"
	8	"
	9	"
для себя	10	"
	11	"
	12	"
Обѣдать и отдыхать	1	"
	2	"
Заниматься.	3	"
	4	"
	5	"
	6	"
Урокъ.	7	"
	8	"
	9	"

Спать.	10	часовъ
Воскресенье Заниматься.	6 7 8 9	„ „ „ „
По домашнимъ дѣламъ или въ гости.	10 11 12 1 2 3 4 5	„ „ „ „ „ „ „ „
Читать	6 7 8 9	„ „ „ „

16 ноября [1]). Нечего писать кромѣ того, что я не исполнилъ всего предписанаго. О! волю надо укрѣплять! Пусть въ моемъ внутреннемъ государствѣ все повинуется ей безпрекословно,—все, кромѣ ума, этого вѣчнаго закона, неизмѣннаго! Онъ одинъ долженъ быть свободнымъ... я долженъ низойти до самаго источника воли... туда гдѣ зародыши творчества... и выйти оттуда побѣдителемъ надъ всѣми страстями—безстрастіемъ, лѣностью, приличіями—надъ всѣмъ,—но съ предписаніемъ ума».

---

[1]) Ibidem стр. 21.

Въ Ушинскомъ много было бодрости и здоровья въ эти года.

3 декабря[1]). «Поутру, часовъ 8—9 я чувствую себя здоровымъ, какъ никогда. Грудь моя дышитъ свободно; сердце ходитъ легко; голова свѣжа; какая-то полнота, гибкость, самонаслажденіе во всемъ тѣлѣ. Теперь я чувствую сладость бытія, безъ примѣси всѣхъ другихъ обстоятельствъ. Если бы вся жизнь проходила такъ, то можно бы жизнь однимъ тѣломъ... Это особое до сихъ поръ еще мнѣ незнакомое чувство... Какъ! ни одного непріятнаго ощущенія во всемъ тѣлѣ, и полная жизнь во всякой точкѣ его! Чудное ощущеніе!..» а затѣмъ приводитъ реестръ прочитаннаго за опредѣленный промежутокъ времени.

8 декабря... «Сегодня всталъ, я думаю, часа въ 3,—и радъ: чудесно заниматься поутру: всѣ движенія духа какъ-то сильнѣе, всѣ обороты его какъ-то явственнѣе,—и я могъ самъ наблюдать надъ собою.

26 марта 1845 г.[2])... При моихъ безчисленныхъ порокахъ, какъ-бы я долженъ былъ страдать... но, къ счастью.... я начинаю смотрѣть на тоску, раскаяніе,—на эти удушливыя минуты,—какъ на необходимые приливы и отливы, и—терпѣливо жду конца, не ищу утѣшенія въ мысляхъ, и часто механически стараюсь разсѣяться...

Скучно... Не шутя хочется умереть,—развязаться со всѣми этими дрязгами[3]).

Отчего я не могу найти спокойствія... хочется умереть!...»

---

[1]) Ibidem стр. 27.
[2]) Ibidem стр. 35.
[3]) Ibidem стр. 36.

И отъ этого же числа такая игривая запись: «Новое правило, которое я, конечно, въ слѣдующій же разъ постараюсь не исполнить: никогда не просить кого-нибудь оставаться у себя, когда онъ хочетъ уйти, потому что я замѣтилъ, что, послѣ этого, разговоръ надувается и дѣлается скучнымъ для обѣихъ сторонъ. И это—всегда.

29 марта[1]). Физика, одна физика не могла создать этого чуднаго міра, а еще меньше—мысль, подобная человѣческой. Нѣтъ, это—живое существо! И мы—тоже таковые органы его! Еще болѣе: мы сосуды души его! О! при этой мысли, всякое сомнѣніе, всякая боязнь отлетаетъ прочь,—и радость бытія и сознанія объемлетъ душу мою! Чувство вѣчности, сознательной вѣчности,—ты лучшее чувство въ душѣ человѣка! Но увы! моя слабая природа не можетъ удерживать его долго. Подобно молніи, блеснетъ оно, подобно ей, разорветъ мрачныя облака, покрывающія небо моей души, и, подобно ей, исчезнетъ быстро,—исчезнетъ—и снова мелкія, вседневныя, безсмысленныя заботы о чемъ-то потянутся цѣлые дни и цѣлые годы, до новой бури и до новаго блеска,—до новаго восторга!».

Будучи молодымъ профессоромъ Демидовскаго лицея въ гор. Ярославлѣ, К. Д. Ушинскій сумѣлъ въ короткое время заразить всѣхъ желаніемъ трудиться, улучшить себя, привилъ любовь къ наукѣ въ молодомъ поколѣніи. Становится ли К. Д. Ушинскій во главѣ Гатчинскаго сиротскаго института, онъ весь отдается работѣ улучшенія воспитательнаго дѣла и увеличенія счастья бѣдныхъ дѣтей и дѣйствительно, достигаетъ блестящихъ результатовъ. Если чувствуетъ себя неподготовленнымъ къ тому или

---

[1]) Ibidem стр. 37.

другому новому дѣлу, ретиво, безъ промедленія, онъ принимается за разработку всего, что считаетъ для себя необходимымъ, будь это изученіе незнакомой ему до этого педагогической литературы, или скучное изученіе незнакомаго ему иностраннаго языка. Благодаря работамъ Ушинскаго, русскія сироты поставлены въ лучшія, чѣмъ прежде, условія школьной жизни; въ самомъ же Гатчинскомъ институтѣ, гдѣ инспекторомъ былъ Ушинскій, многое здоровое, улучшенное, что введено было тамъ, неразрывно связано съ именемъ К. Д. Ушинскаго.

Сдѣлался К. Д. Ушинскій инспекторомъ Смольнаго института (Николаевской и Александровской половинъ), и тутъ работа въ рукахъ его начала кипѣть, оживляя, оплодотворяя новой жизнью не только воспріимчивую къ свѣжей мысли молодую душу воспитанницъ, но захватывая подчасъ и наиболѣе консервативную воспитательную корпорацію института. И для этихъ людей горячая правда словъ и дѣла К. Д. Ушинскаго оказалась черезчуръ сильной, она пробудила небывалую дотолѣ въ ихъ сердцахъ любовь къ ввѣреннымъ ихъ попеченію дѣтямъ. Но, къ сожалѣнію, не всѣхъ захватила осуществленная К. Д. Ушинскимъ въ институтѣ педагогическая правда. Завистливая клевета и злоба сумѣла свить себѣ гнѣздо подъ стѣнами воспитательно-учебнаго заведенія и Ушинскаго обвинили въ „неблагонадежности“. Только высокое покровительство и заступничество императрицы Маріи Александровны спасло К. Д. Ушинскаго.

До сихъ поръ остается тайной происшедшее, но съ результатами мы знакомы: К. Д. Ушинскій цѣлую ночь напролетъ офиціально отписывался, обѣляя

себя и свою, болѣе чистую, конечно, чѣмъ у его обвинителей, совѣсть.

Докладъ по начальству былъ написанъ, вѣрнѣе, глубоко выстраданъ за нѣсколько сутокъ отписки, такъ что, когда К. Д. Ушинскій всталъ изъ-за письменнаго стола послѣ перенесенной работы, окружающіе не узнали его: молодой Ушинскій, въ расцвѣтѣ духовныхъ силъ, посѣдѣлъ за эти дни и началъ харкать кровью.

Будучи инспекторомъ Смольнаго института, К. Д. успѣвалъ не только образцово поставить и вести учебную часть института, но вмѣстѣ съ тѣмъ приготовлялъ свои учебники „Родное Слово", „Дѣтскій Міръ", писалъ педагогическія статьи, въ журналахъ, собиралъ къ себѣ по четвергамъ все свѣжее и лучшее изъ Петербургскаго общества, и далеко за полночь педагогическіе споры на квартирѣ инспектора-педагога соединяли всѣхъ помощниковъ его по дѣлу развитія педагогическихъ взглядовъ въ Россіи. Многое изъ реформъ Ушинскаго созрѣло въ головѣ его на этихъ, именно, бесѣдахъ. Какой притягательной личностью былъ Ушинскій, можно судить по тому, что „четверги" его, несмотря на отдаленность института отъ города, почти постоянно собирали всѣхъ наличныхъ его знакомыхъ.

Не только въ качествѣ инспектора Гатчинскаго и Смольнаго институтовъ, но и въ качествѣ преподавателя педагогики и словесности, К. Д. Ушинскій былъ образцовымъ педагогомъ-практикомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ многіе ученики и ученицы его. Но будучи образцовымъ практикомъ, К. Д. Ушинскій и теоретически былъ глубоко подготовленъ къ дѣлу

воспитанія, признавая значеніе изученія общей и исторической педагогики въ качествѣ подготовительнаго орудія для воспитательной дѣятельности. Самъ будучи теоретически подготовленнымъ, Ушинскій и отъ воспитателей требовалъ той же подготовки.

Ушинскій считалъ [1]), что обязанность воспитателя зорко слѣдить за тѣмъ, что совершается въ жизни и наукѣ, но не слѣдовать непремѣнно за тѣми увлеченіями, которыя свойственны и жизни, и наукѣ; вносить изъ нихъ въ школу слѣдуетъ лишь то, что составляетъ *дѣйствительное* пріобрѣтеніе человѣчества. Отсюда видно, какой зрѣлости требовалъ Ушинскій отъ воспитателя. И эту зрѣлость воспитатель можетъ почерпнуть изъ изученія человѣческой природы въ ея вѣчныхъ основахъ, въ ея современномъ состояніи и въ ея историческомъ развитіи, что и составляетъ, по мнѣнію Ушинскаго, основу педагогики въ широкомъ смыслѣ слова.

Вернемся къ его біографіи. 20 лѣтъ отъ роду, въ 1844 году Ушинскій блестяще окончилъ курсъ юридическихъ наукъ.

Вскорѣ по окончаніи университета, благодаря лестной аттестаціи московскихъ профессоровъ, Ушинскій получилъ предложеніе [2]) занять кафедру по энциклопедіи законовѣдѣнія и финансовому праву въ ярославскомъ лицеѣ. Съ юношескимъ пыломъ молодой профессоръ отдался профессорской дѣятельности. Онъ очень усердно готовился къ своимъ лекціямъ и мастерски излагалъ ихъ—ясно, съ жаромъ, убѣдительно. Онъ увлекался самъ

---

[1]) Антропологія, I и II т.

[2]) *К. Ельницкій* Русскіе педагоги второй половины XIX в.". 1904 г. Спбургъ.

и увлекалъ своихъ слушателей[1]). Обдумаетъ лекцію заранѣе, подымется на кафедру, начинаетъ первую обдуманную имъ фразу, какъ вдругъ, подобно Грановскому—своему учителю, благодаря обилію налетѣвшихъ на него новыхъ мыслей, мѣняетъ весь задуманный планъ, горячо развиваетъ новыя оригинальныя мысли и не замѣчаетъ, вмѣстѣ со своей аудиторіей прогудѣвшаго, послѣ окончанія лекціоннаго часа, звонка. Студенты полюбили своего талантливаго профессора, и занятія его въ лицеѣ шли успѣшно. Но черезъ нѣсколько лѣтъ, не находя возможнымъ связывать себя такими формальностями въ дѣлѣ преподаванія, которыя, по его словамъ, «въ состояніи были убить живое дѣло преподаванія», онъ оставилъ Ярославскій лицей. Реакція на Западѣ послѣ 1848 года отразилась у насъ на высшей школѣ, а поэтому явились стѣсненія въ преподавательской дѣятельности. Студенты упрашивали его не покидать ихъ, ради пользы ихъ самихъ и того дѣла, которому онъ служилъ. Но Ушинскій рѣшился уйти и ушелъ (въ 1850 г.), оставивши по себѣ глубокую память въ сердцахъ студентовъ. «Ну какой толкъ, оправдывался Ушинскій, выйдетъ изъ того, что я заранѣе напишу на завтра лекцію и вдругъ увлекусь, найдетъ на меня вдохновеніе, измѣню планъ, примѣры, авторовъ выберу другихъ и наговорю не то, что хотѣлъ раньше. Насиловать себя не могу. Лучше уйду» [2]).

Прибывши въ Петербургъ, онъ не могъ найти себѣ мѣста преподавателя не только въ высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи, но даже въ уѣздномъ училищѣ.

---

[1]) *С. Покровскій* „Страница изъ профессорской дѣятельности К. Д. Ушинскаго въ Демидовскомъ лицеѣ" (по даннымъ архива Демид. лицея). Вѣст. Восп. декабрь № 9 1911 г.

Его-же „Государственныя правовыя воззрѣнія К. Д. Ушинскаго". Вѣст. Восп. Августъ № 5 1911 г.

[2]) *Ермиловъ* „Нашъ родной учитель" стр. 25.

Выходъ его изъ лицея служилъ искусственной преградой къ педагогической дѣятельности. И долженъ былъ Константинъ Дмитріевичъ сдѣлаться департаментскимъ чиновникомъ. На первыхъ порахъ своей службы въ департаментѣ иностранныхъ исповѣданій Ушинскій, по живости своего ума, не удержался отъ излишней откровенности и сострилъ насчетъ своего старшаго сослуживца графа Д. А. Толстого, чѣмъ и возстановилъ его противъ себя. Недоброе чувство сослуживца тяжело отразилось на Ушинскомъ, когда бывшій сослуживецъ занялъ высокій постъ министра народнаго просвѣщенія.

Служба въ департаментѣ давала Ушинскому всего только 400 рублей въ годъ. Понятно, что этой суммы было недостаточно для жизни въ Петербургѣ, особенно семейному человѣку, какимъ въ это время уже былъ Ушинскій. Пришлось искать другихъ занятій. Съ увлеченіемъ занимаясь философіей и землевѣдѣніемъ, Ушинскій занялся вмѣстѣ съ тѣмъ изученіемъ англійскаго языка и изучилъ его вполнѣ. Обладая огромной эрудиціей и знаніемъ языковъ, искусно владѣя перомъ, Ушинскій началъ принимать участіе въ лучшихъ тогда журналахъ: «Современникъ», «Библіотека для чтенія» и др. Вскорѣ за Ушинскимъ упрочилось мнѣніе, какъ о талантливомъ и образованномъ писателѣ. Но срочная журнальная дѣятельность не удовлетворяла Константина Димитріевича. Она подтачивала его здоровье, не принося духовнаго удовлетворенія.

Въ 1855 г. онъ назначенъ былъ, благодаря содѣйствію директора гатчинскаго института, бывшаго сослуживца Ушинскаго по лицею, преподавателемъ этого института, а затѣмъ и инспекторомъ его.

Выясняя всю совокупность данныхъ, вліяющихъ на образованіе опредѣленнаго характера личности К. Д.

Ушинскаго, мы не можемъ не упомянуть о двухъ случайностяхъ, дѣйствіе которыхъ оказалось роковымъ для К. Д. Ушинскаго, круто и рѣшительно опредѣливъ человѣка съ юридической подготовкой къ педагогической дѣятельности. Одна изъ этихъ случайностей, была слѣдующая: будучи инспекторомъ Гатчинскаго Сиротскаго Института, Ушинскій нашелъ запечатанный шкафъ въ институтѣ, отъ котораго всѣ бѣжали, какъ отъ зачумленнаго, такъ какъ шкафъ этотъ наполненъ былъ книгами, собранными покойнымъ инспекторомъ института Гугелемъ, котораго всѣ считали чудакомъ, мечтателемъ, «человѣкомъ не въ своемъ умѣ». А въ двухъ запыленныхъ, почернѣвшихъ отъ времени, 20 лѣтъ не распечатываемыхъ шкафахъ оказалась рѣдкая цѣнность: первая на Руси большая педагогическая библіотека.

Чувствуя въ себѣ педагогическую неподготовленность къ роли инспектора, Ушинскій съ жадностью принялся за изученіе этой библіотеки и нашелъ въ ней много цѣннаго, поучительнаго для себя. Объ этой находкѣ Ушинскій писалъ слѣдующее [1]): «Это было въ первый разъ, что я видѣлъ собраніе педагогическихъ книгъ въ русскомъ учебномъ заведеніи. Этимъ двумъ шкафамъ я обязанъ въ жизни очень, очень многимъ, и—Боже мой!—отъ сколькихъ бы грубыхъ ошибокъ былъ избавленъ я, если бы познакомился съ этими двумя шкафами прежде, чѣмъ вступилъ на педагогическое поприще! Человѣкъ, заведшій эту библіотеку, былъ необыкновенный у насъ человѣкъ. Это едва ли не первый нашъ педагогъ, который взглянулъ серьезно на дѣло воспитанія и увлекся имъ. Но горько же и поплатился онъ за это увлеченіе. Покровительствуемый счастливыми обстоятельствами, онъ могъ

---

[1]) „Письма изъ Щвейцаріи“ К. Д. Ушинскаго стр. 376.

нѣсколько лѣтъ проводить свои идеи въ исполненіе; но вдругъ обстоятельства измѣнились, и бѣднякъ-мечтатель окончилъ свою жизнь въ сумасшедшемъ домѣ, бредя дѣтьми, школою, педагогическими идеями. Не даромъ же послѣ него закрыли и запечатали его опасное наслѣдство. Разбирая эти книги, исписанныя по краямъ одною и тою же мертвою рукою, я думалъ: лучше было бы, если бы онъ жилъ въ настоящее время, когда уже научились цѣнить педагоговъ и педагогическія идеи».

Другое обстоятельство случайнаго характера, опредѣлившее педагогическую дѣятельность К. Д. Ушинскаго, было слѣдующее: редакторъ «Библіотеки для чтенія» Старчевскій прислалъ Ушинскому нумера англійскаго журнала «Atheneum» для перевода статей объ образованіи и воспитаніи въ Америкѣ. Статьи увлекли Ушинскаго и не замедлили сказаться на немъ тѣмъ, что рѣшительно опредѣлили его судьбу, какъ педагога-реформатора. Самъ Ушинскій объ этомъ впечатлѣніи говоритъ такъ[1]): «Зачѣмъ прислали Вы мнѣ статьи объ американскомъ воспитаніи? Вращаясь постоянно въ училищномъ кругозорѣ, ознакомившись поближе съ дѣтьми, которыхъ надо развить, учить и воспитывать, я, по прочтеніи «Atheneum», не могъ спать нѣсколько ночей! Статьи произвели страшный переворотъ въ моей головѣ, въ моихъ понятіяхъ, убѣжденіяхъ. Онѣ подняли въ моемъ умѣ цѣлый рой вопросовъ по воспитанію и образованію; навели меня на многія, совершенно новыя, мысли, которыя, безъ этихъ статей, пожалуй, никогда не пришли бы мнѣ въ голову. Я не знаю, что я сдѣлаю, что со мною будетъ, но я рѣшился посвятить себя съ этого дня исключительно педагогическимъ

---

[1]) Соб. пед. соч. *К. Д. Ушинскаго. Песковскій* „К. Д. Ушинскій“.

вопросамъ». Путь педагога былъ избранъ и чреватая для будущаго работа новаго реформатора была осуществлена въ 15-ти лѣтней педагогической дѣятельности и въ созданной имъ самимъ педагогической системѣ, съ ярко выраженнымъ національнымъ характеромъ ея.

Будучи инспекторомъ Гатчинскаго обширнаго заведенія, въ которомъ дѣти начинали съ азбуки и доходили до знакомства съ литературой и законовѣдѣніемъ, Ушинскій имѣлъ возможность на практикѣ примѣнять педагогическія требованія, вынесенныя изъ чтенія педагогическихъ сочиненій. Періодъ, когда Ушинскій былъ инспекторомъ Гатчинскаго Института, былъ самымъ блестящимъ въ жизни этого заведенія [1]).

Часы отдыха отъ сложной практической дѣятельности Константинъ Димитріевичъ посвящалъ разработкѣ педагогическихъ вопросовъ. Ушинскій сталъ печатать одну за другой свои замѣчательныя педагогическія статьи: «О пользѣ педагогической литературы», «О народности въ общественномъ воспитаніи», «Три элемента школы» и другія, не утратившія своего значенія и въ настоящее время. Въ это же время онъ подготовлялъ свой «Дѣтскій міръ», предназначая его для начальнаго обученія.

Дѣятельность Ушинскаго въ Гатчинскомъ институтѣ и его педагогическіе труды поставили его въ ряду выдающихся педагоговъ.

О немъ узнала Императрица Марія Александровна, живо интересовавшаяся педагогическими вопросами.

Въ то время назрѣлъ вопросъ о преобразованіи закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній. Преобразованіе это рѣшено было начать съ Смольнаго Института, какъ старѣйшаго. Нуженъ былъ человѣкъ,

---

[1]) *П. Ельницкій* „Русскіе педагоги“ стр. 8—16.

который въ состояніи былъ бы произвести необходимыя улучшенія.

Императрица Марія Александровна, подъ покровительствомъ которой находился институтъ, указала на Ушинскаго, какъ на лицо, способное поставить учебно-воспитательное дѣло заведенія на надлежащую высоту. И въ 1859 году Ушинскій былъ назначенъ инспекторомъ Смольнаго Института, реформой котораго энергично и занялся.

Обаяніе личности Ушинскаго въ Институтѣ сказалось на сослуживцахъ и воспитанницахъ. Всѣ чувствовали, а воспитанницы особенно, что Ушинскій желаетъ имъ добра, трудится ради ихъ пользы, и питали къ нему чувство глубокой признательности. Высшее начальство довѣряло Ушинскому. Казалось, что какъ ему самому, такъ и институту нечего опасаться чего-нибудь непріятнаго.

Клевета въ «неблагонадежности»[1]) погубила здоровье Ушинскаго, хотя онъ и очистилъ себя совершенно отъ возведенныхъ на него обвиненій и уличилъ клеветниковъ въ ихъ неправдѣ.

Высокое покровительство и заступничество императрицы Маріи Александровны спасло К. Д. Ушинскаго. Онъ причисленъ былъ къ VI отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи, съ оставленіемъ прежняго содержанія, и получилъ заграничную командировку для ознакомленія съ положеніемъ женскаго образованія заграницей и составленія руководства педагогики для среднихъ учебныхъ заведеній.

Выходъ Константина Димитріевича изъ института огорчилъ друзей его и обрадовалъ враговъ его, но торжество это было непрочно, потому что всѣ реформы

¹) См. Л. Модзалевскаго „Къ біографіи К. Д. Ушинскаго“ 1881 г. Тифлисъ, гдѣ есть интересныя свѣдѣнія, но въ виду нѣкоторыхъ соображеній мы ихъ не помѣщаемъ.

Смольный институтъ — Николаевская половина (фасадъ зданія).

Ушинскаго были не только сохранены въ Смольномъ Институтѣ, но были распространены и на другіе женскіе институты.

Въ то время, когда Ушинскій былъ инспекторомъ Смольнаго Института, онъ получилъ предложеніе отъ министра Народнаго Просвѣщенія Головнина быть редакторомъ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ Министерствѣ шла подготовительная работа, направленная къ подъему учебно-воспитательнаго дѣла въ учебныхъ заведеніяхъ и министръ хотѣлъ изъ журнала сдѣлать педагогическій органъ.

Ушинскій оправдалъ довѣріе и поднялъ отдѣлъ «Педагогики и Дидактики».

«Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значесдѣлать педагогическій органъ. Ушинскій оправдалъ довѣріе и поднялъ отдѣлъ «Педагогики и Дидактики». «Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи», «О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи», «Воскресныя школы», «Проектъ учительской семинаріи», «Родное Слово» и др. статьи Ушинскаго были отпечатаны въ журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія.

Ушинскій редактировалъ журналъ два года: 1860 и 1861.

Въ 1862 году Министра Головнина замѣнилъ графъ Путятинъ и педагогическое направленіе журнала смѣнилось другимъ.

Ушинскій ушелъ изъ редакторовъ журнала и въ маѣ 1862 года вмѣстѣ съ семействомъ своимъ отправился заграницу, гдѣ пробылъ 5 лѣтъ—до 1867 года, ежегодно пріѣзжая на короткое время въ Россію, все время усердно работая надъ выполненіемъ возложеннаго на него Императрицей порученія.

Нѣкоторое время Ушинскій жилъ въ Швейцаріи, близъ Веве и въ Гейдельбергѣ, гдѣ и сошелся съ Н. И. Пироговымъ.

Во время заграничной поѣздки Ушинскій изучалъ школьное дѣло въ Швейцаріи, и знакомился главнымъ образомъ съ постановкой тамъ народныхъ школъ, учительскихъ семинарій и женскихъ учебныхъ заведеній.

Въ томъ же 1862 году Ушинскій прислалъ для печатанія свои знаменитыя письма изъ Швейцаріи подъ заглавіемъ «Педагогическая поѣздка по Швейцаріи».

Заграницей же составлены Ушинскимъ 3 книги «Родного Слова», составившія, вмѣстѣ съ двумя частями «Руководства для учителей»—приложенія къ «Родному Слову» эпоху въ начальномъ обученіи.

Въ 1867 году Ушинскій выпустилъ въ свѣтъ, вернувшись на родину, первый томъ книги «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, а въ 1869 году—второй томъ. Для третьяго тома былъ заготовленъ матеріалъ и даже составлена программа, но смерть помѣшала довести до конца это огромное по размѣрамъ педагогическое дѣло.

Къ счастью всѣхъ, сердечно интересующихся жизнью и дѣятельностью національнаго педагога К. Д. Ушинскаго, въ 1908 году дѣти нашего педагога издали, при содѣйствіи современнаго извѣстнаго педагога А. Н. Острогорскаго, 3-ій томъ подъ заглавіемъ «Матеріалы для III тома педагогической Антропологіи».

А. Н. Острогорскій разсказываетъ о внѣшности тѣхъ замѣтокъ, которыя явились матеріаломъ для III тома Антропологіи Ушинскаго.

«Замѣтки—выписки изъ книгъ К. Д. писалъ на четвертушкахъ, съ полями въ половину страницы. Сдѣлавъ выписку, вслѣдъ за этимъ, на томъ же листкѣ К. Д. излагалъ свои впечатлѣнія отъ прочитан-

наго, опроверженія, родившіеся вопросы и т. п. На четвертушкѣ обыкновенно помѣщались выписки только изъ одной какой-нибудь книги. Наверху, въ правомъ углу четвертушки К. Д. дѣлалъ заголовокъ, указывающій, къ какой главѣ Антропологіи онъ относитъ данную выписку. Иногда встрѣчается нѣсколько заголовокъ (напр., воля, вниманіе и т. п.).

Сличеніе этихъ помѣтокъ въ рукописи, относившихся къ I и II тому Антропологіи, съ печатнымъ текстомъ, обнаруживаетъ, что иногда, очевидно уже во время самой работы, онъ пользовался выпиской совсѣмъ не тамъ, гдѣ предполагалъ, когда дѣлалъ выписку».

На поляхъ, оставшихся чистыми, встрѣчаются помѣтки и замѣчанія, повидимому сдѣланныя послѣ перечитыванія выписокъ и почти вездѣ характерная приписка *«мое»*.

Сличеніе рукописныхъ листковъ, содержащихъ матеріалы для первыхъ двухъ томовъ Антропологіи, съ соотвѣтствующими мѣстами въ печатномъ текстѣ, даетъ возможность представить себѣ, какъ работалъ Ушинскій. Не всѣ выписки онъ вносилъ въ текстъ цѣликомъ, нерѣдко онъ излагалъ ихъ своими словами; встрѣчая такую передачу, говоритъ А. Н. Острогорскій въ своемъ предисловіи къ III тому Антропологіи, можно составить себѣ понятіе, съ какимъ уваженіемъ относился К. Д. къ чужимъ мнѣніямъ, хотя-бы ихъ и считалъ ошибочными...

«Замѣтки Ушинскаго то же, что этюды въ работѣ художника. Сдѣлавъ выписку и снабдивъ ее своею замѣткою, Ушинскій брался за чтеніе другого сочиненія, мысль его продолжала работать, возникали новыя точки зрѣнія, принимались во вниманіе новые факты, новыя соображенія, и когда Ушинскій садился писать, имѣя уже планъ

работы въ головѣ, первоначальная замѣтка являлась въ иной обработкѣ».

Выпущенный 3 томъ матеріаловъ къ Педагогической Антропологіи Ушинскаго, такъ тщательно и любовно проредактированный А. Н. Острогорскимъ, дѣйствительно, проливаетъ новый свѣтъ на личность національнаго педагога.

Редакторъ сохранилъ, что, конечно, очень цѣнно, заголовки на листкахъ, недописанныя фразы, замѣчанія Ушинскаго о необходимости достать книгу, прочесть, свѣрить переводъ и пр., мѣстами своеобразный языкъ наскоро дѣлаемыхъ замѣтокъ, когда мысль перегоняетъ пишущую руку и некогда подыскать подходящее слово, да и не къ чему, потому что запись предполагаетъ единственнаго читателя—самого пишущаго.

Въ этомъ же III томѣ, кромѣ матеріаловъ, помѣщены:

2) Отрывки изъ дневника К. Д., относящагося къ его гимназическимъ годамъ.

3) Дневникъ К. Д., относящійся къ 1844—1846 году.

4) Лекціи, читанныя К. Д. въ Ярославскомъ лицеѣ.

5) Письма К. Д. о воспитаніи Наслѣдника русскаго престола.

Нельзя не пожалѣть, вмѣстѣ съ А. Н. Острогорскимъ, что судьба не дала Ушинскому возможности самому обработать и подготовить къ печати III томъ, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ждали русскіе педагоги. Безъ сомнѣнія этотъ III томъ явился бы такъ же тщательно, художественно, ясно и точно выполненнымъ, какъ были исполнены и всѣ остальныя работы Константина Димитріевича».

Возвращаясь къ біографическимъ даннымъ, слѣдуетъ отмѣтить, что кромѣ Швейцаріи и Германіи, Ушинскій посѣтилъ Италію и Францію. Въ Ниццѣ Ушинскій удо-

стоился бесѣдовать съ императрицей Маріей Александровной, которая поручила ему изложить свои взгляды о характерѣ воспитанія Наслѣдника русскаго престола. Ушинскій изложилъ свои взгляды въ четырехъ письмахъ. По возвращеніи въ Петербургъ Ушинскій сдѣлался душой Педагогическаго Общества и поднялъ сильно интересъ къ педагогическимъ вопросамъ. Одновременно съ этимъ переписывался съ выдающимися дѣятелями по народному образованію, съ барономъ Н. А. Корфомъ, съ барономъ Косинскимъ и другими.

Петербургскій климатъ и усиленные труды подорвали здоровье Ушинскаго и весною 1870 г. онъ вторично отправился заграницу. Вѣнскіе доктора посовѣтовали ему вернуться въ Россію, въ Крымъ и пить кумысъ. Ушинскій поселился недалеко отъ Бахчисарая. Черезъ мѣсяцъ, почувствовавъ приливъ новыхъ силъ, онъ отправился на южный берегъ Крыма и въ Симферополь. Здѣсь посѣтили его многіе народные учителя и окружили всѣ почетомъ. Директоръ предложилъ ему проѣхаться въ Бахчисарай, гдѣ въ школѣ для взрослыхъ татаръ, готовящихся въ учителя татарскихъ народныхъ школъ, Ушинскій впервые увидѣлъ, какъ учатъ по его книгѣ «Родное Слово» не русскихъ, а татаръ, не маленькихъ, но взрослыхъ [1]).

Ученики татаръ заявили Ушинскому, что русское чтеніе и письмо по книгѣ «Родное Слово» дается имъ легче татарскаго и что въ библіотекѣ у каждаго изъ нихъ обязательно есть первый годъ «Родного Слова», на ряду съ Кораномъ и семью толкованіями его на арабскомъ языкѣ.

Вернувшись въ Симферополь, Ушинскій принялъ горячее участіе въ устроенномъ тамъ съѣздѣ народныхъ

---

[1]) *К. Ельницкій* „Русскіе педагоги".

учителей. Его просили не утомляться, но онъ отвѣчалъ, какъ только и могъ отвѣчать такой человѣкъ, что не можетъ не принимать близко къ сердцу того педагогическаго движенія, какое онъ замѣчаетъ въ своемъ отечествѣ.

Посѣтивши Симферопольскую женскую гимназію, онъ здѣсь былъ на экзаменѣ въ приготовительномъ классѣ и поразилъ всѣхъ присутствующихъ тѣмъ искусствомъ, съ которымъ онъ ставилъ вопросы.

При отъѣздѣ изъ Симферополя народные учителя и разныя лица устроили ему проводы и выражали глубокую ему благодарность, какъ своему учителю. Это растрогало его и онъ рѣшился еще съ большимъ усердіемъ отдаться дѣлу народнаго образованія. Ему захотѣлось основать учебное заведеніе для слабыхъ и болѣзненныхъ дѣтей, гдѣ, соблюдая гигіеническія условія, можно было бъ дать имъ необходимое среднее образованіе. Ушинскій приторговалъ уже близъ Ялты имѣніе, а самъ поѣхалъ въ Богданку Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, гдѣ жила его семья.

Пріѣхавши въ Богданку, Ушинскій, узналъ, что любимый старшій его сынъ Паша случайно на охотѣ убилъ себя. Это невыразимо поразило несчастнаго отца. Онъ упалъ безъ чувствъ, придя въ себя, ушелъ въ кабинетъ, заперся и долго раздавались оттуда отчаянные стоны и рыданія убитаго горемъ отца. Послѣ этого онъ сталъ угрюмъ, молчалъ, старался хлопотами по имѣнію заглушить свою тоску.

Осенью онъ перевезъ свою семью въ Кіевъ и помѣстилъ двухъ своихъ дочерей въ институтъ. Въ Кіевѣ жилось ему плохо. Онъ такъ пишетъ одному изъ своихъ друзей: «Хорошо ли мнѣ въ Кіевѣ? Увы, не хорошо! Душитъ глушью и ничего близкаго сердцу. Но

думаю, что для семьи моей будетъ лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Обо мнѣ уже думать нечего: моя пѣсня, кажется, окончательно спѣта». Замѣчая, что силы его оставляютъ, сокрушался о своей семьѣ и о неоконченныхъ педагогическихъ трудахъ.

Его тянуло въ Петербургъ, а доктора высылали въ Крымъ, куда онъ и отправился съ 2-мя своими сыновьями. Дорогою онъ простудился и, остановившись въ Одессѣ, слегъ въ постель: у него оказалось воспаленіе легкихъ. Не разсчитывая уже выздоровѣть, онъ телеграммой выписалъ изъ Кіева остальную свою семью, а 27 декабря 1870 года на 47 году жизни не стало гордости русской педагогики, человѣка дорогого для всѣхъ, кто интересовался дѣломъ обученія и воспитанія подростающаго поколѣнія.

Въ Одессѣ у Ушинскаго не было знакомыхъ, но по трудамъ его, его знала вся мыслящая Россія и огромная толпа начальниковъ учебныхъ заведеній, учащихъ и учащихся, не только въ Одессѣ, но и въ Кіевѣ, куда привезенъ былъ дорогой прахъ, сопровождала гробъ усопшаго. Въ глухихъ провинціальныхъ закоулкахъ болью отозвалась смерть національнаго педагога, хорошо уже извѣстнаго всѣмъ русскимъ, Константина Димитріевича Ушинскаго.

ГЛАВА IV.

Педагогическая система К. Д. Ушинскаго, какъ міровоззрѣніе его.

1) Связь педагогики съ философіей. Гуманистическій реализмъ.

Раскрывая педагогическое ученіе К. Д. Ушинскаго, какъ систему философски-научно обоснованную, мы не

стремимся въ нашемъ освѣщеніи къ оригинальности взгляда; мы будемъ удовлетворены, если намъ удастся углубить педагогическіе взгляды К. Д. Ушинскаго, ихъ систематизировать, найти основную педагогическую идею, объединяющую все многообразно высказанное К. Д. Ушинскимъ по вопросамъ воспитанія и обученія въ одно связное философское міровоззрѣніе, и сдѣлать выводы, важные для нашихъ главныхъ задачъ изслѣдованія, а именно: 1) разсмотрѣть нашихъ реформаторовъ новой русской педагогики съ точки зрѣнія исторической преемственности и 2) показать, что каждый изъ нихъ вноситъ, какъ образующія начала сложнаго цѣлаго, въ сокровищницу такъ называемой философіи новой русской школы [1]), составляющей міровоззрѣніе русской школы и играющей роль руководящей педагогической идеи.

Можетъ показаться страннымъ, какъ это можно называть К. Д. Ушинскаго представителемъ философско-научной педагогики?! Въ этомъ возможномъ недоумѣніи мы различаемъ для себя три вопроса: 1) представляетъ ли изъ себя ученіе Ушинскаго систему? 2) обоснована ли она философски? 3) можно ли считать эту систему такой, что она впервые даетъ намъ право разсматривать педагогику, какъ науку?

Въ то время, какъ самъ Ушинскій признаетъ необходимымъ философски обосновывать педагогику, т. е. связывать педагогику съ философіей, съ запросами чоловѣческаго духа, и, сообразно съ этимъ, разрабатываетъ свое ученіе о воспитаніи въ видѣ системы, т. е. отвѣчаетъ на первый и второй вопросы положительно, на третій поставленный нами вопросъ

---

[1]) См. *В. А. Волковичъ.* „Другъ человѣчества—Н. И. Пироговъ“ и „Педагогика, какъ наука передъ судомъ ея противниковъ“.

онъ даетъ отрицательный отвѣтъ. Чтобы ясно обнаружить справедливость высказаннаго, попробуемъ подробнѣе раскрыть педагогическое ученіе Ушинскаго.

Признавая необходимость прежде всего общечеловѣческаго образованія въ духѣ Пирогова, К. Д. Ушинскій не останавливается на этомъ признаніи, но задается вопросами: какъ его слѣдуетъ понять? Не является ли понятіе „воспитаніе человѣка" черезчуръ абстрактнымъ, не слѣдуетъ ли внести въ это понятіе конкретное содержаніе, чтобы сдѣлать воспитаніе *дѣйствительно реальной силой*, способствующей прогрессивному росту общественнаго организма.

Всѣ эти вопросы—чисто философскіе и ихъ разрѣшенію посвящены Ушинскимъ 2 тома «Антропологіи" и его педагогическія сочиненія.

„Антропологія" или „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія" это тотъ ключъ, который позволяетъ намъ ближе заглянуть въ творческіе тайники духовнаго образа К. Д. Ушинскаго. Выясненіе общечеловѣческаго образованія съ конкретнымъ содержаніемъ, на основаніи особыхъ способовъ рѣшенія этой задачи, должно составить, по мнѣнію Ушинскаго, педагогическую руководящую идею народнаго образованія, т. е. то міровоззрѣніе, которое должно предшествовать всѣмъ частнымъ реформамъ школы. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ педагогическаго изслѣдованія Ушинскій ставитъ передъ собою философскую задачу: онъ изслѣдуетъ фундаментъ школы, руководящія идеи ея. К. Д. Ушинскій ясно видитъ, какъ трудно выработать такую идею у насъ на Руси. „Какія же причины мѣшаютъ намъ до сихъ поръ дружно, общими усиліями, дойти до сознанія основной идеи образованія?"

спрашиваетъ себя К. Д. Ушинскій. Причинъ оказывается много. Прежде всего недостатки нашего собственнаго образованія и образованія того поколѣнія, которое призвано думать объ образованіи будущихъ поколѣній. „Ясно[1]), что основная идея народнаго (въ широкомъ смыслѣ слова) образованія есть прежде всего идея глубоко философская и идея психологическая... Недостатокъ философскаго образованія, на которое до послѣдняго времени смотрѣли у насъ съ какимъ-то недовѣріемъ и враждою, будетъ еще долго камнемъ преткновенія въ нашей воспитательной дѣятельности, и долго еще мы будемъ спорить о самыхъ легкихъ вопросахъ только потому, что не желаемъ или не можемъ вызвать наружу ту основную идею, на которую каждый изъ насъ безсознательно опирается въ своемъ спорѣ“. Изъ области безсознательнаго Ушинскій хочетъ вывести педагогическую идею на путь яснаго отчетливаго знанія. Съ этой цѣлью К. Д. Ушинскій выясняетъ намъ понятія человѣка, цѣли, средства и почву педагогической дѣятельности, т. е. философски, изъ нѣдръ человѣческаго духа, выводитъ дѣло воспитанія. Какимъ образомъ была произведена эта работа, мы увидимъ изъ разсмотрѣнія педагогической системы Ушинскаго.

Вторая причина, находитъ Ушинскій, продолжая *философски* разбирать основной педагогическій вопросъ, препятствующая выясненію въ нашемъ сознаніи идеи общечеловѣческаго образованія, заключается въ томъ, что мы безсознательно, по долговремеменной привычкѣ, заимствуемъ все у Западной Европы... „Рѣдко мы даемъ себѣ отчетъ, изъ какой общей идеи

---

[1]) *К. Д. Ушинскій*, „Педаг. соч. Пирогова“. 502. (Собр. пед. соч.).

вытекаютъ эти разнообразныя правила, и наивно удивляемся, если, прилагая ихъ у себя, находимъ, что они другъ другу противорѣчатъ... Мы забываемъ, а чаще и не знаемъ, что воспитательныя идеи каждаго народа проникнуты національностью болѣе, чѣмъ что-либо другое, проникнуты до того, что невозможно и подумать перенести ихъ на чуждую почву"...

Третья причина неясности нашей воспитательной идеи, какъ и первыя двѣ, заключается въ особой страстности нашего времени. „Воспитаніе—такой предметъ, разсужденіе о которомъ, болѣе чѣмъ разсужденіе о другихъ предметахъ, требуетъ спокойствія, полной свободы мнѣнія и зрѣлой обдуманности. Однимъ отрицаніемъ, къ которому такъ склонно наше время, ничего здѣсь не сдѣлаешь. Ребенокъ стоитъ передъ нами во всей невинности и чистотѣ своей души и требуетъ *положительнаго* ученія, требуетъ отъ насъ *положительной* мудрости, а не отрицаніе того, чего дитя и не вѣдаетъ. „Чего вы хотите отъ меня?" спрашиваетъ оно насъ: „что вы хотите изъ меня сдѣлать? что вы называете хорошимъ? Къ чему вы сами стремитесь и меня направляете? Мнѣ нѣтъ дѣла до вашихъ заблужденій; укажите мнѣ прямую дорогу, не говорите мнѣ, что вы ненавидите, а скажите мнѣ, что вы любите; не говорите мнѣ, что вы рушите, а говорите мнѣ, что вы хотите строить; не говорите мнѣ, чего вы не желаете, а скажите мнѣ, чего желаете". На этотъ естественный запросъ нашихъ дѣтей должны отвѣтить взрослые, предварительно ясно опредѣливъ свои воспитательныя идеи, желанія, руководящія ими при осуществленіи воспитательнаго дѣла. Однимъ словомъ, взрослые должны составить себѣ опредѣленное философское міровоз-

зрѣніе, научно обоснованное, какъ руководящее начало въ воспитательной дѣятельности. К. Д. Ушинскій помогаетъ взрослымъ въ этомъ направленіи, онъ передаетъ имъ созданное педагогическое ученіе.

Ученіе это, какъ педагогическое міровоззрѣніе, научно, философски обоснованное, можетъ быть философски окрещено, какъ *гуманистическій реализмъ*, при чемъ гуманистическій идеализмъ Н. И. Пирогова является исторической подосновой его. Такимъ образомъ выходитъ, что К. Д. Ушинскій синтетически объединилъ гуманистическій идеализмъ съ гуманистическимъ реализмомъ. Возможно ли это? Не исключаетъ ли одинъ другого? А, можетъ быть, какъ взаимно противоположныя, тѣмъ не менѣе оба міровоззрѣнія могутъ быть въ извѣстныхъ отношеніяхъ совмѣщены? Вотъ тѣ общіе вопросы, которые невольно становятся передъ нами, какъ только педагогическую систему К. Д. Ушинскаго мы подвели подъ опредѣленное философское міровоззрѣніе, и на которые мы обязаны отвѣтить прежде, чѣмъ докажемъ, что педагогическое ученіе Ушинскаго, дѣйствительно, система такого, а не иного, характера. Идеализмъ и реализмъ, какъ метафизическія понятія, конечно, взаимно исключаютъ другъ друга, но этически, практически, *педагогически* ихъ возможно совмѣщать, при чемъ идеализмъ можетъ быть взятъ въ качествѣ конечной причины, а реализмъ—въ качествѣ причины дѣйствующей. Такія совмѣщенія встрѣчаются въ жизни, искусствѣ, литературѣ, а также въ различныхъ философскихъ системахъ[1]).

---

[1]) См. „Очерки по философіи идеализма" *З. К. Столица.*

Ушинскій, при построеніи педагогической системы, какъ орудія для новой жизни, пробуетъ синтезировать идеализмъ съ реализмомъ. Во второмъ томѣ „Антропологіи“ К. Д. Ушинскій прямо указываетъ намъ на необходимость дуалистической точки зрѣнія въ практической дѣятельности, а, слѣдовательно, и въ воспитаніи, какъ фактѣ жизни. Правда, дуализмъ его касается признанія двухъ началъ жизни—духа и матеріи, какъ началъ свободы и необходимости, но и въ самой духовной жизни Ушинскій различаетъ разсудокъ и разумъ въ кантовскомъ смыслѣ слова, гдѣ разумъ является носителемъ высшихъ сторонъ человѣческой дѣятельности, носителемъ идеала, свободы въ метафизическомъ смыслѣ слова, въ смыслѣ конечной вершины, цѣли человѣческихъ дѣйствій Но признаніе конечной цѣли въ качествѣ регулятивнаго принципа поведенія не заставляло еще Ушинскаго сходить съ почвы опыта, не разрывало его съ дѣйствительной реальной жизнью. Вотъ почему мы считаемъ необходимымъ отмѣтить совмѣщеніе идеализма и реализма въ педагогическомъ ученіи Ушинскаго. Но совмѣщеніе это не пріобрѣтаетъ характера чистаго, субстанціальнаго монизма. Скорѣе слѣдовало бы отнести философское міровоззрѣніе Ушинскаго къ системамъ такъ называемаго философскаго тожества. Воспитаніе, съ точки зрѣнія Ушинскаго, идеально-реальная вещь: идеальная—въ конечной задачѣ, въ руководящей нормѣ дѣятельности, и реальная—въ процессѣ осуществленія идеальной цѣли. Въ этомъ совмѣщеніи двѣ различныя точки зрѣнія на одну и ту же вещь—на воспитаніе и онѣ должны быть всегда неразрывно связанными въ понятіи тѣхъ, кто хочетъ развивать педагогическое дѣло.

Гуманистическій реализмъ съ идеалистической подосновой можетъ быть нами формулированъ такимъ образомъ: будь человѣкомъ—это значитъ будь сыномъ своей родины: познай душу народа и свободно трудись на благо его. Гуманистическій реализмъ съ идеалистической подосновой выражаетъ основное ядро педагогическаго ученія Ушинскаго, вокругъ котораго группируются всѣ вопросы воспитанія, объединяя такимъ образомъ высказанные педагогическіе принципы Ушинскаго въ стройную педагогическую систему въ видѣ законченнаго міровоззрѣнія. Конечно, эта формулировка не открывается намъ въ „Антропологіи“ Ушинскаго въ такомъ, именно, видѣ, но *духъ* 2-хъ томной „Антропологіи“ и педагогическихъ сочиненій его сполна выдвигаетъ эту мысль, какъ формулу ядра гуманистическаго реализма съ идеалистической основой. Надо помнить, что въ предисловіи къ труду: „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“ (Антропологія) Ушинскій не причислялъ самого себя къ той или другой философской школѣ, поэтому разрабатывалъ изучаемыя имъ душевныя явленія, не подгоняя психическіе факты подъ философскія міровоззрѣнія. „Я“, говоритъ онъ: просто беру психическія явленія, всѣмъ знакомыя, какъ результатъ *самонаблюденія* и *внутренняго опыта человѣка*, анализирую ихъ, группирую и, если гдѣ ставлю гипотезу, то нигдѣ не прикрываю ее“. Но, несмотря на это заявленіе, К. Д. Ушинскій, конечно, составилъ себѣ опредѣленное міровоззрѣніе философскаго характера, которое вылилось въ педагогическомъ ученіи и педагогическомъ дѣлѣ его.

---

[1]) См. наше предисловіе объ этой главѣ.

Называя педагогическое міровоззрѣніе К. Д. Ушинскаго „гуманистическимъ реализмомъ съ идеалистической подосновой“, мы должны отмѣтить, что главный центръ педагогическаго мышленія лежалъ у него на разработкѣ реалистической стороны воспитанія, и въ этомъ его главное отличіе отъ идеальнаго направленія педагогическаго ученія Пирогова. Что касается идеалистической задачи, то она всегда налицо въ педагогическомъ ученіи Ушинскаго: она выдвинута имъ въ изслѣдованіи: „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“, самое названіе котораго свидѣтельствуетъ о гуманистическомъ идеализмѣ автора. Кромѣ того, она проявляется въ разборѣ К. Д. Ушинскимъ педагогическихъ сочиненій Н. И. Пирогова и въ отдѣльныхъ педагогическихъ счастьяхъ національнаго педагога.

2). К. Д. Ушинскій народный педагогъ.

Признавая необходимымъ общечеловѣческое воспитаніе, человѣка прежде всего, въ смыслѣ всего идеальнаго въ немъ, К. Д. Ушинскій, какъ реалистъ по своимъ основымъ убѣжденіямъ, какъ излѣдователь, которому хочется держаться только *факта*, конкретныхъ изслѣдованій, не останавливается на идеализмѣ Пирогова, но воодушевившись имъ, дѣлаетъ воспитаніе человѣка реальнымъ, конкретнымъ, живымъ дѣломъ жизни.

Разберемся въ формулѣ, выдвинутой нами, какъ основное ядро педагогической системы К. Д. Ушинскаго. Въ формулированномъ нами положеніи двѣ части: въ 1-й части Ушинскій говоритъ о конечной цѣли воспитанія и выдвигаетъ эту цѣль, какъ требованіе императивнаго характера, онъ говоритъ намъ:

„будь человѣкомъ“! Идеалъ совершеннѣйшаго человѣка рисуется К. Д. Ушинскому, какъ дальняя задача полнаго законченнаго воспитанія. И въ этой части Ушинскій сполна тожественъ съ содержаніемъ „Вопросовъ жизни“ Н. И. Пирогова. Во второй части формулированнаго положенія К, Д. Ушинскій проявляетъ себя индивидуально оригинальнымъ и глубоко реальнымъ по основному лейтъ-мотиву его міровоззрѣнія. Въ этой части формулированнаго положенія, К. Д. Ушинскій даетъ намъ объясненіе, что значитъ „будь человѣкомъ“. Это значитъ: слѣдуетъ, выяснить себѣ понятіе человѣка, другими словами вложить въ понятіе „человѣкъ“ опредѣленное *конкретное содержаніе*, а затѣмъ необходимо указать *путь* къ осуществленію *на дѣлѣ* воспитанія человѣка въ конкретной его формѣ. Такимъ образомъ, К. Д. Ушинскій разъясняетъ педагогическое наше сознаніе выясненіемъ понятія человѣка съ одной стороны, и даетъ намъ реальныя орудія для осуществленія этого понятія на дѣлѣ—въ искусствѣ воспитанія,—съ другой; иначе говоря, научно обосновываетъ теоретическіе принципы воспитанія и вмѣстѣ съ тѣмъ разъясняетъ практическую воспитательную дѣятельность, указывая на наличность опредѣленнаго *педагогическаго метода* въ осуществленіи идеальныхъ задачъ воспитанія. Въ самомъ дѣлѣ, К. Д. Ушинскій вслѣдъ за первымъ положеніемъ сейчасъ же высказываетъ второе, поясняя первое такъ: „будь человѣкомъ“ значитъ—будь сыномъ своей родины, глубоко почувствуй свою связь съ родной почвой, сыновне относись къ ней, возврати сторицею ей то, что получилъ отъ нея.

Для того-же, чтобы установить истинныя отношенія къ родинѣ, чтобы точно знать требованія ея,

чтобы не впасть въ одностороннія увлеченія, искажающія наши отношенія къ родинѣ, въ родѣ шовинистическихъ и тому подобныхъ, К. Д. Ушинскій требуетъ выполненія двухъ условій: необходимо познать душу народа въ коренныхъ особенностяхъ народной психологіи, кромѣ того необходимо познакомиться съ историческимъ развитіемъ своего народа. Только при соблюденіи этихъ условій, мы будемъ гарантированы отъ ошибокъ и правильно поймемъ задачу *національнаго воспитанія*. Такимъ образомъ, во второй части формулированнаго положенія, К. Д. Ушинскій, дѣйствительно, выступаетъ на почву факта, на сторону конкретнаго, реальнаго, а не отвлеченнаго воспитанія, рекомендуя намъ въ воспитаніи подрастающаго поколѣнія связывать себя и каждаго воспитывающаго съ народомъ, слиться съ душой народа, предварительно познавъ ее. Въ этой грани воспитательнаго ядра своей системы, К. Д. Ушинскій является предъ нами, какъ представитель національнаго воспитанія, какъ *народный педагогъ*, въ широкомъ смыслѣ слова, прежде всего. Раскрывая требованія, предъявляемыя Ушинскимъ къ народному образованію и воспитанію, мы будемъ употреблять терминъ „народное воспитаніе" въ широкомъ значеніи слова, попутно иллюстрируя, гдѣ это понадобится, народность педагогическихъ воззрѣній Ушинскаго, то на узко народномъ, т. е. на низшемъ, образованіи, то на среднемъ, то на высшемъ, какъ это окажется удобнѣй для цѣлей изслѣдованія. Слова „педагогъ" и „педагогика" мы будемъ употреблять также въ широкомъ значеніи слова, объединяя воспитаніе и обученіе въ одно цѣлое, въ такъ называемомъ воспитывающемъ обученіи, при чемъ преподаваніе мы

разсматриваемъ, какъ частный случай воспитанія, придавая первенствующее значеніе воспитанію, а также придавая болѣе широкое значеніе самому слову „воспитаніе“ что отвѣчаетъ вполнѣ духу педагогическихъ сочиненій Ушинскаго.

Въ національной окраскѣ педагогической системы Ушинскаго проявляется реалистическое настроеніе его. Дѣйствительно, что же въ сущности значитъ требованіе національнаго воспитанія, какъ не требованіе познать фактическую, опытную, иначе реальную почву своего народа! Самое требованіе „воспитать человѣка, какъ сына родины“ К. Д. Ушинскій доказываетъ цѣлымъ рядомъ соображеній философско-реалистическаго характера въ своихъ педагогическихъ статьяхъ подъ общимъ заглавіемъ „О народности въ общественномъ воспитаніи“ и „О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи“.

Въ рядѣ педагогическихъ статей „О народности въ общественномъ воспитаніи“ К. Д. Ушинскій принципіально выдвигаетъ необходимость народнаго или національнаго воспитанія, при чемъ указываетъ на западныя государства, какъ на всюду національныя по воспитанію. Оказывается, каждый народъ создаетъ свою систему воспитанія, въ духѣ своего народа: въ Англіи, Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, во Франціи и даже въ Германіи, при универсальныхъ стремленіяхъ нѣмцевъ, вездѣ воспитаніе, въ противоположность универсальности науки, національно, т. е. свое особенное, сообразное характеру народа и пережитой имъ исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ нѣмцевъ: мы замѣчаемъ у нихъ наклонность къ глубокомыслію и учености,—лицевой сторонѣ ихъ народности, и къ педантизму и резонерству—оборотной сторонѣ, выте-

кающей изъ основной ихъ черты: считать науку и ученость окончательной цѣлью воспитанія. Что касается Англіи, то тамъ наука не цѣль, но одно изъ средствъ для развитія характера, привычекъ, образа мыслей, манеръ истиннаго джентльмена—идеала, къ осуществленію котораго направлено все англійское воспитаніе. „Ихъ дѣло создавать людей, а не писать книги". Въ англійскомъ воспитаніи не столько наставленія, даже не въ такой мѣрѣ примѣръ, но больше всего значитъ *руководство* (training) [1]. „Мы не знаемъ ни на одномъ языкѣ слова, которымъ бы можно было передать англійское: training", говоритъ Ушинскій; „имъ выражается тотъ невидимый духъ учебнаго заведенія, или семейства, который какою-то желѣзною волею подчиняетъ себѣ всякій личный характеръ. Мы думаемъ, продолжаетъ Ушинскій, что не только это слово, но и самое понятіе которое имъ обозначается, число англійское. Разсчитанная порядочность нѣмецкой школы, казарменная дисциплина французской коллегіи совершенно не похожи на тотъ характеръ старыхъ англійскихъ школъ, который живетъ, кажется, какъ домовой, въ стѣнахъ заведенія и равно подчиняетъ себѣ учениковъ, наставниковъ и даже прислугу".

Что касается Сѣверно-Американскихъ школъ[2]), тамъ развитіе характера составляетъ также одну изъ главнѣйшихъ чертъ американскаго воспитанія, хотя печать *новизны*, поспѣшное движеніе все впередъ, печать какой-то *временности*, въ отличіе отъ *англійской прочности*, лежитъ на характерѣ американскаго

---

[1]) „О народности въ общ. воспитаніи", стр. 42.

[2]) Ср. „Три элемента школы." Собр. пед. соч. К. Д. Ушинскаго 2-й доп. томъ 1908 г. СПБургъ.

воспитанія. Демократизмъ американцевъ, конечно, отличенъ отъ аристократизма англичанъ. „Посреди развитой американской жизни, гдѣ все такъ хорошо, такъ *полезно* устроено, русскому человѣку будетъ скучно и неуютно посреди всеобщаго комфорта... Тамъ, какъ и въ Англіи, и маленькія дѣти сдержанны, замкнуты, преслѣдуютъ только пользу. Эти холодные джентльмены, такъ умѣющіе держать себя, не по нугру славянской, размашистой природѣ!“ прибавляетъ К. Д. Ушинскій.

Безпрестанная смѣна правительствъ и системъ управленія не осталась безъ вліянія и на общественномъ воспитаніи Франціи. Во французскихъ учебныхъ заведеніяхъ семейнаго начала нѣтъ; „это какія-то казармы, въ которыхъ новыя поколѣнія рано привыкаютъ къ тому легкому эгоизму, которымъ отличается французъ, рѣдко бывающій хорошимъ семьяниномъ... Здѣсь болѣе служатъ и спекулируютъ, чѣмъ занимаются воспитаніемъ... Внѣшній блескъ, ярко выразившійся во французской фразѣ, тщеславіе и матеріальная польза (совершенныя техническія учебныя заведенія — Парижская Политехническая школа) — характеристическія черты французскаго общественнаго воспитанія“.

Указавъ на національность воспитанія во всѣхъ странахъ, какъ на условіе прогрессивнаго развитія воспитательнаго дѣла, К. Д. Ушинскій переходитъ къ философской проблемѣ: гдѣ же коренится сущность національности въ воспитаніи? Этотъ вопросъ Ушинскій задаетъ себѣ для того, чтобы, отыскавъ корень національности, дать своимъ соотечественникамъ въ руки средство обратить и русскую школу

въ національную школу, сдѣлавъ ее черезъ это реальной силой жизни. Методъ самонаблюденія и объективнаго наблюденія открыли Ушинскому, что различіе основаній и цѣли воспитанія у каждаго народа опредѣляется ихъ народнымъ характеромъ. „Заимствовать орудія, средства, изобрѣтенія можно и должно [1]), но нельзя заимствовать чужого характера и той системы, въ которой выражается характеръ. Съ другой стороны, чѣмъ больше характера въ человѣкѣ, тѣмъ безопаснѣе для него всякое общество; и чѣмъ больше характера въ общественномъ образованіи народа, тѣмъ свободнѣе можетъ оно заимствовать все, что ему угодно, у другихъ народовъ". Итакъ, философское направленіе нѣмцевъ, упругость характера англичанъ, стремительность американцевъ, французская живость— все это лежитъ въ корняхъ народнаго характера. Вотъ почему система воспитанія, чтобы сдѣлаться реальной силой въ жизни, должна быть, по ученію К. Д. Ушинскаго, создана самимъ народомъ, сообразно познанному характеру его. Но французъ, нѣмецъ, англичанинъ, американецъ, русскій и т. д., прежде всего люди, а потомъ уже представители своей націи; слѣдовательно, надо узнать природу человѣка прежде всего. Общія свойства природы человѣка съ физической и духовной сторонъ К. Д. Ушинскій изслѣдуетъ въ своей Антропологіи; мало этого, онъ изслѣдуетъ, кромѣ того, и общія свойства, основанія для образованія вообще человѣческаго характера, независимо отъ различій національностей, въ педагогической своей статьѣ „О народности въ общественномъ воспитаніи". Эти общія изслѣдованія приводятъ

---

[1]) Ibidem, стр. 94.

Ушинскаго къ заключенію, что характеръ каждаго человѣка слагается изъ двухъ совокупно дѣйствующихъ элементовъ: природнаго, наслѣдственнаго и вырабатывающагося въ жизни подъ вліяніемъ воспитанія, обстоятельствъ среды, т. е. историческимъ путемъ. „Какъ ни разнообразны человѣческіе типы у образованныхъ народовъ, вслѣдствіе безконечнаго разнообразія типовъ родовыхъ, семейныхъ и личныхъ, природа всегда успѣваетъ въ безчисленномъ множествѣ характеристическихъ чертъ въ наружности человѣка выдвинуть на первый планъ черту самую коренную, такъ называемую черту народности. Эта черта по большей части бываетъ такъ ясна, что небольшого навыка достаточно, чтобы угадывать по первому взгляду француза, англичанина, итальянца, нѣмца или русскаго, хотя у всѣхъ этихъ народовъ царствуетъ безконечное разнообразіе физіономій".

Воспитаніе, по мнѣнію Ушинскаго, должно корениться на изученіи народнаго характера, на изученіи природныхъ силъ его. Природныя силы народа слѣдуетъ беречь, такъ какъ онѣ облегчаютъ выполненіе дѣйствій. Но сила эта можетъ разрушать и творить, смотря по направленію, которое ей дано. Цѣлесообразное направленіе этой силѣ даетъ *правильно организованное народное національное воспитаніе.* Общая для всѣхъ прирожденная наклонность, на которую всегда можно разсчитывать, какъ на вспомогательное средство при воспитаніи—это любовь къ отечеству. Она заложена въ характерѣ каждаго народа. Какъ нѣтъ человѣка безъ самолюбія, такъ нѣтъ человѣка безъ любви къ отечеству, и эта любовь даетъ воспитанію ключъ къ сердцу человѣка и могущественную опору для борьбы съ его дурными, природными, личными, семейными

и родовыми наклонностями [1]). Для К. Д. Ушинскаго, настроеннаго реалистически, общественное воспитаніе съ опредѣленно выраженнымъ идеаломъ, но не вышедшимъ изъ души всего народа, „само еще не можетъ рѣшать вопросовъ жизни, не можетъ вести за собой исторію, но слѣдуетъ за нею. Не педагогика и не педагоги, но самъ народъ и его великіе люди прокладываютъ дорогу въ будущее: воспитаніе только идетъ по этой дорогѣ и, дѣйствуя заодно съ другими общественными силами, помогаетъ идти по ней отдѣльнымъ личностямъ и новымъ поколѣніямъ“. Воспитатель долженъ присмотрѣться къ народному характеру, къ сокровенной сущности его, изучить этотъ характеръ, какъ бы это трудно ни было, а затѣмъ на изученной основѣ выдвинуть цѣлесообразное, дѣйствительно плодотворное, общественное, народное воспитаніе. Тогда только всѣ примутъ воспитаніе, какъ близкое сердцу дѣло. *Общественное воспитаніе тогда окажется дѣйствительнымъ, общественнымъ дѣломъ для всѣхъ, и семейнымъ для каждаго.* Система общественнаго воспитанія, вышедшая не изъ общественнаго убѣжденія, какъ бы хитро она ни была обдумана, окажется безсильною и не будетъ дѣйствовать ни на личный характеръ человѣка, ни на характеръ общества. Она можетъ приготовить техниковъ, но никогда не будетъ воспитывать полезныхъ и дѣятельныхъ членовъ общества, и если она будетъ появляться, то независимо отъ воспитанія“.

Отъ общихъ соображеній, что сущность народности лежитъ въ характерѣ народа, въ природныхъ особенностяхъ его, частью данныхъ, частью выработ-

---

1) „О народности въ общественномъ воспитаніи“, стр. 109.

танныхъ и привитыхъ народу пережитыми историческими условіями, Ушинскій переходитъ къ выясненію русскаго народнаго характера. Для этой цѣли Ушинскій разсматриваетъ русское семейное воспитаніе, отыскивая тамъ наиболѣе рѣзкія черты народности: оно всѣми своими сторонами, хорошими и дурными, и болѣе дурными, чѣмъ хорошими, думаетъ К. Д. Ушинскій,—отразилось и въ нашемъ школьномъ воспитаніи, „отразилось настолько, насколько могло отразиться въ неудачныхъ снимкахъ съ чуждыхъ намъ образцовъ".

Для выясненія чертъ народности русскаго характера, въ очеркѣ „О нравственномъ элементѣ въ общественномъ воспитаніи" К. Д. Ушинскій отыскиваетъ эти черты черезъ психологію и исторію русскаго народа. Многое намѣчено въ выясненіи народныхъ чертъ нашего народа К. Д. Ушинскимъ, но не все, можетъ быть, детально разработано.

Въ результатѣ психологическаго и историческаго изученія русскаго общественнаго и главнымъ образомъ семейнаго воспитанія, Ушинскій открываетъ намъ насъ самихъ. К. Д. Ушинскій намѣчаетъ слѣдующія черты народности въ русскомъ характерѣ: „глубокіе, задушевные принципы патріархальнаго быта, чуждые съ одной стороны юридической строгости римскаго права, болѣе или менѣе легшаго въ основу быта западныхъ народовъ, а съ другой—меркантильной жестокости и разсчетливости; преобладаніе то льющагося непримѣтнымъ ручьемъ, то разстилающагося широкою рѣкою славянскаго чувства, порывистаго, неровнаго, но имѣющаго достаточно силы, чтобы иногда однимъ натискомъ вынести человѣка изъ самой глубины нравственнаго омута на вершины че-

ловѣческаго достоинства; необыкновенное обиліе инстинктовъ, скорѣе угадывающихъ, нежели изучающихъ; необыкновенная, изумляющая иностранцевъ воспріимчивость ко всему чуждому, льется ли оно съ востока или съ запада, и вмѣстѣ съ тѣмъ стойкость въ своей національности, хотя часто безсознательная, наконецъ, древняя православная религія съ ея всемірно-историческимъ значеніемъ, религія, превратившаяся въ плоть и кровь народа: вотъ что проявляется въ русскомъ воспитаніи, какъ черта его народности. Если русское воспитаніе хочетъ сдѣлаться дѣйствительнымъ выраженіемъ народной жизни, а не насильственнымъ, чуждымъ народности подражаніемъ,—не растеніемъ безъ корня, которое, безпрестанно увядая, безпрестанно должно искусственно подновляться и вновь пересаживаться съ чуждой почвы, пока наша вновь его испортитъ,— тогда воспитаніе должно съ этими чертами считаться" [1]). Указывая на элементы народности въ русскомъ воспитаніи, К. Д. Ушинскій изслѣдуетъ не умъ, а чувства и волю нашу, т. е. нашъ нравственный обликъ, характеръ нашъ, въ виду того, что нигдѣ человѣкъ не сказывается такъ ярко въ корняхъ своихъ, какъ, именно, въ волевой, чувствующей сторонѣ своей. Здѣсь кроются убѣжденія человѣка, здѣсь же цементъ общественности. Изъ этихъ корней и образуется народный характеръ. Въ выясненіи народности русскихъ, Ушинскій имѣлъ въ виду *по преимуществу* дворянское сословіе, такъ какъ на нравственное достоинство дворянства *преимущественно* опирается наша государственная служба, наша литература и наше обще-

---

[1]) Ibidem, стр. 274.

ственное образованіе. Не замалчивая недостатковъ русскаго воспитанія, Ушинскій говоритъ: „въ этомъ воспитаніи должны быть и существенныя достоинства, если оно могло породить столько достойныхъ уваженія личностей, которымъ русскій народъ обязанъ лучшими проявленіями своей жизни“.

Ушинскій отлично сознаетъ насколько труденъ и споренъ вопросъ изслѣдованія народности, именно, русскаго воспитанія, труденъ потому уже, что въ русскомъ народѣ очень слабо развито національное самосознаніе. Вотъ почему въ той же статьѣ, далѣе онъ прибавляетъ: „Знаемъ, что для многихъ всякая особенность въ характерѣ русскаго воспитанія есть дѣло совершенно безполезное, хотя они признаютъ значеніе такихъ особенностей въ воспитаніи другихъ народовъ. Знаемъ также, что для многихъ наша народная религія, какъ необходимый элементъ воспитанія, кажется требованіемъ излишнимъ и стѣснительнымъ; но тѣмъ не менѣе, считая святою обязанностью каждаго въ такомъ великомъ дѣлѣ, каково народное воспитаніе, выражать свои глубочайшія убѣжденія, мы скажемъ, что уже по одной народности этой религіи не только всякій воспитатель юныхъ поколѣній, но даже всякій, кто не хочетъ показать, что онъ не любитъ и не уважаетъ своего народа, долженъ, если уже не съ любовью, то, по крайней мѣрѣ, съ глубочайшимъ уваженіемъ прикасаться къ тѣмъ его убѣжденіямъ, которыя для него такъ святы и дороги и съ которыми неразрывно срослось все, что есть лучшаго въ его природѣ. Если, воспитывая дитя, говоритъ далѣе Ушинскій, мы должны съ уваженіемъ приближаться къ душѣ его, то во сколько разъ должно быть больше это уваженіе въ душѣ на-

рода, когда мы принимаемся за дѣло его воспитанія"! Уваженіе къ народу должно отмѣтить ясно и правдиво то, что живетъ въ немъ. „Хотя бы взять глубоко коренящійся въ сердцѣ русскаго народа, правда, пробуждающійся только послѣ сильнаго толчка, патріотизмъ, въ которомъ, пожалуй, проглядываетъ нерѣдко и тотъ ложный оттѣнокъ, который наша литература назвала *квасным*ъ. Не забудемъ, однако, замѣчаетъ Ушинскій, что, если отъ нашего патріотизма пахнетъ иногда русскимъ квасомъ, то и англійскій не лишенъ также запаха ростбифа, пуддинга, джина, а нѣмецкій сильно отдаетъ пивомъ и табакомъ. У всякаго народа есть свои патріотическія предубѣжденія, но замѣчательно, что ни одна литература не вооружалась такъ противъ этихъ невинныхъ предубѣжденій, какъ наша, объявляющая претензію на безконечное уваженіе къ народу" [1]).

„Неужели намъ нуженъ новый Шлецеръ",—восклицаетъ Ушинскій—который указалъ бы намъ, какимъ неоцѣненнымъ сокровищемъ обладаемъ мы и въ нашей православной, христіанской лѣтописи, съ ея безхитростною истиною и ея величественными, историческими формами, столь свойственными великой народности, волнуемой неисчерпаемо-глубокимъ религіознымъ чувствомъ, ищущимъ свободы, которую можетъ дать только глубокая, истинно-художественная форма, проникнутая содержаніемъ"! Величавая простота, недосягаемая глубина народной религіи такъ же, какъ естественная любовь къ родинѣ,—главные источники умственнаго и нравственнаго развитія русскаго народа. „Родимою грудью является

[1]) Ibidem, стр. 263.

для насъ наша народность и наша народная религія", добавляетъ Ушинскій, „соединяющія каждаго изъ насъ съ каждымъ русскимъ, хотя бы онъ скрывался далеко отъ глазъ нашихъ въ самой темной массѣ народа, или въ самомъ отдаленномъ уголкѣ нашей неизмѣримой отчизны,—соединяющія насъ съ давно отжившими и грядущими поколѣніями, словомъ, со всѣмъ тѣмъ, что одно даетъ намъ прочное, историческое, а не эфемерное существованіе". Что касается констатируемыхъ Ушинскимъ, какъ національныхъ, чертъ: патріархальнаго быта, главнымъ образомъ, у простого народа, религіозности его, переходящей часто въ суевѣріе и т. д.—все это, по мнѣнію Ушинскаг должно быть выведено посредствомъ воспитанія въ болѣе обширную и свободную сферу гражданскаго общества, государства и человѣчества. Въ переустройствѣ этомъ могутъ одинаково участвовать какъ свѣтскія, такъ и духовныя лица, а въ дѣлѣ народнаго образованія, въ силу религіозности русскаго народа, скорѣе даже должны были бы быть педагогами священнослужители, какъ наставники народа, а народная школа должна быть преддверіемъ храма. Источникомъ, изъ котораго слѣдуетъ черпать черты русской народности, должна быть русская семья, какъ наиболѣе сохранившая, по мнѣнію Ушинскаго, національный характеръ.

Самъ счастливый въ семейной домашней обстановкѣ, Ушинскій до конца жизни идеализировалъ русскую семью, поэтому въ ней, по преимуществу, искалъ нравственные элементы нашего народа. „Въ сферѣ чисто славянскаго, семейнаго чувства выростало сердце русскаго человѣка", добавляетъ Ушинскій, „и этому-то чувству обязано оно, быть можетъ,

своими лучшими качествами: теплотою, добродушіемъ, желаніемъ какой-то задушевности въ отношеніяхъ, тѣмъ неуловимо-прекраснымъ оттѣнкомъ, который примиряетъ насъ иногда съ самымъ закоренѣлымъ взяточникомъ, когда мы посмотримъ на него въ его семейномъ кругу". Разобравъ, чисто психологически, душевный строй русскаго народа, найденные элементы народнаго характера Ушинскій подтверждаетъ ссылками на пережитую исторію нашего народа. Въ найденныхъ элементахъ нашей народности К. Д. Ушинскій отмѣчаетъ извѣстную раздвоенность, расколотость, которая особенно сильно проявляется въ нашихъ чувствахъ. „Обряды нашей православной церкви имѣютъ великое воспитательное вліяніе уже потому, что они сами собою, безъ посредствующихъ объясненій", „обнимаютъ дѣтскую душу святымъ религіознымъ чувствомъ, настраиваютъ ее на возвышенный, торжественный ладъ". „Но, какъ часто случается", говоритъ Ушинскій, „что практическая жизнь и ея наставленія ставятъ въ душѣ русскаго человѣка какую-то непреодолимую стѣну между исполненіемъ этихъ обрядовъ и основными, глубочайшими принципами его практической дѣятельности". Раздвоенность между теоріей и практикой—наличная черта въ русскомъ характерѣ. Но, какъ педагогъ, обосновывающій все опытнымъ путемъ, К. Д. Ушинскій предлагаетъ правильнымъ воспитаніемъ, гдѣ религія, наука и жизнь составляли бы одно цѣлое, уничтожить эту раздвоенность, такъ же, какъ ложную религіозность и затхлую патріахальность, но не иначе, какъ прислушиваясь, считаясь и уважая свою народность въ типичныхъ, лучшихъ чертахъ ея.

„Напрасно мы хотимъ выдумать воспитаніе: вос-

питаніе существуетъ въ русскомъ народѣ столько же вѣковъ", „сколько существуетъ самъ народъ, — съ нимъ родилось, съ нимъ выросло, отразило въ себѣ всю его исторію, всѣ его лучшія и худшія качества. Это почва, изъ которой выростали новыя поколѣнія Россіи, смѣняя одно другое. Ее можно удобрить, улучшить, приноровившись къ ней же самой, къ ея требованіямъ, силамъ, недостаткамъ, но пересоздать ее невозможно. И слава Богу"! — восклицаетъ К. Д. Ушинскій.

Въ этомъ случаѣ К. Д. Ушинскій имѣетъ въ виду историческую традицію въ воспитаніи которою совсѣмъ не пользуется русскій народъ и преступно игнорируетъ въ воспитаніи, эту естественную почву для него.

3) Требованія, предъявляемыя къ народному воспитанію.

А. Учительскія семинаріи.

Такимъ образомъ, чтобы сдѣлать воспитаніе дѣйствительно живой силой въ жизни народа, надо сдѣлать его народнымъ, вывести изъ нѣдръ народной жизни, предварительно изучивъ народный характеръ, а для этого необходимо создать возможно больше истинно народныхъ школъ, какъ разсадницъ народнаго воспитанія и образованія. Народная школа, со здравымъ первоначальнымъ воспитаніемъ, должна открыть зрѣніе и слухъ, душу и сердце народа уроками великихъ наставниковъ человѣчества: природы, жизни, науки и христіанской религіи. Но народная школа тогда только будетъ развиваться нормальнымъ образомъ и будетъ истинно народной, когда будутъ подготовлены къ ней хорошіе, дѣйствительно народные учителя. Надо приготовить человѣка,—говорилъ уже Н. И. Пироговъ. Надо приготовить человѣка—учи-

теля русскаго народа, прибавляетъ К. Д. Ушинскій, развивая мысль Н. И. Пирогова. Только при этомъ условіи мы будемъ имѣть людей—вѣрныхъ сыновъ русской земли! К. Д. Ушинскій показываетъ, какъ можно практически осуществить требованіе, выставляемое во второй части формулированнаго основного ядра его системы. Созданіе учительскихъ семинарій, съ народнымъ характеромъ ихъ, дастъ людей—учителей народа, которые, путемъ разумнаго воспитанія, приготовятъ вѣрныхъ сыновъ земли, поднимутъ общее, недостающее намъ всѣмъ, національное самосознаніе, т. е., другими словами, разовьютъ народъ культурно, обратятъ его въ крупную соціальную единицу, въ ярко проявленную личность. Желая обратить воспитаніе въ дѣйствительно реальную силу жизни, обратить воспитаніе человѣка въ воспитаніе сына народа, при помощи созданія учительскихъ семинарій, какъ разсадниковъ народныхъ учителей, К. Д. Ушинскій, тѣмъ не менѣе и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, предлагаемую имъ школьную реформу обосновывалъ теоретически, принципіально, т. е. находилъ философское оправданіе для необходимости введенія именно этой, а не другой реформы школьной жизни. Также поступилъ онъ и въ вопросѣ новаго созданія такъ называемыхъ учительскихъ семинарій, придавая имъ огромное значеніе въ смыслѣ переустройства школьнаго неустройства, въ смыслѣ необходимаго фундамента для созданія истинно народной школы. Каждый воспитатель, а онъ же и учитель народа—то и другое неотдѣлимо для К. Д. Ушинскаго—долженъ быть, по его мнѣнію, непремѣнно педагогически просвѣщенъ. «Преступники тѣ, кто берется за дѣло воспитанія безъ подготовки къ нему», говоритъ намъ Ушинскій. Педагогическая подготовка необходима потому, что прежде всего въ школахъ надо развивать народный характеръ, т. е. воспитывать. Недоста-

токъ педагогическаго образованія у насъ въ университетахъ приводитъ часто къ печальнымъ послѣдствіямъ въ школьной жизни. Учителя, прошедшіе черезъ университетъ, безъ педагогической подготовки, пріучаются раздѣлять воспитаніе и образованіе. Вотъ что говоритъ К. Д. Ушинскій по этому вопросу [1]: «...вредное вліяніе имѣетъ у насъ отдѣленіе воспитательной дѣятельности отъ учебной, которое у насъ почти вездѣ признается за правило и которое, наоборотъ, въ англійскихъ учебныхъ заведеніяхъ является рѣдкимъ исключеніемъ. У насъ воспитатель и учитель въ одномъ и томъ же классѣ всегда два лица не только различныхъ, но и противоборствующихъ. Это ведетъ къ тому, что ни воспитатель, ни учитель не имѣютъ никакого воспитательнаго вліянія. Учитель является въ классы на урокъ и, уходя съ урока, забываетъ о воспитанникахъ; воспитатель смѣняетъ учителя со своимъ грознымъ «тихо, смирно» и т. д. Гдѣ же здѣсь воспитательное вліяніе ученія и образовательное вліяніе воспитанія? спрашиваетъ Ушинскій. Далѣе онъ продолжаетъ такъ: «Вслѣдствіе такого раздѣленія въ воспитатели и воспитательницы избираются часто лица не только чуждыя наукѣ, но даже нерѣдко находящіяся съ нею во враждебныхъ отношеніяхъ. Для учителей нужно знаніе и болѣе ничего; для воспитателей—благонравіе, дающее имъ возможность подремать при исправленіи своей обязанности». «Удивительно ли, что при такомъ распорядкѣ умственное и нравственное воспитаніе дѣтей идутъ въ разладъ и оба не имѣютъ силы»? Вотъ почему и для мальчиковъ педагогика нужна, потому что отцы, граждане, учителя и администраторы—будущіе воспитатели [2]).

[1]) Ibidem стр. 303.

[2]) „Три элемента школы" Допол. томъ педаг. соб. К. Д. Ушинскаго 2-й томъ 1908 г. Спбургъ.

Указывая на особое устройство элементарныхъ школъ при учительскихъ семинаріяхъ для цѣлей болѣе тѣснаго сплоченія въ головахъ будущихъ воспитателей воспитанія и обученія, Ушинскій между прочимъ требуетъ соединенія въ этихъ школахъ нѣсколькихъ предметовъ въ одномъ преподавателѣ, какъ необходимаго условія воспитательнаго вліянія науки на дитя, для котораго наука и учитель еще не раздѣляются. «У насъ же дѣти въ школахъ и закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ растутъ, маршируютъ по классамъ, учатъ уроки, но не воспитываются. Воспитываются же они въ тѣхъ скрытыхъ уголкахъ, куда не проникаетъ глазъ воспитателя». Не надо забывать, что дитя воспитывается, развертывается умственно и нравственно только подъ прямымъ вліяніемъ человѣческой личности и никакими формами, никакой дисциплиной, никакими уставами и расписаніями времени занятій невозможно искусственно замѣнить вліяніе человѣческой личности. «Это плодотворный лучъ солнца для молодой души, котораго ничѣмъ замѣнить невозможно», говоритъ Ушинскій.

Въ виду воспитывающаго вліянія личности преподавателя такъ настоятельно необходимы учительскія семинаріи съ правильно организованной педагогической подготовкой. Для практической педагогической подготовки каждая учительская семинарія должна непремѣнно имѣть практическую школу при себѣ. Подготавливая народныхъ учителей, учительская семинарія должна себѣ поставить слѣдующія цѣли: познанія, даваемыя ею, должны отличаться энциклопедичностью и въ то же время оконченностью, опредѣленностью и ясностью, педагоги должны влiять на учениковъ не однимъ ученіемъ, но и всѣмъ своимъ характеромъ, примѣромъ, поэтому учительскимъ семинаріямъ лучше быть закрытыми учебными за-

веденіями (интернатами). Только такого рода учебныя заведенія вырабатывають опредѣленный духъ заведенія. Если онъ въ первоначальной закваскѣ былъ спасителенъ, то и тутъ обезпечиваетъ собою весь успѣхъ заведенія. Учениковъ надо принимать по строгому выбору, дабы случайными пріемами не испортить дѣла всего учрежденія. Старшихъ учениковъ отъ младшихъ надо отдѣлять, предоставляя первымъ бо̀льшую свободу для выработки привычки самостоятельно дѣйствовать.

Жизнь въ этихъ семинаріяхъ должна быть простая и строгая. Строить семинаріи слѣдуетъ не въ большихъ городахъ, но неподалеку отъ центровъ образованія. Хорошо, говоритъ Ушинскій, строить учительскія семинаріи при сиротскихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ въ числѣ различныхъ назначеній, избираемыхъ для сиротъ, воспитываемыхъ на счетъ правительства, назначеніе педагогическое должно занимать первое мѣсто.

Учительскія семинаріи должны подготовить людей, сознательно, обдуманно дѣйствующихъ на пользу подрастающаго поколѣнія. Будущіе педагоги должны пріучиться вносить больше семейственности во внутреннюю жизнь школы: воспитатели должны стать въ болѣе близкія, интимныя, семейныя отношенія къ дѣтямъ. Педагогъ всегда можетъ, по мнѣнію Ушинскаго, принять на себя родительскія функціи, родительское попеченіе о дѣтяхъ, а въ сиротскихъ заведеніяхъ это необходимо. Во взглядѣ на отношеніе педагога къ дѣтямъ Ушинскій расходится съ Н. И. Пироговымъ [1]). Пироговъ думалъ, что невозможно и безсмысленно требовать, чтобы педагоги относились, какъ родители, къ ввѣряемымъ ихъ попеченію чужимъ дѣтямъ: педагогъ долженъ и можетъ быть только

---

[1]) См. „Другъ человѣчества Н. И. Пироговъ“ 1910 г. Спбургъ.

наставникомъ дѣтей въ школѣ. Большаго невозможно и требовать отъ него.

Насколько высоко ставилъ Ушинскій для всѣхъ учителей педагогическую подготовку, видно еще изъ того, что, говоря подробно объ устройствѣ учительскихъ семинарій, на основаніи подробнаго изученія образцовой постановки ихъ заграницей, К. Д. требуетъ, чтобы директоръ семинаріи (онъ же и директоръ сиротскаго заведенія), «кромѣ исполненія своихъ обязанностей, читалъ безплатно не менѣе 3-хъ лекцій педагогики въ недѣлю и давалъ еженедѣльно два образцовыхъ урока (по одному изъ главныхъ предметовъ) въ приготовительной учительской школѣ и два—въ школѣ элементарной». Это сблизитъ директора съ воспитателями и воспитанниками, поставитъ его, какъ примѣръ для всѣхъ, и окажетъ огромную услугу дѣйствительному, а не фиктивному реформированію русской жизни. Кромѣ того, въ заботахъ своихъ подготовить реформу жизни на дѣлѣ, фактически, путемъ реформированія школы, Ушинскій требуетъ, чтобы въ учительскихъ семинаріяхъ всѣми способами развивали въ воспитанникахъ, помимо педагогической подготовки, самодѣятельность: между прочимъ, предоставляли бы имъ самостоятельно распоряжаться денежными средствами; классные уроки должны играть служебную роль, какъ провѣрка самостоятельныхъ занятій учениковъ и руководство для нихъ. Эти самостоятельныя занятія не исключаютъ слушанія нѣкоторыхъ курсовъ, напримѣръ, курса педагогики и минимальнаго количества лекцій по другимъ предметамъ. Для тѣхъ же, кто готовится быть преподавателями педагогики, необходимо прослушать еще курсъ психологіи и физіологіи. При устройствѣ образцовыхъ учительскихъ семинарій въ Россіи полезно, говоритъ Ушинскій, кое-что заимствовать изъ заграніч-

ныхъ учительскихъ семинарій, посылать заграницу отъ времени до времени лучшихъ учениковъ сиротскаго заведенія, подготовляя этимъ путемъ изъ нихъ будущихъ работниковъ въ нашихъ семинаріяхъ. Въ подтвержденіе того, насколько могущественны въ реформированіи жизни правильно организованныя учительскія семинаріи и насколько онѣ содѣйствуютъ развитію народнаго сознанія, благодаря работѣ въ народной школѣ подготовленныхъ учителей—воспитателей народа, К. Д. Ушинскій въ своихъ письмахъ изъ Швейцаріи говоритъ намъ, что тамъ дѣйствительный школьный переворотъ произвели два могущественныхъ средства: 1) устройство учительскихъ семинарій съ народнымъ характеромъ ихъ и 2) передѣлка учебниковъ. Устройство первыхъ необходимо для подготовленія арміи народныхъ учителей. При этомъ учительскія семинаріи должны быть народными по духу, т. е. весь складъ ученія и воспитанія долженъ развивать въ будущихъ учителяхъ народный характеръ, во главѣ же семинаріи должны быть личности съ высоко развитымъ нравственнымъ авторитетомъ. Заграничныя учительскія семинаріи давно сумѣли выразить свою народность и исторія ихъ весьма поучительна. Взять хотя бы швейцарскія учительскія семинаріи. Всѣ онѣ различны, но всѣ народны, въ духѣ своего кантона: одна дышитъ поэзіей, другая—строгой логикой и методой, третья—сельской, здоровой семейной жизнью, четвертая—наукой, утилитарными стремленіями и т. д. Создавшись свободно изъ народа, учительскія семинаріи бережно сохраняютъ то цѣнное, что онѣ получили въ наслѣдіе отъ него и ставятъ во главѣ семинаріи людей съ характеромъ кантона [1]). «Нѣтъ сомнѣнія, что эти люди не поддѣлываются подъ

---

[1]) „Письма изъ Швейцаріи“ К. Д. Ушинскаго стр. 480, 481.

характеръ кантона, да это и невозможно. Кантонъ самъ искалъ себѣ такого человѣка, который бы выражалъ его характеръ, и притомъ въ благороднѣйшей, развитѣйшей его формѣ, и который, будучи поставленъ во главѣ воспитанія, развивалъ бы тотъ же характеръ въ будущихъ наставникахъ новыхъ поколѣній. Конечно, это сдѣлалось не вполнѣ сознательно: но дѣло народнаго воспитанія, отдавшись свободно народному же инстинкту, вызвало на свѣтъ эти характерныя семинаріи и поставило во главѣ ихъ эти характерныя личности. Боже мой! думалъ я про себя—говоритъ Ушинскій въ письмахъ изъ Швейцаріи—вспомнивъ многія наши полуиностранныя учебныя заведенія: когда же мы увидимъ такія же характерныя, воспитательныя заведенія и во главѣ ихъ такія же типическія, русскія личности въ высоко-развитой, облагороженной формѣ, когда подобныя личности будутъ развивать въ воспитателяхъ благороднѣйшія черты истинно русскаго характера, а воспитатели будутъ вызывать этотъ характеръ въ молодомъ поколѣніи русскаго народа!»

Что касается учебниковъ, то подготовленіе доступнаго, понятнаго и раціональнаго учебника для нашихъ народныхъ школъ крайне необходимо. Необходимы эти учебники также и для первоначальнаго обученія въ русской семьѣ, гдѣ мать является по преимуществу не только воспитательницей, но и первой учительницей своихъ дѣтей.

Б. Родной языкъ.

Руководство къ первоначальному обученію непремѣнно должно пробуждать, привязывать ближе къ родинѣ, создавать вѣрнаго сына своей отчизны. Самъ К. Д. Ушинскій далъ для русскихъ матерей и народной русской школы такое руководство—учебникъ «Родное Слово», а

затѣмъ «Дѣтскій Міръ», какъ сборникъ разсказовъ разумнаго чтенія къ нему. «Родное слово есть основа всякаго умственнаго развитія и сокровищница всѣхъ знаній: съ него начинается всякое пониманіе, черезъ него проходитъ и къ нему возвращается». «Слово есть плоть духа, и пока духъ не выработается въ слово, не овладѣетъ имъ совершенно, не проглянетъ сквозь него ясно для самого себя и для другихъ, до тѣхъ поръ онъ не можетъ двигаться и развиваться свободно: ему трудно, какъ птицѣ въ клѣткѣ, какъ невольнику въ колодкахъ, онъ бьется, рвется и вянетъ отъ недостатка свободы, движенія; не развивается, а вымокаетъ, какъ зерно подъ водой отъ недостатка атмосферы»... [1]). «Наши училища должны быть проникнуты убѣжденіемъ», что слово есть единственная сфера развитія духа и что на обладаніи этою сферою должно строиться всякое ученіе и развитіе». «Въ языкѣ народа [2]) одухотворяется весь народъ и вся его родина... это ясно высказывается въ родной пѣснѣ, въ родныхъ напѣвахъ, въ устахъ народныхъ поэтовъ... въ исторіи духовной жизни народа... Языкъ есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившія, живущія и будущія поколѣнія народа въ одно великое, историческое, живое цѣлое. Онъ не только выражаетъ собою жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезаетъ народный языкъ, народа нѣтъ болѣе!.. И нѣтъ насилія болѣе невыносимаго, какъ то, когда желаютъ отнять у народа наслѣдство, созданное безчисленными поколѣніями его отжившихъ предковъ»... «Являясь, такимъ образомъ, полнѣйшею и вѣрнѣйшею лѣтописью всей духовной, многовѣковой жизни народа, языкъ въ то же время является величайшимъ народнымъ наставни-

---

[1]) Ibidem стр. 401.

[2]) „Родное Слово“ А. Д. Ушинскаго стр. 202.—Педаг. соч.

комъ, учившимъ народъ тогда, когда не было еще ни книгъ, ни школъ, и продолжающимъ учить его до конца народной исторіи. Усваивая родной языкъ, легко и безъ труда, каждое новое поколѣніе усваиваетъ въ то же время плоды мысли и чувства тысячи предшествовавшихъ ему поколѣній, давно уже истлѣвшихъ въ родной землѣ, или жившихъ, можетъ быть, не на берегахъ Рейна и Днѣпра, а гдѣ-нибудь у подошвы Гималая» [1])...

«Ребенокъ, изучая родной языкъ, пьетъ духовную жизнь и силу изъ родимой груди родного слова»... «Но этотъ удивительный педагогъ—родной языкъ—не только учитъ многому, но и учитъ удивительно легко, по какому-то недосягаемо облегчающему методу»... Требуя развитія народности или національности въ русскомъ воспитаніи, К. Д. Ушинскій, конечно, долженъ былъ и, дѣйствительно, поставилъ во главу угла школьной жизни изученіе именно родного языка, какъ выразителя результатовъ духовной жизни цѣлаго народа, какъ органическое созданіе народной мысли и чувства, какъ выразителя особаго характера народа. А въ характерѣ народа скрывается личность народа, національность его.

«Но какъ мало, восклицаетъ К. Д. Ушинскій, заботятся у насъ объ изученіи отечественнаго языка. Я встрѣтилъ большое сопротивленіе, вводя пять уроковъ русскаго языка въ младшій классъ Смольнаго Института, тогда какъ заграницей я не видалъ, положительно, ни одной школы, гдѣ бы этому предмету не посвящалось вдвое болѣе времени. Трудно разъяснить, заканчиваетъ К. Д. Ушинскій, откуда у насъ возникло понятіе, что русскому языку не стоитъ много учиться [2]).

---

[1]) Ibidem стр. 203.

[2]) См. Собр. педаг. соч. К. Д. Ушинскаго, II томъ, подъ ред. Чернышева, стр. 245.

Ушинскій показалъ намъ, что родной языкъ—это вѣрнѣйшій наставникъ, самымъ легкимъ способомъ воспитывающій въ духѣ народа, т. е. національно. Замѣчательно ярко, художественно обрисовываетъ К. Д. Ушинскій національныя черты каждаго народа, характеризуя языкъ различныхъ національностей [1]): «Легкая, щебечущая, острая, смѣющаяся, вѣжливая до дерзости, порхающая, какъ мотылекъ, рѣчь француза; тяжелая, туманная, вдумывающаяся сама въ себя, разсчитанная рѣчь нѣмца; ясная, сжатая, избѣгающая всякой неопредѣленности, прямо идущая къ дѣлу, практическая рѣчь британца; пѣвучая, сверкающая, играющая красками, образная рѣчь итальянца; безконечно льющаяся, волнуемая внутреннимъ вздымающимъ ее чувствомъ и изрѣдка разрываемая громкими всплесками рѣчь славянина—лучше всѣхъ возможныхъ характеристикъ, лучше самой исторіи, въ которой иногда народъ мало принимаетъ участія, знакомятъ насъ съ характеромъ народовъ, создавшихъ эти языки. Вотъ почему лучшее и даже единственно вѣрное средство проникнуть въ характеръ народа—усвоить его языкъ, и, чѣмъ глубже вошли мы въ языкъ народа, тѣмъ глубже мы вошли въ его характеръ». Разъ родной языкъ имѣетъ огромное значеніе въ жизни народа, болѣе всего воспитывая его въ національномъ духѣ, конечно, не безразлично, съ какого языка долженъ ребенокъ начинать свое обученіе. Отвѣтъ ясенъ: родное слово, родной языкъ прежде и раньше всего должны быть изучаемы, потому что то, чѣмъ ребенокъ владѣетъ безсознательно, слѣдуетъ обратить въ сознательное орудіе его жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ, изучая языкъ, человѣкъ знакомится черезъ языкъ съ природой, исторіей, логикой и т. д. своего

---

[1]) „Родное Слово“ собр. пед. соч. стр. 205—206.

народа; другими словами, культурно развивается въ духѣ своего народа. Основы родного языка, конечно, не филологическое его изученіе, должны быть заложены съ дѣтства. Вотъ почему и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ при изученіи иностранныхъ языковъ, разъ мы считаемъ необходимымъ сдѣлать воспитаніе и образованіе народнымъ, мы должны держаться слѣдующихъ правилъ: 1) не приступать къ изученію иностраннаго языка прежде, чѣмъ будутъ положены прочныя основанія къ обладанію языкомъ отечественнымъ; 2) устроить дѣло такъ, чтобы грамматика родного языка всегда предшествовала грамматикѣ чуждаго; 3) выбравъ тотъ или другой языкъ для изученія, назначать на него возможно большее количество времени и никакъ не менѣе шести часовъ въ недѣлю. на каждый день по уроку, потому что трудности иностраннаго языка могутъ быть побѣждены только безпрестаннымъ повтореніемъ, предупреждающимъ забвеніе; 4) никогда не начинать изученіе двухъ иностранныхъ языковъ разомъ, такъ какъ произойдетъ смѣшеніе и ни одинъ не будетъ усвоенъ, какъ слѣдуетъ; 5) приступать къ изученію второго иностраннаго языка не иначе, какъ давъ прочное основаніе въ первомъ. У насъ же изученіе иностранныхъ языковъ такъ поставлено, что «оно не цивилизуетъ человѣка, но вырабатываетъ типъ людей, мыслящихъ совершенно по-татарски, но не иначе, какъ на французскомъ языкѣ» [1]). Считая необходимымъ изученіе иностранныхъ языковъ для разносторонняго развитія родного, К. Д. Ушинскій нападаетъ на существующіе способы изученія ихъ, доходящіе часто до карикатуры [2]) «Все это было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно»,

---

[1]) Ibidem стр. 214.
[2]) Ibidem стр. 213.

восклицаетъ Ушинскій: «если бы эти богатые плоды изученія иностранныхъ языковъ не стоили молодымъ людямъ лучшихъ лѣтъ жизни, большей половины учебнаго времени и дѣльнаго знакомства съ роднымъ языкомъ, за употребленіе котораго налагаются на дѣтей штрафы и наказанія, какъ будто за употребленіе неприличныхъ словъ, какъ будто за какой-нибудь дурной поступокъ! Душа дитяти рвется выразиться въ родныхъ сочувственныхъ ей формахъ, въ которыхъ ей такъ легко и удобно развиваться, но воспитатель говоритъ: нельзя!—и не только замедляетъ, но и останавливаетъ душевное развитіе, и эта остановка, безъ сомнѣнія, имѣетъ вліяніе на всю жизнь дитяти. Тупость ума и чувствъ, отсутствіе душевной теплоты и поэзіи, господство фразы надъ мыслію, вотъ результаты такихъ воспитательныхъ заботъ».

Въ виду основного направленія своего міровоззрѣнія въ сторону реализма, при наличности идеализма, какъ конечной своей цѣли, К. Д. Ушинскій считалъ, что и преимущественное изученіе классическихъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, выдвинутое Н. И. Пироговымъ, какъ необходимое средство гуманитарнаго образованія, не можетъ считаться вѣрнымъ. Ссылаться на вѣковой опытъ въ необходимости изученія классическихъ языковъ не раціонально; у насъ это изученіе, по мнѣнію Ушинскаго, вырабатывало только сухую семинарщину, раздвоенность жизни и науки, и больше ничего. Не непремѣнно преподаваніе классическихъ языковъ воспитываетъ гуманитарно, а такъ можетъ воспитывать преподаваніе любого, раціонально поставленнаго предмета. К. Д. Ушинскій признаетъ, что «глубокое изученіе языка, дѣйствительно приноситъ огромную пользу человѣку, развивая его гуманитарно, но въ понятіе «глубокаго» изученія языка К. Д. Ушинскій вноситъ опредѣленное и полное

содержаніе, обнимающее и формальную и реальную сторону вопроса, т. е. глубоко изучать языкъ—это значитъ изучать не только форму языка—его оболочку, логическія построенія въ языкѣ, но изучать, что еще важнѣе, идеи и тѣ чувства, которыя выражаются въ языкѣ, т. е. изучать одновременно и содержаніе языка. А такое изученіе языка, гуманно развивающее человѣка, достигается, главнымъ образомъ и прежде всего, на изученіи родного языка. Это изученіе развиваетъ, по мнѣнію Ушинскаго, прежде всего самопознаніе человѣка, котораго требовалъ въ воспитаніи и Н. И. Пироговъ и ошибочно думалъ достигнуть при помощи преимущественнаго изученія классическихъ языковъ. К. Д. Ушинскій не раздѣляетъ наукъ на чисто гуманистическія и реальныя: каждая наука, говоритъ онъ, можетъ дѣйствовать гуманно и реально, смотря по тому, какъ мы къ ней подходимъ, какъ изучаемъ. Поэтому преподаваніе всякаго предмета можетъ дѣйствовать гуманитарно, но основательное и глубокое изученіе родного языка и родной словесности все же должно дѣйствовать на человѣка, по ученію Ушинскаго, наиболѣе гуманитарно. Въ заключеніе своей прекрасной статьи «Родное Слово», К. Д. Ушинскій подтверждаетъ гуманизирующее вліяніе родного языка такъ: «для кого правильное умственное развитіе, полнота духовной жизни, развитіе мысли, чувства, поэзіи въ душѣ, національность человѣка, годность его приносить пользу отечеству, нравственность и даже религія дѣтей ничто въ сравненіи съ хорошимъ парижскимъ выговоромъ, тѣ напрасно трудились читать нашу статью».

Значеніе родного языка, родного слова въ жизни народа, значеніе, такъ ярко очерченное художественнымъ перомъ Ушинскаго, заставляло его признать необходимымъ обучать грамотѣ въ инородческихъ школахъ Россіи

на ихъ собственныхъ нарѣчіяхъ. Вотъ что говоритъ Ушинскій о малороссійскихъ школахъ съ существующимъ въ нихъ великорусскимъ нарѣчіемъ [1]): «такая школа, во-первыхъ, гораздо ниже народа: что же значитъ она съ своею сотнею плохо заученныхъ словъ передъ тою безконечно глубокою живою и полною рѣчью, которую выработалъ и выстрадалъ себѣ народъ въ продолженіе тысячелѣтія; во-вторыхъ, такая школа безсильна, потому что она не строитъ развитія дитяти на единственно плодотворной душевной почвѣ—на народной рѣчи и на отразившемся въ ней народномъ чувствѣ; въ-третьихъ, наконецъ, такая школа безполезна: ребенокъ не только входитъ въ нее изъ сферы совершенно ей чуждой, но и выходитъ изъ нея въ ту же чуждую ей сферу». Такимъ образомъ, пріобрѣтенная грамотность на чуждомъ языкѣ скоро забывается и является, по мнѣнію авторитетнаго и безспорно національнаго педагога, совершенно безполезной. Такое мнѣніе реформатора народной русской школы, въ наше время, время пересмотра школьныхъ учрежденій разнаго рода, со вниманіемъ должно быть разсмотрѣно вновь и учтено для пользы народнаго просвѣщенія.

Самъ чутко относясь къ радостямъ и печалямъ русскаго народа, К. Д. Ушинскій того же требовалъ и отъ другихъ, призванныхъ къ дѣлу народнаго строительства. Какъ горячо звучатъ до сихъ поръ слова К. Д. Ушинскаго въ небольшой, но удивительной по силѣ педагогической статьѣ его «5-го марта 1861 года», гдѣ, радуясь съ народомъ его свободѣ, пылкій К. Д. Ушинскій восклицаетъ: «Боже мой, сколько нужно школъ, школъ для всего этого народа, возрожденнаго къ гражданской жизни! И не школъ грамотности только, но и такихъ, въ которыхъ бы

---

[1]) „Письма изъ Швейцаріи“ пед. соч. Ушинскаго стр. 380.

народъ научился употреблять съ пользою для себя и для другихъ свою свободу... Нужны люди не только грамотные, но люди съ прочными основами умственнаго и нравственнаго образованія». Въ народѣ пробудилось уже желаніе грамоты, и притомъ самымъ естественнымъ образомъ изъ прямыхъ своихъ источниковъ: изъ пониманія народомъ необходимости образованія для жизни и изъ теплаго источника любви родителей къ дѣтямъ, которыхъ отцы хотятъ приготовить къ жизни лучше той, которую они сами вели. Но если бы даже у народа не было ясно сознанной идеи необходимости образованія, то не повредила бы дѣлу и принудительность этого образованія. К. Д. Ушинскій отмѣчаетъ, что въ Германіи и Швейцаріи, гдѣ народъ самъ создавалъ свои школы, несмотря на принудительность образованія, народъ чрезвычайно любитъ свою школу. У насъ нѣтъ никакихъ фактическихъ данныхъ, по словамъ Ушинскаго, свидѣтельствовать о какой-то враждебности отношеній къ народной школѣ заграницей. Но и безъ принудительности къ образованію, народъ у насъ жаждетъ его. Только помогайте сооружать народную школу, только подготовляйте умѣло людей для нея [1])! «Пусть одна пятая доля того, что идетъ на содержаніе кабаковъ и всей откупной братіи, пойдетъ на устройство и содержаніе школъ, и черезъ пять-шесть лѣтъ не будетъ деревни въ тридцать дворовъ, въ которой бы не было порядочной школы» [2]). «Манифестъ 19-го февраля открылъ крестьянамъ обширное поприще полноправной, гражданской жизни; но сколько въ этой жизни есть правъ, столько и обязанностей. Одна изъ первѣйшихъ обязанностей всякаго гражданина и отца семейства—приготовить въ своихъ дѣтяхъ полезныхъ для об-

---

[1]) Ibidem стр. 285.
[2]) Ibidem стр. 286.

щества гражданъ: одно изъ священнѣйшихъ правъ человѣка, рождающагося въ мірѣ—право на правильное и доброе воспитаніе». «Но нашъ народъ слишкомъ долго ходилъ во тьмѣ, ему надо, дѣйствительно, помочь разобраться въ себѣ, его надо воспитать къ свободной жизни. Такими помощниками народа должны явиться учителя его, вышедшіе изъ народныхъ учительскихъ семинарій; только они сумѣютъ внести въ народъ не одно знаніе грамоты, но умственное образованіе, христіанскій характеръ и тѣ гражданскія правила жизни, на которыхъ покоится благоденствіе государства». «Народное образованіе и народную школу слѣдуетъ скорѣе поднять на должную высоту. Примѣръ въ этомъ отношеніи для насъ Сѣверная Америка, которая со своею обычною энергіей и быстротою въ десятки лѣтъ сдѣлала для народной школы то, что въ старыхъ государствахъ не могло быть сдѣлано и въ сотни, какъ только сознали, что въ народной школѣ кроется главный корень народнаго благоденствія и безопасности общества отъ случайностей и неожиданностей, порождаемыхъ невѣжествомъ, какъ и всякою другою тьмою».

Большимъ препятствіемъ къ появленію въ народѣ школъ, несмотря на желаніе крестьянъ имѣть школы, кромѣ хронической привычки у крестьянъ пропивать свои излишки, является бѣдность русскаго крестьянства и недостаточная забота государства о вопіющей нуждѣ народа». У нашего правительства все нѣтъ времени подумать о народномъ образованіи [1]). «Понятно, что тамъ, гдѣ крестьянинъ едва можетъ прокормить своихъ дѣтей, да и то не чистымъ хлѣбомъ, а пополамъ съ лебедой, соломой или мякиной,—трудно появиться школѣ». Одновре-

[1]) „Общій взглядъ на возникновеніе нашихъ народныхъ школъ" соч. К. Д. Ушинскаго, стр. 553.

менныя заботы правительства, земствъ, общества могли бы помочь русскому крестьянину выпутаться изъ матеріальной и духовной нужды, но при условіи не вносить регламентаціи, а дѣйствовать убѣжденіемъ, разъясненіемъ, вспомоществованіемъ и только. Всего лучше и естественнѣе будетъ у насъ, говоритъ Ушинскій, оставить народную школу чисто народнымъ дѣломъ, еще болѣе,—чисто семейнымъ дѣломъ народа. А народъ нашъ не любитъ, чтобы интеллигенція вмѣшивалась въ его семейныя дѣла. Кромѣ того, вмѣшательство какой бы то ни было администраціи, съ существующими вѣчными колебаніями, неустановившимися убѣжденіями, отсутствіемъ подчасъ какихъ-либо принциповъ, вмѣшательство это въ дѣло народной школы поставитъ насъ въ еще болѣе отсталое положеніе въ отношеніи образованныхъ государствъ Европы, чѣмъ это было до сихъ поръ; а отсталость на современномъ языкѣ, прибавляетъ Ушинскій, есть нищенство, безсиліе, зависимость, экономическое и политическое ничтожество.

Простой народъ сурово, зорко и ревниво охраняетъ свою народность, а потому можетъ быть предоставленъ самъ себѣ въ дѣлѣ устройства своей школы. Въ концѣ своей статьи «Общій взглядъ на возникновеніе нашихъ народныхъ школъ» Ушинскій говоритъ [1]): «народъ нашъ грубъ, но не глупъ и притомъ имѣетъ твердыя, ясныя убѣжденія; въ груди его бьется горячее родительское сердце, которое чутко ко всякой опасности, угрожающей дѣтямъ. Не забудемъ, что если мы многому хотимъ учить простой народъ, то есть многое, чему мы сами отъ него научились. Не забудемъ, что этотъ народъ создалъ тотъ глубокій языкъ, глубины котораго мы до сихъ поръ еще

1) Ibidem стр. 566.

не могли измѣнить; что этотъ простой народъ создалъ ту поэзію, которая спасла насъ отъ забавнаго дѣтскаго лепета, на которомъ мы подражали иностранцамъ; что именно изъ народныхъ источниковъ мы обновили всю нашу литературу и сдѣлали ее достойною этого имени: что этотъ простой народъ, наконецъ, создалъ и эту великую державу, подъ сѣнью которой мы живемъ. Кто хорошо знакомъ съ исторіей Россіи, тотъ ни на минуту не задумается вручить народное образованіе самому же народу». Помогающія мѣры духовенства и земства могутъ сдѣлать много въ дѣлѣ развитія народной школы. Какъ много можетъ сдѣлать для народной школы земство, видно было въ свое время на дѣятельности Александровскаго земства Екатеринославской губерніи, гдѣ, при непосредственномъ участіи великаго учителя народной школы, барона Н. А. Корфа, въ три года вся Екатеринославская губернія, а по ея примѣру и другія губерніи, были обильно засѣяны народными школами, и пропаганда объ этихъ школахъ при помощи «Отчетовъ» Екатеринославскаго земства, задолго до начинаній правительства, ознакомила всю Россію съ этими образцовыми школами и привила народу вкусъ къ нимъ.

Идея церковной школы не пустила у насъ корней ни въ народѣ, ни въ духовенствѣ. Народъ смотритъ на учреждаемыя на его средства школы, какъ на свои, и очень практично требуетъ, чтобы учитель весь отдался школѣ, чего отъ священнослужителя требовать нельзя.

В. Воскресныя школы.

Въ дѣлѣ развитія національнаго самосознанія большую роль можетъ сыграть, кромѣ народныхъ школъ, учре-

жденіе такъ называемыхъ воскресныхъ школъ. Ихъ до сихъ поръ слишкомъ мало у насъ, а по селамъ и до сего времени не существуетъ, а между тѣмъ воскресныя школы, какъ отмѣчалъ и К. Д. Ушинскій, одно изъ дѣятельныхъ средствъ для предупрежденія среди народа разврата и другихъ бѣдствій.

Мудро предупреждалъ насъ К. Д. Ушинскій не задерживать стремленія народа къ просвѣщенію: «Задержанное развитіе во всякомъ живомъ организмѣ выражается болѣзнью; таковъ благодѣтельный и вмѣстѣ грозный законъ природы» [1]). Съ результатами этого закона мы отлично расплачиваемся въ настоящее время, въ видѣ непрекращающихся болѣзненныхъ вспышекъ: погромы, грабежи, убійства и т. д. Необходимо было бы распространять воскресныя школы въ виду ихъ нравственнаго значенія: онѣ помогаютъ образованнымъ людямъ сближаться съ людьми рабочаго класса, уничтожая существующій между ними антагонизмъ. При устройствѣ воскресной школы, какъ и народныхъ школъ вообще, для К. Д. Ушинскаго, гуманиста и опытнаго изслѣдователя, было ясно, что воскресная школа должна быть основана на свободномъ желаніи—у народа, съ одной стороны, учиться, съ другой—учить, при чемъ главная задача воскресной школы заключается въ томъ, чтобы пробудить умственныя способности учащихся къ самодѣятельности, зажечь ихъ желаніемъ учиться, привить привычку ученія, до извѣстной степени направлять ихъ и руководить ими, т. е. воспитывать въ народномъ духѣ; кромѣ этого, необходимо сообщать учащимся полезныя знанія. К. Д. Ушинскій намѣчаетъ въ статьѣ «Воскресныя школы», какъ слѣдуетъ преподавать въ воскресной школѣ, попутно раскрывая раціональные методы обученія грамотѣ (со-

[1]) „Воскресныя школы“ соч. К. Д. Ушинскаго, стр. 184.

вмѣстно обучая азбукѣ и письму). Небольшія библіотеки при воскресныхъ школахъ—условіе разумнаго обученія народа.

Г. Педагогическая литература

Указывая на необходимость созданія національной школы, работая надъ изслѣдованіемъ вопроса по отысканію элементовъ народности, выдвигая передъ нами послѣ тщательныхъ психологическихъ и историческихъ изслѣдованій элементы народнаго воспитанія, указывая на значеніе учительскихъ семинарій, родного слова, воскресныхъ школъ въ дѣлѣ развитія народнаго воспитанія, К. Д. Ушинскій находитъ, что русская школа можетъ переформироваться въ корнѣ только тогда, когда всѣ поймутъ необходимость созданія именно такой, а не иной школы, т. е. когда создастся у насъ такъ называемое общественное педагогическое мнѣніе, въ видѣ руководящей педагогической идеи. А подобнаго рода педагогическая идея есть ни что иное, какъ совокупность убѣжденій, господствующихъ въ обществѣ, по вопросамъ воспитанія. Этими убѣжденіями долженъ одухотворяться и воспитатель въ школѣ (преподаваніе есть одно изъ средствъ воспитанія). Какъ же дѣйствовать на личность воспитателя? спрашиваетъ Ушинскій. И самъ же отвѣчаетъ: 1) педагогическимъ воспитаніемъ и 2) развитіемъ педагогической литературы. О значеніи перваго мы говорили, когда высказывали взглядъ Ушинскаго на значеніе учительскихъ семинарій. Переходимъ къ вопросу о педагогической литературѣ. Педагогическая литература, говоритъ Ушинскій, устанавливаетъ въ обществѣ правильныя требованія въ отношеніи воспитанія, а съ другой стороны—открываетъ средства для удовлетворенія этихъ требованій.

Кромѣ того, педагогическая литература воодушевляетъ воспитателя, какъ равноправнаго члена общества, не забытаго всѣми, и вдохновляетъ его на трудъ усовершенствованія педагогическаго дѣла. Дѣйствительно, интересъ къ воспитанію повышается и у самого воспитателя только съ глубокимъ изученіемъ вопросовъ воспитанія. Обязанность педагогической литературы должна заключаться въ томъ, чтобы раскрыть весь глубокій и заманчивый интересъ воспитательной дѣятельности. «При существованіи педагогической литературы, опытъ и мысль, которую выработалъ преподаватель въ своей практикѣ— говоритъ Ушинскій [1])—новый вопросъ, родившійся въ его головѣ, все это не остается въ предѣлахъ его школы, или, что еще хуже, не умретъ въ немъ самомъ; но, появившись на литературномъ поприщѣ, облетитъ всѣ концы Россіи, заглянетъ во всѣ захолустья, гдѣ только есть школа, и вызоветъ сочувствіе или споръ въ сотнѣ его товарищей, дѣла которыхъ коснется мысль его прямо: она можетъ вызвать горячее сочувствіе, пріобрѣсти защитниковъ и перейти въ дѣйствительность не въ тѣсныхъ предѣлахъ одного класса или одной школы, но въ обширныхъ предѣлахъ общественнаго образованія цѣлаго государства». Принося пользу воспитателямъ, педагогическая литература приноситъ огромную пользу и родителямъ. Надо имѣть ясныя понятія о воспитаніи, чтобы изучить наклонности дѣтей, «знать требованія и цѣли различныхъ родовъ воспитанія и ученья, умѣть выбрать и оцѣнить ихъ достоинства и недостатки»—все это даетъ педагогическая литература [2]). Если въ Англіи общественное мнѣніе выработалось эволюціоннымъ историческимъ путемъ, то въ

---

[1]) „О пользѣ педагогической литературы" соч. К. Д. Ушинскаго, стр. 17.

[2]) Ibidem стр. 24.

Сѣверной Америкѣ намѣреннымъ развитіемъ въ обществѣ педагогическихъ свѣдѣній всякаго рода, собраніемъ и опубликованіемъ мельчайшихъ фактовъ, относящихся къ общественному воспитанію, установили почти внезапно правильное общественное мнѣніе о воспитаніи и возбудили въ обществѣ живой интересъ къ этому дѣлу. Вслѣдъ за тѣмъ распространилось и улучшилось само общественное воспитаніе. Такъ какъ органомъ жизни убѣжденій является педагогическая литература, то черезъ педагогическую литературу, т. е. черезъ выработанныя въ обществѣ убѣжденія, воспитаніе могущественно вліяетъ на человѣка и общество, измѣняя ихъ, въ цѣляхъ болѣе разумной и счастливой жизни всего народа. Кромѣ развитія педагогической литературы, той же цѣли достигаютъ популяризація педагогическихъ знаній, открытіе педагогическихъ библіотекъ, новыхъ и новыхъ педагогическихъ журналовъ. Починъ и руководство въ этомъ дѣлѣ должны взять на себя наши ученыя корпораціи, высшія учебныя заведенія и особенно высшія педагогическія школы. Слѣдовало бы указать на необходимость скорѣйшаго введенія всеобщаго обученія на началахъ обязательности, на бѣдность земскихъ учрежденій, обслуживающихъ нужды деревни, на необходимость созданія однотипной двухлѣтней самоуправляющейся школы.

Д) Университетскій вопросъ.

Намѣтивъ цѣлый рядъ крупныхъ реформъ въ области низшаго и средняго образованія, указавъ на значеніе педагогической литературы въ выработкѣ общественнаго педагогическаго мнѣнія, К. Д. Ушинскій не прошелъ мимо и университетской реформы, повидимому, полно разработанной у Н. И. Пирогова. Но точка зрѣнія на этотъ вопросъ у К. Д. Ушинскаго иная, чѣмъ у Пирогова.

К. Д. Ушинскій задается вопросомъ, необходима ли реформа университета? И отвѣчаетъ—нѣтъ. Университеты, говоритъ онъ, оказывали и оказываютъ огромную пользу русской жизни и, если они неудовлетворительны, то причина не въ нихъ, не въ устояхъ, а въ совершенно особенныхъ случайныхъ обстоятельствахъ, внѣшнихъ, не зависящихъ отъ университета. Не слѣдуетъ стѣснять, говоритъ Ушинскій, университетскіе совѣты, а слѣдуетъ только позаботиться, чтобы эти совѣты состояли изъ людей, заслуживающихъ довѣрія, искренно желающихъ процвѣтанія науки и своего университета [1]). «Правила и регламенты въ дѣлѣ воспитанія дѣйствуютъ положительно дурно», прибавляетъ Ушинскій [2]). «Если мы желаемъ искренно развитія науки въ нашемъ отечествѣ и блага нашимъ университетамъ, мы должны уничтожить чиновничество профессоровъ въ корнѣ, производство въ генералы погубило у насъ не одного хорошаго профессора. Слѣдуетъ профессора поставить въ такое положеніе, чтобы онъ могъ заботиться только о наукѣ и пользѣ своихъ слушателей. Считая, что главная причина неурядицъ въ университетѣ лежитъ внѣ его, К. Д. Ушинскій предлагаетъ университетамъ обратить вниманіе на слѣдующее: во-первыхъ, возобновить составъ университетскихъ совѣтовъ посредствомъ профессорскаго института, къ участію въ составленіи котораго слѣдуетъ призвать не только университеты, академіи, но и всѣхъ нашихъ замѣчательныхъ ученыхъ; во-вторыхъ, широкимъ учрежденіемъ доцентства положить основаніе постоянному обновленію университетскихъ силъ; въ третьихъ, раскрыть наши университеты суду общественнаго мнѣнія, чего можно достигнуть, публикуя въ университет-

[1]) Соч. *К. Д. Ушинскаго* „Педаг. соч. Н. И. Пирогова“ стр. 527.
[2]) Ibidem стр. 531, 532.

скихъ журналахъ рѣшенія совѣтовъ съ полнымъ изложеніемъ доводовъ этихъ рѣшеній; въ-четвертыхъ, дать университетскимъ совѣтамъ полное довѣріе въ избраніи доцентовъ, въ открытіи и закрытіи новыхъ каѳедръ и т. п., въ-пятыхъ, освободить профессорское званіе отъ всякаго чиновническаго оттѣнка. Развитіе самодѣятельности въ университетѣ, посредствомъ возможно лучшей постановки практическихъ занятій въ нихъ, необязательное посѣщеніе лекцій, конкурированіе доцентовъ съ профессорами, К. Д. Ушинскій, какъ и Н. И. Пироговъ, считаетъ важнѣйшими условіями наиболѣе цѣлесообразнаго устройства русскихъ университетовъ. Мудро и поучительно замѣчаетъ К. Д. Ушинскій [3]): «чѣмъ болѣе значеніе ученаго будетъ основываться на его познаніяхъ, на его заслугахъ въ наукѣ, на его вліяніи на товарищей, слушателей и общество, а не на выдержанныхъ экзаменахъ и аттестатахъ, тѣмъ лучше; у китайцевъ все совершается по экзамену, но не дай Богъ намъ внести въ науку элементъ китайскаго застоя!» Указывая на ненужность реформъ университета, Ушинскій тѣмъ не менѣе отмѣчаетъ необходимость нѣкоторыхъ изъ нихъ, хотя и находитъ, что причиною неустройства русскихъ университетовъ является общее неустройство русской жизни, т. е. указываетъ на причину, лежащую внѣ университета.

Е. Женскій вопросъ. Условія хорошаго преподаванія.

Глубокій гуманистъ по природѣ, народный педагогъ въ широкомъ смыслѣ слова, Ушинскій не прошелъ мимо воспитанія женщинъ и реально поработалъ для дѣла ихъ эмансипаціи. Будучи инспекторомъ Смольнаго Института,

---

[1]) Ibidem стр. 542.

Смольный институтъ—Александровская половина (фасадъ зданія).

К. Д. Ушинскій преобразовалъ прежній 6-лѣтній курсъ на семилѣтній, по одному году въ классѣ, чего раньше не было, выхлопоталъ воспитанницамъ отпуски, устроилъ педагогическіе классы (въ Александровской половинѣ Смольнаго Монастыря педагогическій классъ былъ учрежденъ еще въ 1848 году). Призвалъ женщинъ въ качествѣ преподавательницъ мужскихъ воскресныхъ школъ. въ виду благотворнаго ихъ вліянія на этомъ поприщѣ, подготовилъ ихъ къ высшему образованію, развилъ въ нихъ стремленіе къ нему. Женщина черезчуръ видный членъ общества, чтобы игнорировать ее, говорилъ К. Д. Ушинскій, она многими невидимыми нитями, въ качествѣ матери, дочери, жены, воспитательницы, просто гражданки, дѣйствуетъ на всѣ стороны жизни. Не лучше ли невидимое, тайное сдѣлать открытымъ и явнымъ, замѣчаетъ онъ.

Теперь начинаютъ понемногу сознавать, говоритъ К. Д. Ушинскій [1]), что воспитаніе женщины, кромѣ индивидуальнаго и семейнаго значенія, имѣетъ еще огромное значеніе въ народной жизни, что черезъ женщину только успѣхи науки и цивилизаціи могутъ войти въ народную жизнь. Дѣствительно, характеръ человѣка болѣе всего формируется въ первые годы его жизни, и то, что ложится въ этотъ характеръ въ эти первые годы,—ложится прочно, становится второю природою человѣка; но такъ какъ дитя въ эти первые года свои находится подъ исключительнымъ вліяніемъ матери, то и въ самый характеръ его можетъ проникнуть только то, что проникло уже прежде въ характеръ матери. Все, что усвоивается человѣкомъ впослѣдствіи, никогда уже не имѣетъ той глубины, какою отличается все, усвоенное въ дѣтскіе годы. Такимъ

---

[1]) Собр. педаг. сочиненій К. Д. Ушинскаго, томъ 2-й дополненный, подъ ред. В. Чернышева. Спбургъ. 1909 г. стр. 215, 216.

образомъ, женщина является необходимымъ посредствующимъ членомъ между наукою, искусствомъ и поэзіей съ одной стороны,—нравами, привычками и характеромъ народа съ другой. Изъ этой мысли вытекаетъ уже сама собою необходимость полнаго, всесторонняго образованія женщины уже, такъ сказать, не для одного семейнаго обихода, но имѣя въ виду высокую цѣль—провести въ жизнь народа результаты науки, искусства и поэзіи.

Приготовить будущую мать и воспитательницу достойнымъ образомъ, это значитъ воспитать общество и народъ. Особенно же вліяютъ на образованіе народнаго характера женскія закрытыя учебныя заведенія. Дѣвочка, прожившая, семь, восемь, десять лѣтъ въ стѣнахъ закрытаго учебнаго заведенія, пропитывается духомъ этого заведенія до глубины своей природы; такъ что опытный и наблюдательный взглядъ легко узнаетъ, даже въ шестидесятилѣтней старухѣ [1]), воспитанницу того или другого характернаго интерната. Сотни офранцуженныхъ женскихъ характеровъ, привлекательныхъ по молодости, красотѣ, французской наивности и изяществу манеръ, дѣлаясь законодательницами общества, хозяйками, матерями и воспитательницами чужихъ дѣтей, передѣлываютъ мало-по-малу семейный и общественный бытъ, глубоко проникая въ самые нравы и обычаи народа.

Глубоко убѣжденный въ необходимости серьезнаго образованія для женщинъ, Константинъ Димитріевичъ ревностно, съ любовью и энтузіазмомъ, какъ лучшій изъ русскихъ гражданъ, принялся за реформу Смольнаго Монастыря, какъ тогда, вполнѣ справедливо, называли Смольный Институтъ.

К. Д. Ушинскій иронизируетъ надъ такъ называемымъ

---

[1]) Ibidem.

хорошимъ воспитаніемъ. «Воспитанная дѣвушка должна умѣть пустить пыль въ глаза, пробѣжать небрежно трудную арію, соединять наивность съ холоднымъ разсудкомъ, подъ ласковой улыбкой скрывать самыя неласковыя движенія души и т. п. Скажите, восклицаетъ К. Д. Ушинскій, какъ назвать тѣхъ воспитателей, которые рѣшаются удовлетворять такимъ требованіямъ? Называйте, какъ угодно, только ради Бога—не воспитателями»!

Ушинскій желалъ бы, чтобы русская женщина, испытавъ глубокое наслажденіе самой учить и развивать своего ребенка, подготовилась должнымъ образомъ къ этой отвѣтственной роли руководительницы подрастающаго поколѣнія, будущаго народа и не уступала этого наслажденія никому безъ необходимости.

Несомнѣнно, что въ первыхъ впечатлѣніяхъ дѣтства Ушинскаго лежитъ основаніе тѣхъ идей о роли женщины, какъ воспитательницы, которыя онъ съ такимъ жаромъ высказывалъ въ періодъ своей педагогической дѣятельности. «Я желалъ бы отъ всей души», говоритъ онъ «чтобы на моей родинѣ, рядомъ съ устройствомъ школъ для дѣтей, не могущихъ по какимъ-нибудь уважительнымъ причинамъ пользоваться счастьемъ хорошаго домашняго воспитанія и ученья, развивалась въ русской женщинѣ наклонность и умѣнье самой заниматься первоначальнымъ воспитаніемъ и обученіемъ своихъ дѣтей. Я желалъ бы, чтобы русская женщина, испытавъ глубокое наслажденіе самой учить и развивать своего ребенка, не уступала этого наслажденія никому безъ крайней необходимости» [1]).

Для успѣшнаго проведенія реформы въ институтѣ, Ушинскій собралъ вокругъ себя молодыхъ, талантли-

---

[1]) Руководство къ преподаванію по „Родному Слову" К. Д. Ушинскаго.

выхъ преподавателей, впослѣдствіи получившихъ извѣстность въ наукѣ и педагогической литературѣ; въ числѣ ихъ были св. Головинъ, В. И. Водовозовъ, Павловичъ, Лядовъ, бар. Косинскій, Н. И. Раевскій, Л. Н. Модзалевскій, О. Ѳ. Миллеръ, М. И. Семевскій.

Всюду заговорили о необыкновенныхъ учителяхъ Смольнаго Института. Чиновники разныхъ вѣдомствъ и многіе просто интересовавшіеся педагогическимъ дѣломъ нарочно пріѣзжали изъ города послушать удивительные уроки, особенно въ младшихъ классахъ.

Институтки, конечно, не всѣ могли понять значеніе перемѣнъ въ ихъ жизни, но всѣ отлично понимали, какъ Ушинскій любилъ ихъ [1]).

Изъ желанія добра ученицамъ Константинъ Дмитріевичъ уничтожилъ отдѣленіе для слабыхъ ученицъ. Посадивъ этихъ отверженныхъ рядомъ съ обыкновенными ученицами, онъ помогъ имъ выйти въ хорошіе люди, какъ по успѣхамъ, такъ и по поведенію. Другое нововведеніе обрадовало не только ученицъ бывшаго «слабаго» отдѣленія, но буквально всѣхъ институтокъ. Смольный Институтъ, дѣйствительно, не даромъ назывался монастыремъ. Въ немъ воспитанницы жили, какъ въ заточеніи: цѣлыхъ девять лѣтъ ученья ихъ не выпускали изъ стѣнъ заведенія никуда, даже къ родителямъ на лѣтнее время.

Какъ это тяжело было дѣтворѣ въ первые годы поступленія въ институтъ. Много ночей проводила дѣтвора въ рыданіяхъ, пока не привыкала къ институту настолько, что, по возвращеніи домой, послѣ долгаго пребыванія въ институтѣ, дѣти становились чужими въ родной семьѣ. Ушинскій уничтожилъ обычай затворничества и воспитанницамъ были разрѣшены отпуски. Въ институтъ на ве-

---

[1]) *Ермиловъ.* „Нашъ родной учитель“ стр. 30, 31.

чера стали приглашаться родственники воспитанницъ, которыя занимали своихъ гостей, танцовали, пѣли, играли, и все это дѣлали непринужденно и весело [1]).

Въ распредѣленіи предметовъ К. Д. держался того взгляда, что чѣмъ менѣе возрастъ учащихся, тѣмъ менѣе предметовъ должно быть съ ними изучаемо, а потому и самое обученіе должно быть основательное. Вотъ почему въ курсъ низшаго, седьмого, класса назначены были только четыре предмета: Законъ Божій, ариѳметика, русскій языкъ съ предметными уроками и французскій языкъ; въ 6 классѣ прибавлялась географія; въ 5-мъ—нѣмецкій языкъ; въ 4-мъ—исторія и естествовѣдѣніе; въ 3-мъ—физика; во 2-мъ и 1-мъ—литература всеобщая и русская. Родной языкъ поставленъ центральнымъ предметомъ, какъ прежде французскій. На немъ преподаются всѣ предметы. Учитель русскаго языка долженъ былъ развивать душевный міръ учащихся, а не только обучать грамматикѣ и орфографіи.

На преподаваніе географіи обратилъ вниманіе Ушинскій и думалъ соединить съ ней естествовѣдѣніе и исторію, чтобы «эти предметы шли рука объ руку, поддерживая, оживляя и пополняя другъ друга, и дружно строили въ душѣ воспитанницъ прочное зданіе яснаго, живого и вѣрнаго міросозерцанія». Преподаваніе физики при Ушинскомъ должно было проходиться не иначе, какъ съ приборами, съ помощью опытовъ. Преподаваніе ариѳметики должно было начинаться съ ознакомленія съ измѣреніемъ, потомъ—именованными числами, а затѣмъ перейти къ числамъ отвлеченнымъ и дѣйствіямъ надъ ними.

Видную роль Ушинскій отвелъ изученію отечественной литературы.

---

[1]) *Ельницкій*. „Русскіе педагоги XIX в.“ 10—11 стр.

Педагогическій классъ К. Д. сдѣлалъ двухгодичнымъ классомъ. Въ первый годъ воспитанницы расширяли свои познанія и ознакомливались съ дидактикой и методикой, а во второй упражнялись въ веденіи обученія подъ руководствомъ опытныхъ и знающихъ учителей.

Учебный курсъ Александровскаго училища былъ совершенно сравненъ съ курсомъ института въ отношеніи объема учебнаго курса и продолжительности ученія.

Константинъ Димитріевичъ положилъ начало ученическимъ библіотекамъ, причемъ для каждаго класса подбирались книги, соотвѣтствующія развитію и интересамъ воспитанницъ.

Воспитательная часть стала въ болѣе близкія отношенія къ воспитанницамъ, предоставляя имъ нѣкоторую долю самодѣятельности. Въ воспитаніи и образованіи, которыя должны быть всегда въ однихъ рукахъ, женщинѣ, по его мнѣнію, принадлежитъ первая роль.

«Личныя мои наблюденія», говоритъ К. Д. Ушинскій [1]), «убѣдили меня, что женщина способна управлять обширнымъ воспитательнымъ заведеніемъ, давать ему направленіе, способна и къ преподавательской дѣятельности. При чемъ, если женское преподаваніе въ иныхъ мѣстахъ (какъ, напримѣръ, во Франціи) слабѣе мужского, то это зависитъ единственно отъ малаго подготовленія женщинъ къ учительскому дѣлу, отъ ихъ меньшей развитости сравнительно съ учителями, а также и отъ того стѣсненнаго положенія, въ которое ставятъ учительницу законъ и общественное мнѣніе. Но если учительница подготовлена къ своему дѣлу, то она является образцовой преподавательницей (напримѣръ, учительницы въ Бернской школѣ).

---

[1]) Собраніе педаг. соч. К. Д. Ушинскаго, 2-й томъ доп. 1909 г., подъ ред. Чернышева, стр. 294.

Что-же касается воспитанія, то природа скрыла въ характерѣ женщины богатыя средства для воспитанія дѣтей. Сосредоточенность, вниманіе, точность, терпѣніе, настойчивость, любовь къ порядку, нѣжность, манеры, вкусъ и, наконецъ, врожденная любовь къ дѣтямъ—все это такія качества, которыя встрѣчаются скорѣе и въ большей степени въ женщинѣ, нежели въ мужчинѣ.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, говоритъ Ушинскій, женщины-преподавательницы начинаютъ вытѣснять мужчинъ-учителей, особенно, въ низшей школѣ. Прекрасныя преподавательницы встрѣчаются и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Женское воспитаніе, въ приготовленіи типа «кисейныхъ барышенъ», какъ ихъ мѣтко называлъ Писаревъ, было не по нутру К. Д. Ушинскому. Глубоко заинтересованный, хотя бы въ качествѣ инспектора Смольнаго Института, въ дѣйствительномъ улучшеніи женскаго образованія и воспитанія, Ушинскій умѣлъ найти людей, способныхъ одушевиться его идеями, и со своими талантливыми сотрудниками, какъ-то: Водовозовымъ, Ор. Миллеромъ, Модзалевскимъ и др., умѣлъ успѣшно бороться съ общественными предразсудками, мужественно отстаивая свои убѣжденія и находя, что участіе женщинъ въ распространеніи и улучшеніи образованія народа необходимо для всего русскаго народа. Ушинскій отлично сознавалъ, что намъ въ школахъ недостаетъ хорошихъ учительницъ и учителей въ одинаковой мѣрѣ.

Прекрасныя педагогическія способности женщины обрисованы Ушинскимъ полно и сильно въ одномъ изъ его писемъ изъ Берна, гдѣ онъ знакомитъ насъ съ Einwohnern-Mädchenschule. Прекрасная постановка школьнаго дѣла въ Бернской женской школѣ заставили Ушинскаго отмѣтить и выдѣлить хорошіе спо-

собы преподаванія, которые были имъ наблюдаемы не только въ преподаваніи образцоваго педагога-директора, но главнымъ образомъ въ преподаваніи талантливыхъ учительницъ. Условія хорошаго преподаванія, говоритъ Ушинскій, слѣдующія [1]): 1) все ученіе должно совершаться въ классѣ не только при учителѣ, но вмѣстѣ съ учителемъ, безъ всякихъ домашнихъ уроковъ и задачъ: 2) безпрестанно должно повторяться старое съ прибавленіемъ новаго при каждомъ повтореніи такъ, чтобы новое непремѣнно строилось на старомъ; 3) какъ можно меньше ежедневный урокъ; 4) возможно меньшія годовыя задачи въ младшихъ классахъ и постепенное увеличеніе ихъ въ старшихъ; 5) при каждомъ годовомъ экзаменѣ слѣдуетъ спрашивать все пройденное въ прежнихъ классахъ. Эти требованія основаны на общихъ законахъ развитія души человѣческой и есть необходимыя условія хорошей человѣческой и это необходимыя условія хорошей школы. Кстати, упомянемъ и о другихъ замѣчаніяхъ Ушинскаго относительно тѣхъ средствъ воспитательнаго воздѣйствія, которыя слѣдовало бы примѣнять въ семьѣ и школѣ. Въ виду огромнаго значенія естественнаго, коренного стремленія въ человѣкѣ къ дѣятельности, необходимо во всѣхъ школахъ развивать самодѣятельность, а русскихъ дѣтей, для развитія самодѣятельности слѣдовало бы отучать отъ прислуги, крѣпостнической закваски нашихъ отцовъ. Пусть пара здоровыхъ рукъ помогаетъ дѣтямъ обходиться безъ посторонней помощи. Надо помнить, замѣчаетъ Ушинскій, что выработка добрыхъ привычекъ, это нравственный капиталъ, положенный въ свою нервную систему, процентами съ котораго человѣкъ пользуется, дурныя же привычки—нравственно невыплаченный заемъ. Полезно въ ребенкѣ вырабатывать терпѣ-

[1]) „Письма изъ Швейцаріи" соч. К. Д. Ушинскаго, стр. 392.

ніе и научать преодолѣвать всякаго рода препятствія. Естественную, прирожденную смѣлость передѣлывать въ ребенкѣ, путемъ воспитательнаго воздѣйствія, въ мужество, но, конечно, не страхомъ, дѣйствующимъ лишь подавляющимъ образомъ. Для выработки самостоятельности полезно по временамъ оставлять ребенка одного. Въ минуты уединенія слагается индивидуальная личность ребенка, часто болѣе прочно и полно, чѣмъ при постоянномъ, неусыпномъ воспитательномъ воздѣйствіи. Водить ребенка постоянно на помочахъ Ушинскій считалъ чрезвычайно вреднымъ для самостоятельнаго его развитія. Преподаваніе этики, въ видѣ нравственныхъ бесѣдъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, признавалось Ушинскимъ въ цѣляхъ нравственнаго воспитанія не только полезнымъ, но и необходимымъ.

Что касается записокъ, выдаваемыхъ или диктуемыхъ преподавателями въ классѣ, вмѣсто существующихъ, плохихъ въ большинствѣ случаевъ, учебниковъ, то Ушинскій даетъ намъ слѣдующія указанія: переписка записокъ или запись подъ диктовку—то и другое психологически вредно, потому что пріучаетъ къ бездѣйствію ума. Единственно, что допустимо,—составленіе конспектовъ прослушанной лекціи и то только въ высшихъ классахъ. Но къ этому надо пріучать постепенно съ дѣтства—записываніемъ прослушанныхъ мелкихъ разсказовъ, вырабатывая въ дѣтяхъ навыкъ открывать въ разсказѣ логическую связь, выражая свои мысли кратко и ясно. Наблюденія К. Д. Ушинскаго надъ женской школой въ Бернѣ показали ему, что при такомъ веденіи дѣла конспекты лекцій въ старшихъ классахъ очень хороши и цѣлый обширный курсъ умѣщается въ маленькой тетрадкѣ, превосходно напоминающей все, что было

существеннаго въ лекціи [1]). Помимо врожденнаго таланта, нужно вырабатывать и навыки для хорошаго преподаванія. Вотъ почему такъ необходима не столько ученость, сколько подготовка къ воспитанію и обученію, т. е. къ педагогической дѣятельности. Секретъ воспитательнаго вліянія заключается въ выработкѣ характера воспитателя, потому что воспитательное воздѣйствіе ничто иное, какъ вліяніе развитого характера на формирующійся. Вотъ почему такъ важенъ въ воспитаніи примѣръ, т. е. вліяніе личности съ опредѣленнымъ, устойчивымъ, гибкимъ характеромъ, выработать который должны, какъ глубоко вѣрилъ Ушинскій, образцово созданныя учительскія семинаріи. Для выработаннаго характера не трудно найти середину между распущенностью класса и его мертвою неподвижностью, успѣшно оживляя и освѣжая, организуя въ классѣ трудъ и прибѣгая къ хоровому пѣнію.

К. Д. Ушинскій обратилъ вниманіе и на огромное значеніе народныхъ игръ въ дѣлѣ воспитанія. Слѣдовало бы, говоритъ онъ, разработать этотъ богатый источникъ народнаго творчества, слѣдовало бы организовать игры и создать изъ нихъ превосходное и могущественное воспитательное средство [2]). И въ этомъ видѣлъ К. Д. Ушинскій задачу будущей педагогики.

К. Д. Ушинскій, какъ истинно національный педагогъ, требовалъ сдѣлать въ русской школѣ, хоть изъ подражанія иностранцамъ, главными предметами [3])— русскій языкъ, русскую географію, русскую исторію, возлѣ которыхъ группировались бы всѣ остальные.

---

1) „Письма изъ Швейцаріи". стр. 343.

2) Собраніе педаг. соч. К. Д. Ушинскаго, II томъ дополн. 1909 г., стр. 222.

3) Ibidem стр. 254.

Александровскій Институтъ со стороны сада.

ж) Трудъ—корень народнаго воспитанія.

К. Д. Ушинскій, задавшись идеальною цѣлью воспитать человѣка, въ духѣ Н. И. Пирогова, указалъ намъ, какъ конкретнымъ путемъ понятіе человѣка обратить въ понятіе сына своей родины. Изучивъ душу народа черезъ долгую исторію его, Ушинскій открылъ намъ насъ самихъ, влилъ вѣру въ силы народа, поднялъ достоинство націи, уваженіе къ ней черезъ поднятіе достоинства каждаго отдѣльнаго человѣка. Ростъ уваженія къ цѣлому народу растетъ въ каждой націи параллельно съ повышеніемъ національнаго самосознанія, а послѣднее неразрывно связано со степенью просвѣщенія народа, съ развитіемъ того, что заложено въ самую природу человѣка, съ развитіемъ въ человѣкѣ привычки къ труду, отвѣчающей дѣятельной сторонѣ человѣка и повышающей личное, нравственное человѣческое достоинство его. Трудъ—это пружина, организующая жизнь разумнымъ образомъ. Самъ К. Д. Ушинскій такъ опредѣляетъ трудъ [1]: «трудъ есть такая свободная и согласная съ христіанскою нравственностью дѣятельность человѣка, на которую онъ рѣшается по безусловной необходимости ея для достиженія той или другой истинно человѣческой цѣли жизни» [2]. «Матеріальные плоды трудовъ составляютъ человѣческое достояніе; но только внутренняя, духовная, животворная сила труда служитъ источникомъ человѣческаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственности и счастья. Отсутствіе труда у отдѣльной личности, семьи, сословія, рода, народовъ, приводитъ къ ихъ вырожденію. Чтобы трудъ оказывалъ воспитательное воздѣйствіе на чело-

---

[1]) „Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи“ стр. 155.
[2]) Ibidem, стр. 154

вѣка, повышеніемъ его человѣческаго достоинства, необходимо, чтобы трудъ былъ личный, свободный, цѣлесообразный и разносторонній, т. е. физическій, умственный и нравственный; послѣдній направленъ къ уничтоженію въ самомъ себѣ дурныхъ, вредныхъ для человѣка и общества наклонностей. Трудъ двигаетъ человѣка по пути прогресса: безъ труда не можетъ быть развитія, а кто не движется впередъ, тотъ неминуемо идетъ назадъ—таковъ законъ природы. Умственный трудъ, не сверхъ мѣры, конечно, возбуждая нервную систему, повышаетъ кровообращеніе, пищевареніе, дольше сохраняетъ человѣка молодымъ и подвижнымъ»[1]). «Кто не испыталъ, какъ послѣ тяжелаго труда, долго поглощавшаго всѣ силы человѣка, и небо кажется свѣтлѣе, и солнце ярче, и люди добрѣе?» восклицаетъ Ушинскій[2]). «Какъ ночные призраки отъ свѣжаго утренняго луча», продолжаетъ Ушинскій свою мысль: «бѣгутъ отъ свѣтлаго и спокойнаго лица труда—тоска, скука, капризы, прихоти, всѣ эти бичи людей праздныхъ и романтическихъ героевъ, страдающихъ обыкновенно высокими страданіями людей, которымъ нечего дѣлать»... Любовь, дружба, всякаго рода наслажденія въ жизни только тогда прочны, когда основу ихъ составляетъ трудъ[3]). «Если супруги ровно, дружно, какъ двѣ дышловыя лошади, поднимаютъ тяжелую борозду ихъ жизненнаго пути, тогда всѣ ссоры и разсчеты быстро исчезаютъ передъ ежедневно возникающею необходимостью обоюднаго труда». Въ виду огромнаго значенія труда въ жизни человѣка, въ развитіи народнаго самосознанія, воспитаніе должно приготовлять человѣка къ труду жизни,

[1]) Ibidem, стр. 158.
[2]) Ibidem, стр. 162.
[3]) Ibidem, стр. 162.

а вовсе не къ счастью. Вотъ какъ характерно рисуетъ К. Д. Ушинскій значеніе труда [1]: Трудъ сдѣлался отличительнымъ признакомъ сына земли, знакомъ его паденія и указаніемъ пути къ совершенствованію, признакомъ безсилія и залогомъ силы; цѣпью, накинутою природою на человѣка, и уздою въ рукахъ человѣка для обузданія самовластія природы, клеймомъ рабства и печатью свободы; жизнь и самое счастье стали трудомъ; но за то въ трудѣ же нашелъ человѣкъ и жизнь, и единственно-достойное его счастье».

Мы видѣли, что трудъ цѣненъ своей внутренней стороной, воздѣйствіемъ на человѣка, тѣмъ воздѣйствіемъ, которое повышаетъ человѣческое достоинство; поэтому надо въ воспитаніи заботиться о развитіи не матеріальныхъ, а духовныхъ сторонъ человѣка [2]. «Всякая школа, прежде всего, должна показать человѣку то, что въ немъ есть самаго драгоцѣннаго, заставить его познать себя частицей Безсмертнаго и живымъ органомъ міроваго, духовнаго развитія человѣчества». Развитая жажда труда въ человѣкѣ роднитъ его съ Безсмертнымъ, вотъ почему правильное воспитаніе не только снабжаетъ человѣка опредѣленными знаніями, но зажигаетъ въ человѣкѣ жажду серьезнаго труда, безъ котораго жизнь не можетъ быть ни достойною, ни счастливою, а для развитія этого слѣдуетъ пріучить учащихся серьезно смотрѣть на жизнь, не обращая никогда ученья въ какое-то шутовское, веселое занятіе, родъ развлеченія. Ученье—трудъ, но отнюдь не развлеченіе и не игра, послѣднее позволительно только до 7-ми лѣтняго возраста. Мало зажечь ученика жаждой труда, необходимо, кромѣ того, выработать въ учащихся привычку къ труду, какъ бы отравить ядомъ

---

[1]) Ibidem, стр. 168.
[2]) Ibidem, стр. 171.

труда до такой степени, чтобы трудъ обратился въ ежедневную потребность человѣка, столь же естественную, какъ пища, питіе и сонъ. Средства къ этому слѣдующія: посильность труда, вспомогательное преподаваніе (учить трудиться, помогать разбираться въ трудностяхъ), разумный отдыхъ, выработка привычки быстро, безъ страданій переходить отъ отдыха къ новой работѣ, выработка метода преподаванія держать весь классъ постоянно въ возбужденномъ состояніи, дабы не было ни у кого привычки сидѣть цѣлые часы, ничего не дѣлая и ничего не думая, потому что въ эти минуты, какъ говоритъ Ушинскій, портится голова, сердце и нравственность человѣка больше всего.

Воспитаніе должно помочь человѣку открыть себѣ въ жизни полезный трудъ и внушить неутомимую жажду труда. Только при соблюденіи этихъ условій воспитаніе образуетъ человѣка, сдѣлаетъ его вѣрнымъ сыномъ земли подыметъ его нравственно и черезъ это придастъ національную физіономію народу, обративъ отвлеченное понятіе человѣка въ личность народа.

Хорошая разумно-нравственная организація ремесленныхъ школъ въ Россіи не только дала бы отличныхъ подмастерьевъ, но и хорошихъ мастеровъ и хозяевъ изъ русскихъ; тогда къ намъ, говоритъ К. Д. Ушинскій, перестали-бы пріѣзжать наживаться чужеземные эксплоататоры нашихъ замѣчательныхъ дарованій и нашихъ слабыхъ характеровъ [1]). Въ работѣ-трудѣ наши характеры укрѣпились бы, а вмѣстѣ съ этимъ окрѣпло бы и національное самосознаніе.

Въ выясненіи психологическаго и воспитательнаго значенія труда, К. Д. Ушинскій дошелъ до философскаго

---

[1]) Собраніе ред. соч. К. Д. Ушинскаго, II доп. томъ 1909 г., стр. 312.

корня жизни, какъ реальной силы, средства обратить идеализмъ Пирогова въ дѣйствительное дѣло жизни. Глубокая любовь къ человѣку—другими словами гуманизмъ Ушинскаго—и здѣсь по духу идеальна, а по способу выполненія реальна, національна, основана на фактическихъ данныхъ безспорно достовѣрнаго, опытнаго характера.

ГЛАВА V.

К. Д. Ушинскій—создатель педагогики-науки.

Міровоззрѣніе Ушинскаго, какъ опредѣленная система, объединило всѣ частные вопросы воспитанія вокругъ основного ядра ея: «будь человѣкомъ! или будь сыномъ своей родины: познай душу народа и свободно трудись на благо его». Остается отвѣтить на 3-й, поставленный нами въ предшествующей главѣ, вопросъ: насколько педагогическая система Ушинскаго, въ видѣ философскаго міровоззрѣнія, представляетъ изъ себя систему *научнаго* міровоззрѣнія? Другими словами,—не является ли педагогика у К. Д. Ушинскаго не только искусствомъ, но и наукой въ то же время?

Прежде всего попробуемъ нѣсколько подробнѣе остановиться на положеніяхъ великаго реформатора, выставленныхъ имъ противъ утвержденій, что педагогика—наука. Намъ кажется, что К. Д. Ушинскій, рѣшивъ для себя и другихъ, что педагогика *не* наука, на самомъ дѣлѣ *впервые* на Руси *обосновалъ* педагогику, какъ науку, указавъ своимъ послѣдователямъ на *пути*, *способы*, которыми можетъ быть разработана педагогика, какъ наука.

Если философскія обоснованія педагогическихъ вопросовъ у Ушинскаго сами по себѣ научны, настолько

научны, что педагогическія положенія, выставляемыя имъ, какъ принципы дѣйствія, становятся безспорно достовѣрными, тогда и совокупность, такимъ образомъ, обоснованныхъ положеній составитъ содержаніе захватывающей эти вопросы науки,—именно, педагогики. Конечно, и средства, которыми пользуется Ушинскій, обосновывая то или другое педагогическое положеніе, должны быть сами по себѣ *научны*.

Посмотримъ, что говоритъ самъ К. Д. Ушинскій противъ признанія педагогики наукой. Въ сочиненіяхъ: «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія», «О народности въ общественномъ воспитаніи», Ушинскій ясно высказалъ слѣдующее: «педагогика не наука, но искусство, потому что говоритъ о томъ, что должно быть, а не о существующемъ... Это высшее искусство, потому что совершенствуетъ природу человѣка—душу и тѣло»... «Педагогика — собраніе правилъ, нормъ воспитательной дѣятельности».

Что педагогика одновременно и искусство, мы этого не отрицаемъ: практика, дѣло совершенствованія тѣла и души человѣка—это искусство, но руководящіе принципы, правила воспитанія, составляющія педагогическое міровоззрѣніе, философски обоснованное, должны быть разсматриваемы не иначе, какъ непреложные законы дѣланія, т. е. какъ нѣчто, что входитъ въ составъ науки. Конечно, задача педагоговъ, какъ представителей науки, должна заключаться въ томъ, чтобы непреложность эта становилась незыблемой, а количество подобныхъ законовъ въ педагогикѣ увеличивалось. Можетъ быть, изученіе исторіи воспитанія въ разныхъ странахъ, изученіе исторіи семьи и школы, психологія народовъ,—все это вмѣстѣ взятое, раскроетъ объективные признаки универсальнаго воспитанія на незыблемо научныхъ законахъ.

На попытку англичанъ Милля, Бокля и Бэна установить точную науку жизни—теологію, т. е. науку о цѣляхъ, каковой, частью, является и педагогика,—К. Д. Ушинскій, смотрѣлъ отрицательно, какъ на безплодную, не приводящую ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Въ статьѣ «О народности въ общественномъ воспитаніи» [1]) К. Д. Ушинскій говоритъ: «То, что прилагается къ наукѣ, не можетъ быть приложено къ воспитанію. *Воспитаніе не имѣетъ цѣлью развитія науки, и для него наука не цѣль, а одно изъ средствъ,* которыми оно развиваетъ въ человѣкѣ свой *собственный идеалъ.* Воспитаніе беретъ человѣка *всего,* какъ онъ есть, со всѣми его народными и единичными особенностями,—его тѣло, душу и умъ,—и прежде всего *обращается къ характеру* человѣка; а характеръ и есть та почва, въ которой коренится *народность.* Почва эта, разнообразная до безконечности, прежде всего, однако, распадается на большія группы, называемыя народностями, Можно ли и должно ли разрабатывать эти различныя почвы одними и тѣми же орудіями, сѣять и производить на нихъ одни и тѣ же растенія,—или для каждой почвы педагогика должна открыть особыя орудія и особыя, этой почвѣ свойственныя, растенія?» Вотъ вопросы, которые Ушинскій ставитъ себѣ,—и даетъ на нихъ слѣдующій отвѣтъ: несмотря на *сходство педагогическихъ формъ всѣхъ европейскихъ народовъ,* у каждаго изъ нихъ своя особенная *національная система воспитанія,* своя *особая цѣль* и свои *особыя средства* къ достиженію этой цѣли [2])... Если *наука интернаціональна,* космополитична, универсальна, а другой она не можетъ и не должна быть, иначе, какъ потерявъ

[1]) Ibidem стр. 26.
[2]) Ibidem стр. 31.

значеніе науки, то воспитаніе многообразно, всегда національно и народно. Сколько крупныхъ народностей, далѣе замѣчаетъ Ушинскій, столько и системъ воспитанія. Съ послѣднимъ не приходится спорить. Дѣйствительно, у каждаго народа, до извѣстной степени, система воспитанія носитъ народный характеръ, т. е. въ воспитаніи существуетъ своя особая окраска одинаковыхъ въ сущности *цѣлей* воспитанія и особыя *средства* къ достиженію этихъ цѣлей. Но вмѣстѣ съ этимъ мы не можемъ не замѣтить, что есть и чрезвычайно много общаго, сходнаго во всѣхъ системахъ воспитанія европейскихъ народовъ и это касается не только педагогической формы, но и самаго *содержанія* педагогики,—внутренней сущности ея. Мы имѣемъ въ виду христіанское міровоззрѣніе европейскихъ народовъ: оно вездѣ однородно и оно опредѣляетъ *существо* воспитанія.

Попытки Милля, Бокля, Бэна, а въ настоящее время нѣмца Дильтея установить науку о жизни, о цѣляхъ—чрезвычайно цѣнны. И въ педагогикѣ научность опредѣляется и должна опредѣляться дѣйствующими причинами, не въ смыслѣ дѣйствующихъ средствъ воспитанія, а дѣйствующихъ принциповъ воспитанія, въ видѣ обоснованнаго педагогическаго міровоззрѣнія, педагогической идеи, какъ законовъ разумнаго воспитанія. Совершенно правъ К. Д. Ушинскій, утверждая, что воспитаніе не имѣетъ цѣлью развитія науки самой по себѣ. Но и всякая наука не цѣль сама въ себѣ, а всегда одно изъ средствъ. И въ математикѣ наука не цѣль, а средство теоретическаго и практическаго развитія человѣка. Но вотъ, что вызываетъ недоумѣніе: какъ могла бы педагогика развивать въ человѣкѣ свой собственный идеалъ, если бы не было *научныхъ дока-*

зательствъ цѣнности этого, а не другого идеала?! Педагогика, какъ наука, какъ разъ и должна заниматься тѣмъ, чтобы раскрывать точно, научно объективныя основы для принятія всѣми выставляемаго ею идеала. Но понятіе идеала коренится, говоритъ Ушинскій, въ народной совѣсти, въ характерѣ народа, въ той почвѣ, которая не можетъ быть предметомъ научнаго изученія. Почва эта требуетъ различныхъ орудій разработки и различнаго посѣва. Не отрицая этого, мы не можемъ не добавить, что современная психологія знаетъ попытки научнаго изученія самого характера, какъ такового [1]. Успѣхи психологіи уничтожаютъ спорность коренныхъ вопросовъ въ педагогикѣ, устанавливая прочнѣе значеніе ея, какъ науки. Не можемъ не отмѣтить, что и самъ Ушинскій въ Антропологіи (2-й томъ) говоритъ объ изученіи образованія характера, указываетъ и на законы въ образованіи характера, т. е. до нѣкоторой степени обосновываетъ науку о характерѣ. А разъ корень воспитанія, по словамъ К. Д. Ушинскаго, лежитъ въ характерѣ народа, слѣдовательно, Ушинскій тѣмъ самымъ обосновываетъ и *науку* о воспитаніи.

Въ другомъ мѣстѣ той же статьи [2]) К. Д. Ушинскій говоритъ слѣдующее: «По страсти своей все систематизировать, германцы возвели и искусство воспитанія на степень науки, наравнѣ съ безчисленнымъ множествомъ другихъ чисто нѣмецкихъ наукъ, и съ любовью разработали ее въ многотомныя системы, обладающія тысячами подраздѣленій. Но, несмотря на твердое убѣжденіе большинства нѣмецкихъ педагоговъ, что они работаютъ надъ *воспитаніемъ человѣка вообще*, къ какому бы народу онъ ни принадлежалъ, *нѣмецкая педагогика—наука*

---

[1]) См. *Лазурскій.* „Очеркъ науки о характерѣ“.

[2]) *К. Д. Ушинскій.* „О народности въ общественномъ воспитаніи“.

чисто нѣмецкая. Стоитъ только безпристрастному читателю другой націи прочесть три, четыре нѣмецкія педагогики, чтобы убѣдиться, что идеалъ человѣка, воспитаніе котораго въ нихъ разрабатывается, *нѣмецкій* esse homo, *совершеннѣйшій нѣмецъ»* [1]). «Не трудно замѣтить, что здѣсь воспитаніе приносится въ жертву наукѣ или вѣрнѣе сказать, наука и ученость являются окончательной цѣлью, къ которой направлено все воспитаніе... *Умѣнье приложить знанія къ дѣлу, укрѣпленіе душевныхъ способностей,* развитіе характера, внѣшняя полировка человѣка составляютъ для *нѣмецкой педагогики вопросы второстепенные.* Она и на самый характеръ человѣка думаетъ дѣйствовать не иначе, какъ черезъ посредство знаній». Одновременно съ приведенными цитатами, мы не вправѣ умолчать о слѣдующемъ: въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій Ушинскій готовъ назвать педагогику, какъ и медицину, наукой, но «не въ строгомъ смыслѣ слова» [2]), какъ онъ прибавляетъ. И даже въ одномъ мѣстѣ, говоря о необходимости теоретическаго изученія педагогики, Ушинскій прямо называетъ педагогику наукой [3]): «но, можетъ быть, какой нибудь педагогъ-практикъ будетъ отвергать полезность теоретическаго изученія *науки* воспитанія, основываясь на достаточности его результатовъ, достигаемыхъ безъ помощи теоріи. Такому педагогу-практику мы можемъ сказать только, что онъ величайшій утопистъ и мало наблюдалъ надъ явленіями, представляемыми общественною и частною жизнью.... Раздѣленіе Ушинскимъ педагогики на науку въ собственномъ и не собственномъ значеніи слова намъ ка-

---

[1]) Ibidem, стр. 33.

[2]) *К. Д. Ушинскій* „О пользѣ педагогической литературы“, стр. 9.

[3]) Ibidem, стр. 7.

жется непріемлемымъ, въ виду получающагося, такимъ образомъ, quaternio terminorum[1]) въ понятіи «наука» по отношенію къ педагогикѣ. Или *педагогика—наука, или уже совсѣмъ не наука.* Что-нибудь одно должно быть правильнымъ. Если она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ уже наука, что, очевидно, признаетъ и К. Д. Ушинскій, то и въ другихъ отношеніяхъ она можетъ быть обращена въ науку, но недостаточная разработка ея, лѣнивая работа надъ нею, при только что начавшейся дифференціаціи ея изъ общей философіи въ отдѣльную науку, не позволила, *очевидно, ясно* для всѣхъ, обратить педагогику въ безспорно отдѣльную науку съ правомъ на существованіе ея, какъ отдѣльной науки, науки принциповъ дѣланія жизни[2]). «У каждаго народа,—говоритъ Ушинскій,—своя идея о воспитаніи и въ основаніи *особой идеи воспитанія у каждаго народа лежитъ, конечно, особенная идея о человѣкѣ, о томъ, каковъ долженъ быть человѣкъ, по понятіямъ народа, въ извѣстный періодъ народнаго развитія. Каждый народъ имѣетъ свой особенный идеалъ человѣка и требуетъ отъ своего воспитанія воспроизведенія этого идеала въ отдѣльныхъ личностяхъ. Идеалъ этотъ у каждаго народа* a) *соотвѣтствуетъ его характеру,* b) *опредѣляется его общественною жизнью,* c) *развивается вмѣстѣ съ его развитіемъ* и d) *выясненіе его составляетъ главнѣйшую задачу каждой народной литературы.* Всякій народъ въ своей литературѣ,—продолжаетъ Ушинскій,—начиная пѣснею, пословицею, сказкою и оканчивая драмою и романомъ, выражаетъ свои убѣжденія о томъ, каковъ долженъ быть человѣкъ по его понятію. Онъ украшаетъ этого идеаль-

---

[1]) Различное пониманіе одного и того-же термина, т.-е. логическая ошибка.

[2]) Ibidem, стр. 74.

наго человѣка всѣми лучшими качествами души своей, и если народный идеалъ человѣка не всегда сообразенъ съ правилами строгой христіанской нравственности, то это только потому, что *сама христіанская нравственность не вполнѣ еще укоренилась въ томъ или другомъ народѣ;* но каковъ бы ни былъ этотъ идеалъ, онъ всегда выражаетъ собою *степень самосознанія народа, его взглядъ на пороки и добродѣтели,*—выражаетъ народную совѣсть [1])... То, что казалось безукоризненно-хорошимъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, имѣетъ въ глазахъ современнаго человѣчества совершенно другую цѣну... Факты общественной жизни различныхъ народовъ только подтверждаютъ показанія литературы... Нѣтъ сомнѣнія, что народный идеалъ человѣка видоизмѣняется въ каждомъ народѣ по сословіямъ; *но всѣ эти видоизмѣненія носятъ на себѣ одинъ и тотъ же національный типъ* въ разныхъ степеняхъ его развитія: это—отраженіе одного и того же образа въ разныхъ сферахъ общества... Народный идеалъ человѣка, къ какому вѣку бы онъ не принадлежалъ, всегда хорошъ относительно этого вѣка. Немногіе въ обществѣ бываютъ выше его (это рѣдкія исключенія), большинство—ниже его; но *въ глубинѣ души каждаго шевелятся его черты.* Сознавая всю недоступность этого идеала для себя лично, человѣкъ, тѣмъ не менѣе, беретъ его за *образецъ,* когда начинаетъ судить о другихъ людяхъ (на этомъ основана возможность общественнаго мнѣнія); онъ желаетъ также осуществленія этого идеала въ существахъ близкихъ его сердцу и *въ этомъ чувствѣ коренится свойство тѣхъ требованій, которыя дѣлаются обществомъ*

---

[1]) Ibidem, стр. 75.

воспитанію. Естественно, такимъ образомъ, что *эти требованія должны различаться по народамъ и измѣняться въ одномъ и томъ же народѣ вмѣстѣ съ его историческимъ развитіемъ*. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни было удалено общество отъ дѣла воспитанія и какъ бы чужда ни была ему система его, въ ней *непремѣнно отразится народный характеръ*.

Таковъ фактъ, но фактъ этотъ не признается, или, лучше сказать, забывается *теоріею воспитанія, стремящейся къ единству системы... Нѣмцы думаютъ создавать универсальные законы воспитанія, основанные на разумѣ и обязательные, какъ законы науки*, одинаково для всѣхъ народовъ». Далѣе продолжаетъ Ушинскій такъ: «Но мы смотримъ на предметъ со стороны, безъ увлеченія его обработкою, и видимъ въ этихъ стремленіяхъ къ универсальности конкретнѣйшее выраженіе чисто германскаго характера, въ этой универсальной наукѣ чисто нѣмецкую систему воспитанія, соотвѣтствующую, какъ нельзя болѣе, нѣмецкому характеру и совершенно противорѣчащую характерамъ другихъ народовъ» [1]). «Нѣмцы совершенно послѣдовательно пришли къ такому выводу: если педагогика—наука, то раціональная система этой науки, обрабатываемая исключительно въ Германіи, обязательна одинаково для всѣхъ народовъ, и все, что несогласно съ ея положеніями, есть ошибка или отсталость». Разберемся въ этихъ сужденіяхъ К. Д. Ушинскаго. Мы видимъ: всякое проявленіе въ другой странѣ считать педагогику наукой и при томъ универсальнаго характера К. Д. Ушинскій считаетъ «германизмомъ», если позволено будетъ употреблять этотъ терминъ. Съ

---

[1]) Ibidem, стр. 79.

удовольствіемъ К. Д. Ушинскій попутно отмѣчаетъ, что то тутъ, то тамъ нѣмцы начинаютъ уже сомнѣваться въ универсальномъ значеніи педагогики. Ушинскій думаетъ, что педагогика зависитъ преимущественно отъ психологіи, которая еще далека отъ совершенства, а также отъ другихъ наукъ; своего же содержанія не имѣетъ [1]). Называть педагогику *опытной наукой* (Erfahrungswissenschaft) не приходится, по мнѣнію Ушинскаго, потому что такого особеннаго отдѣла наукъ опытныхъ не существуетъ. «Всякая наука основана на опытѣ, раскрывающемъ для ума содержаніе факта. Но не собраніе опытовъ составляетъ науку, а только тѣ законы, которые выясняются опытомъ; такихъ же законовъ педагогика насчитываетъ весьма мало, да и тѣ принадлежатъ другимъ наукамъ» [2]). «Увлеченіе германской педагогикой съ ея универсальными стремленіями въ пору, когда наши убѣжденія начинаютъ зарождаться, когда, можетъ быть, кладутся основанія и русской педагогики, при нашей необыкновенной воспріимчивости, по мнѣнію Ушинскаго, чрезвычайно опасно, такъ какъ можетъ создать жалкую толпу верхоглядовъ, которымъ поверхность ихъ покажется глубиною, пустота—полнотою и безсиліе—силою. Развѣ только наша славянская безпечность и богатство природныхъ инстинктовъ,—замѣчаетъ Ушинскій,—спасутъ насъ!» Во всѣхъ приведенныхъ словахъ К. Д. Ушинскаго мы видимъ, что нѣмецкая педагогика, думая работать надъ воспитаніемъ человѣка вообще, esse homo, въ дѣйствительности работаетъ надъ воспитаніемъ нѣмца, т. е. она народна, а не универсальна. Но намъ кажется, что не только для нѣмцевъ, но и для другихъ народовъ, а, слѣдова-

---

[1]) См. нашу брошюру: „Педагогика—наука“.
[2]) Ibidem, стр. 83.

тельно, и для насъ также, очень важно, прежде чѣмъ воспитывать русскаго человѣка, знать, въ чемъ же заключается воспитаніе человѣка прежде всего, независимо отъ его національности, такъ какъ русскій, нѣмецъ, французъ, итальянецъ, и т. д. прежде всего человѣкъ. Безъ выясненія понятія, «воспитаніе человѣка» легко впасть въ крайность, въ предвзятость взгляда, быть можетъ, увлечься шовинистическимъ направленіемъ. И выступить *сознательно* и *опознанно* на тотъ путь, который искони исторически и психологически заложенъ въ природу русскаго человѣка, родня его съ нѣмцемъ, вовсе не представляетъ тѣхъ опасностей, отъ которыхъ предостерегаетъ насъ К. Д. Ушинскій, создатель обширнаго и глубокаго труда «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія». Въ этомъ трудѣ, въ самомъ созданіи его *національный инстинктъ универсализма* проявился также и у національнаго реформатора, безспорно народнаго педагога прежде всего! Въ самомъ дѣлѣ, развѣ крупнѣйшее научное произведеніе К. Д. Ушинскаго не раскрываетъ воспитателю физическую и духовную природу вообще человѣка для того, чтобы, идя по пути научнаго изученія, воспитать одновременно съ этимъ русскаго человѣка?! Какіе же явятся объективные признаки для воспитанія русскаго человѣка, какъ человѣка, если нѣтъ общаго понятія, въ чемъ должно заключаться воспитаніе человѣка?! Путь воспитанія человѣка указанъ самимъ К. Д. Ушинскимъ въ его антропологіи «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія». Но въ рядѣ педагогическихъ статей, какъ-то: «Родное Слово», «О народности въ общественномъ воспитаніи», «О нравственномъ элементѣ въ общественномъ воспитаніи» и другихъ, особенно часто мы сталкиваемся съ требованіемъ Ушинскаго воспитывать національно, и это потому, что въ воспитаніи русскаго человѣка Ушин-

скій отмѣчалъ слишкомъ *слабое* проявленіе національнаго воспитанія, необходимаго съ точки зрѣнія К. Д. Ушинскаго, какъ *полное* выраженіе воспитанія человѣка.

Ушинскій признавалъ *два пути* воспитанія одинаково *равноцѣнными*: воспитаніе отъ человѣка къ сыну родины и путь—отъ воспитанія сына родины къ воспитанію человѣка. Правда, послѣдній путь онъ считалъ болѣе реальнымъ, болѣе дѣйствительнымъ въ педагогическомъ дѣлѣ. Мы знаемъ, что Ушинскій вложилъ въ понятіе воспитанія человѣка, выдвинутаго Н. И. Пироговымъ, опредѣленное, соотвѣтствующее почвеннымъ русскимъ основамъ содержаніе. Въ разработкѣ этого вопроса, черезъ раскрытіе психологіи своего народа, природы человѣка вообще и намѣченнаго имъ изслѣдованія—исторіи русской семьи и школы, К. Д. Ушинскій особенно подробно высказался о необходимсти національнаго воспитанія. И это понятно: вопросъ слишкомъ новый, а историческій моментъ его времени, какъ мы указали, не отличался національнымъ подъемомъ; онъ былъ, дѣйствительно, *первый*, который открыто и опредѣленно заговорилъ о національномъ воспитаніи; въ утвержденіи же Н. И. Пирогова: «ищи быть и будь человѣкомъ» былъ пропущенъ національный промежуточный этапъ—реальнаго воспитанія человѣка. Реформѣ Пирогова обрадовались, п. ч. чувствовали особенно сильно послѣ Крымской кампаніи недостатокъ въ людяхъ, но въ значительной степени и испугались девиза Пирогова: слишкомъ абстрактнымъ, слишкомъ универсальнымъ, космополитичнымъ сталъ казаться онъ многимъ. Отсюда естественная эволюція въ сторону тщательной разработки національной педагогики, представителемъ которой и явился К. Д. Ушинскій.

Такимъ образомъ, Ушинскій не отличался рѣзко отъ

Пирогова: оба разрабатывали педагогику для универсальныхъ задачъ, т. е. какъ науку, но только пути разработки были различны, и то только въ смыслѣ болѣе тщательной разработки одного изъ нихъ.

Въ дополненіе къ сказанному, мы хотѣли бы еще прибавить слѣдующее: не думаемъ, чтобы для нѣмецкой педагогики выработка *умѣнья* приложить знанія, какъ думаетъ Ушинскій, была вопросомъ второстепеннымъ. До сихъ поръ педагогическую нѣмецкую практичность, помимо выработанной ими педагогической теоріи, мы пригоршнями переносимъ въ нашу русскую школу. Наконецъ, чѣмъ же, какъ не выработкой, воспитаніемъ *умѣнья* приложить знанія къ дѣлу, объясняется исключительная, не въ примѣръ другимъ народамъ, работоспособность, терпѣніе, усидчивость, общая культурность, просвѣщенность нѣмецкаго народа!? Не даромъ же міръ прозвалъ нѣмца «педантомъ»!

Универсальность нѣмцевъ, выражающаяся въ стремленіи ихъ всюду отыскивать научность, теорію, можетъ быть найдена и у насъ, но нашъ универсализмъ не теоретическій, какъ у нѣмцевъ (и въ этомъ огромная разница), а *практическій*, выражающійся часто стихійно, безъ плана въ *дѣлѣ* жизни; что нашъ народъ «плохъ въ дѣлѣ», зависитъ часто отъ малой культурности его, прежде всего отъ недостатка воспитанія и, слѣдовательно, не опровергаетъ отмѣченную нами черту. Вотъ почему намъ думается, что русскіе прежде всего создадутъ *универсальную педагогику*, как *новую педагогику*, потому что воспитаніе будитъ, волнуетъ въ человѣкѣ именно практическіе инстинкты его. Мы преднамѣренно подчеркиваемъ мысль, что воспитаніе будитъ практическіе инстинкты. Намъ кажется, что мнѣніе Ушинскаго о томъ, что воспитаніе не лежитъ въ природѣ, а исключительно дѣло исто-

ріи, не вполнѣ оправдывается данными самонаблюденія и объективнаго наблюденія. Въ самомъ дѣлѣ, мы замѣчаемъ, во-первыхъ, что всѣ люди естественно стремятся, чтобы ихъ воспитывали, во-вторыхъ, всѣ люди поддаются преднамѣренному или непреднамѣренному, прямому или косвенному воспитательному воздѣйствію, въ-третьихъ, всѣ люди стремятся воспитывать другихъ, такъ или иначе воздѣйствовать на другихъ, при чемъ въ этомъ естественномъ законѣ жизни мы замѣчаемъ извѣстное единообразіе: сильнѣйшій дѣйствуетъ, вліяетъ на слабѣйшаго, болѣе одаренный—на менѣе одареннаго и многое другое. Въ-четвертыхъ, мы видимъ, что жизнь рождаетъ геніевъ воспитанія съ особой педагогической интуиціей, обладающихъ педагогическимъ вдохновеніемъ, своего рода *воспитательнымъ инстинктомъ* сильнѣе ихъ самихъ, какъ это и было съ самимъ Ушинскимъ.

Мы, конечно, не знаемъ, какой характеръ приметъ наше воспитаніе, но въ этой области многое оригинальное, несвойственное другимъ странамъ, у насъ уже проявляется. Взять хотя бы выросшіе изъ корней общества, такъ называемые родительскіе кружки, существующіе на Руси уже болѣе $^1/_4$ вѣка, воскресныя школы, созданныя Пироговымъ и многое другое. Въ дѣлѣ воспитанія у насъ очень часто частная инициатива приступаетъ къ дѣлу, осуществляетъ ту или другую реформу, а затѣмъ уже теоретически ее обосновываетъ.

Интересно вспомнить отмѣченную Ушинскимъ въ статьѣ «О нравственномъ элементѣ въ общественномъ воспитаніи» черту русской народности—удивительную воспріимчивость ко всему чужому. Чѣмъ возможно объяснить ее, какъ не чертой *практическаго универсализма* въ насъ. Черта эта, дѣйствительно, живетъ въ насъ, какъ инстинктъ, положительно стихійно. Быстрое и совершен-

ное изученіе иностранныхъ языковъ среди русскихъ не можетъ быть объяснено только трудностью русскаго языка, пріучающаго русскихъ скоро одолѣвать наиболѣе легкіе, сравнительно съ русскимъ, иностранные языки, но предполагаетъ въ насъ наличность инстинктивной, практической черты универсальнаго характера.

Для нѣмцевъ, какъ и *для всѣхъ*, признающихъ педагогику наукой, обязателенъ выводъ силлогистическаго характера, что и раціональная система этой науки обязательна для всѣхъ народовъ. Слѣдуетъ только выработать раціональную систему науки педагогики, основанія для которой положилъ уже Ушинскій созданіемъ Антропологіи и выясненіемъ истинныхъ отношеній національнаго и универсальнаго воспитанія.

Вопреки увѣреніямъ Ушинскаго, мы продолжаемъ утверждать, что педагогика имѣетъ свое собственное содержаніе, въ видѣ совокупности принциповъ ея, а не только черпаетъ это содержаніе изъ другихъ наукъ. Кромѣ того, мы должны отнести педагогику къ индуктивнымъ—опытнымъ наукамъ въ отличіе отъ дедуктивныхъ наукъ, основанныхъ на чистомъ умозрѣніи, какъ, напримѣръ, математика.

Въ настоящее время, въ противоположность признанію Ушинскаго, педагогика можетъ выдвинуть изъ добытаго ею кое-что, какъ свои законы, а не одно только собраніе опытовъ. Взять хотя бы требованіе, въ видѣ закона воспитанія,—воспитывать человѣка гармонично, вырабатывать изъ него гражданина, личность и т. д.

Въ заключеніе разбора мнѣній Ушинскаго, на вопросъ, наука или искусство педагогика, мы должны отвѣтить: и то, и другое [1]).

---

[1]) См. „Педагогика—наука“.

Самое главное, что доказали нѣмцы, это то, что педагогика, какъ наука универсальнаго характера, можетъ быть совмѣстима съ національностью, съ требованіями народнаго характера, но не исключаетъ его. Достаточно для насъ въ этомъ отношеніи и одного примѣра, а именно—нѣмцевъ. Мы думаемъ, что то же примѣнимо и къ русской педагогикѣ, такъ какъ національность первыхъ реформаторовъ Пирогова и Ушинскаго совпала съ требованіями универсальнаго. Требованія первыхъ реформаторовъ совпали съ исторически исконной чертой русскихъ—«соборностью» ихъ. Какъ пойдетъ дѣло дальше, объ этомъ повѣдаетъ намъ прогрессивный ростъ человѣческихъ знаній и разработка педагогики, какъ науки, надъ созданіемъ которой поработалъ впервые народный педагогъ Ушинскій. Онъ далъ намъ не только провѣренную теорію воспитанія, но *выработалъ законы національнаго воспитанія для окончательной общечеловѣческой задачи.* Кромѣ всего вышеизложеннаго, *въ самомъ способѣ развертыванія своей системы,* а также *въ доказательствахъ,* приводимыхъ К. Д. Ушинскимъ въ пользу педагогическихъ положеній, мы убѣждаемся, что *система Ушинскаго* есть ничто иное, какъ *наука педагогика.* Въ самомъ дѣлѣ, исходя эволюціонно изъ положеній Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинскій, какъ мы видѣли въ предшествующей главѣ, развертываетъ вполнѣ логично, послѣдовательно, свое ученіе въ видѣ гуманистическаго реализма, при чемъ въ доказательствахъ, приводимыхъ имъ въ пользу своего міровоззрѣнія, ни разу не сходитъ съ пути опыта, т. е. все время остается научнымъ работникомъ. К. Д. Ушинскій, какъ вполнѣ *научный работникъ, собирая* факты, данныя опыта, никогда не отдѣлялъ ихъ отъ вопроса *объясненія* ихъ. Индукція и дедукція сплетены у него

жизненно, правдиво воедино. Чтобы сдѣлать воспитаніе человѣка реальнымъ, надо сдѣлать воспитаніе національнымъ, говоритъ Ушинскій. Это значитъ—прибавимъ мы въ поясненіе данной мысли—обратиться къ опыту, какъ научному орудію. Но этого мало: К. Д. Ушинскій расщепляетъ этотъ опытъ на двоякаго рода опытное изслѣдованіе въ выясненіи понятія національнаго воспитанія. Дѣйствительно, чтобы быть научнымъ до конца, а. слѣдовательно, и убѣдительнымъ въ доказательствахъ. К. Д. Ушинскій обращается къ внутреннему и внѣшнему опытамъ. Въ самомъ дѣлѣ, что же такое иное, какъ не обращеніе къ внутреннему опыту, требованіе К. Д. Ушинскаго изслѣдовать психологію народа для выясненія національнаго воспитанія? Что же такое иное, какъ не обращеніе къ внѣшнему опыту, требованіе К. Д. Ушинскаго изучить исторію своего народа, а также требованіе обратиться и къ сравнительному изученію народовъ? Опытный путь въ изслѣдованіи, доказательства опытнаго характера тѣхъ истинъ, которыя выставляются Ушинскимъ, какъ требованія педагогики, касается ли это выясненія значенія родного слова, классическаго, женскаго, университетскаго воспитанія — безразлично, требованія къ педагогикѣ давать намъ только положительную мудрость,—все это обращаетъ систему Ушинскаго, въ видѣ философскаго міровоззрѣнія, въ отдѣльную науку философскаго характера, безспорность которой могла бы стоять внѣ всякихъ сомнѣній не только у нѣмцевъ, но и у другихъ народовъ. Если философія въ настоящее время безспорно обоснована, какъ наука, то со временъ Ушинскаго не только въ будущемъ, но и въ настоящемъ стало возможно и должно говорить о педагогикѣ не иначе, какъ о наукѣ философскаго характера, не умаляя тѣмъ ничуть ея значеніе, какъ искусства.

ГЛАВА VI.

Мѣсто К. Д. Ушинскаго въ исторіи русской педагогики и отношеніе его къ развитію Западно-Европейской педагогики.

Глубокіе задушевные принципы патріархальнаго семейнаго быта, преобладаніе порывистаго славянскаго чувства, безкорыстная человѣчность, беззавѣтная удаль, обиліе инстинктовъ, изумительная воспріимчивость ко всему чуткому и вмѣстѣ съ тѣмъ стойкость, иногда и безсознательная, въ своей національности, обиліе природнаго ума, патріотизмъ и добродушіе—все это характерно для нашей національности. Добродушія—безъ конца и довѣрія также. Русскій человѣкъ раскрываетъ свои объятья во всѣ стороны, какъ будто говоритъ всѣмъ: „идите всѣ, я приму васъ, я сумѣю объединить ваши противорѣчія, п. ч. духовно я слишкомъ богатъ и мнѣ не страшны никакія вліянія. Для всѣхъ васъ найдется въ душѣ моей мѣсто". Это добродушіе и широта натуры, идущія въ униссонъ съ равнинностью матушки Руси, идетъ отъ древности и проходитъ во всѣ изгибы смѣняющихъ другъ друга въ исторіи русской педагогики направленій.

А древняя православная религія, съ ея всемірно-историческимъ значеніемъ, дѣйствительно, превратилась въ плоть и кровь народа, стала простою и теплою религіозностью и породила особый патріархальный характеръ нравственности. Русскій народъ набо-

женъ, онъ уважаетъ священника, какъ служителя религіи въ самомъ его служеніи [1]).

Съ этими исторически живучими чертами нашей національности мирятся славянская безпечность и непослѣдовательность, недостатокъ общественной нравственности, недостатокъ національнаго самосознанія, часто квасной патріотизмъ, суевѣріе и раздвоенность между теоріей и практикой.

Но двоевѣріе, зачатое въ древности, и взрощенное впослѣдствіи, не такъ-то скоро можетъ исчезнуть изъ національной жизни. Для приведенія къ единству національнаго самосознанія необходимо національное самоопредѣленіе, а для послѣдняго необходимо болѣе здоровое и болѣе опредѣленное, чѣмъ прежде, національное воспитаніе на основахъ общечеловѣческаго нравственнаго воспитанія.

Задача такого воспитанія и пути осуществленія этихъ задачъ К. Д. Ушинскій достаточно ясно и опредѣленно выдвинулъ національной жизнью и національнымъ ученіемъ своимъ.

Съ горячимъ воодушевленіемъ Ушинскій всегда подчеркивалъ для народнаго образованія необходимость воспитательнаго вліянія, которое и древность, какъ видно изъ 1-й главы, достаточно выдвигала.

Въ статьѣ своей „Три элемента школы“ [2]), выясняя взаимоотношеніе въ школьной жизни административной, учебной и воспитательной части, Ушинскій не устаетъ повторять, насколько важно тѣсное соединеніе ихъ. Въ этомъ отношеніи воспитательное

---

[1]) К. Д. Ушинскій „По вопросу о преобразованіи духовныхъ училищъ“ 2-й доп. томъ пед. соч. 1908 г. СПбургъ.

[2]) К. Д. Ушинскій „Собраніе педагогическихъ сочиненій“ 2-й томъ дополнительный 1908 г. СПбургъ.

вліяніе англійскихъ школъ, осуществившихъ это единство, дѣйствительно велико. Такое-же неотразимое и неизгладимое вліяніе на характеръ подрастающаго поколѣнія имѣли іезуитскія школы; въ нихъ всѣ три элемента были подчинены выработанному единству, объединенному понятіемъ прежде всего *воспитательнаго* воздѣйствія.

Только при этомъ условіи вырабатывается особый общій духъ единства направленія не только въ школахъ, но, чрезъ школу, въ обществѣ и въ самой націи. Только такъ создается общественное мнѣніе, которымъ незамѣтно и невидимо воспитывается подрастающее поколѣніе.

Для благосостоянія школы [1]) важно, говорятъ англичане, путемъ поднятія воспитательнаго элемента создать и поддержать высоко-нравственный тонъ между воспитанниками и обратить въ орудіе добра это общественное мнѣніе школы, которое дѣйствуетъ могущественно во всякомъ направленіи. Если общественное мнѣніе школы возвысилось до того, что между воспитанниками считается за стыдъ обмануть, за низость злоупотребить довѣріемъ, тогда большая часть дисциплины можетъ быть предоставлена самимъ воспитанникамъ, и именно тѣмъ, которые по своему характеру сами получили вліяніе на классъ и своимъ поведеніемъ возвышаются до такого положенія. Такая школьная аристократія, управляя по праву, будетъ уважать сама себя, своихъ товарищей, своихъ воспитателей, и честь заведенія безопасна въ ея рукахъ.

Такимъ образомъ, Ушинскій не изъ чувства англо-

---

[1]) Ibidem, стр. 24.

маніи, а вполнѣ отвѣчая исконно соборнымъ началамъ вѣчевой Руси, призываетъ опять къ жизни прежнюю силу воспитанія и совоспитанія, безъ которыхъ, какъ хорошъ и народенъ не былъ бы идеалъ воспитанія, невозможно будетъ внести его въ характеръ воспитываемыхъ.

Какъ и въ древности Ушинскій, подчеркиваетъ въ воспитаніи значеніе личности.

Какой глубокой правдой сегодняшняго дня дышатъ слова національнаго педагога: „Въ воспитаніи[1]) все должно основываться *на личности* воспитателя: потому что воспитательная сила изливается только изъ живого источника человѣческой личности. Никакіе уставы и программы, никакой искусственный организмъ заведенія, какъ-бы хитро онъ не былъ придуманъ, не можетъ замѣнить личности въ дѣлѣ воспитанія Недаромъ браминская педагогика предписываетъ учителю сначала поставить передъ собою ученика и смотрѣть на него до тѣхъ поръ, пока онъ не покорится совершенно волѣ учителя. Не знаемъ до какой степени шло успѣшно такое магнетизированіе учениковъ, предписываемое Веддами, говоритъ Ушинскій; но убѣждены въ томъ, что безъ личнаго непосредственнаго вліянія воспитателя на воспитанника, истинное воспитаніе, проникающее въ характеръ, невозможно. Только личность можетъ дѣйствовать на развитіе и опредѣленіе личности, только характеромъ можно образовать характеръ. Причины такого нравственнаго магнетизированія, дѣйствительно, скрываются глубоко въ природѣ человѣка.

---

[1]) Ibidem, стр. 26—29.

Разъ личность воспитателя играетъ такую видную роль въ дѣлѣ созданія духа заведенія и созданія общественнаго педагогическаго міровоззрѣнія, необходимо государству и обществу особенно строго контролировать выборъ главныхъ воспитателей, отъ которыхъ зависитъ направленіе учебно-воспитательнаго дѣла. Кромѣ того, если между главнымъ воспитателемъ и его подчиненными работниками существуютъ дружескія отношенія, и нѣтъ дробленія предметовъ между учителями и воспитательскихъ обязанностей между разными лицами, тогда многое можетъ быть осуществлено въ смыслѣ правильнаго воспитанія націи.

При дробленіи учебныхъ предметовъ и воспитательскихъ обязанностей между многими лицами, Ушинскій справедливо отмѣчаетъ, обыкновенно никто *не ведетъ*, т. е. не воспитываетъ класса, а онъ самъ идетъ куда попало, прихрамывая то на ту, то на другую сторону. Дѣти, предоставленныя самимъ себѣ, не подчиненныя одному воспитывающему вліянію, только портятъ другъ друга и *дичаютъ*. Сорныя травы выростаютъ съ необыкновенной быстротою на юной, сильной, но никѣмъ не разрабатываемой почвѣ, глушатъ всѣ добрые начатки, а новый источникъ зла обильно сочится въ лоно общественной жизни [1]).

То о чемъ такъ мечталъ Ушинскій по отношенію къ нашей школѣ и нашей націи—о привитіи англійскаго training, особаго духа въ семьѣ, школѣ и обществѣ—дѣйствительно создало-бы цѣльность націи, избавивъ ее отъ двоевѣрія и нравственной расколотости.

Вполнѣ опредѣлено и по новому заговорилъ Кон-

---

[1]) Ibidem, стр 29.

стантантинъ Димитріевичъ о необходимости распространять грамотность въ народѣ серьезно и заботливо[1]). Книги для народа должны быть дѣльны, ясны, серьезны, искренни, практичны, благородны и дешевы. Надо помнить, что ученье дѣтей отечественному языку имѣетъ 3 цѣли: 1) развить врожденную душевную способность—даръ слова, 2) ввести дѣтей въ сознательное обладаніе сокровищами языка и 3) усвоить дѣтямъ логику языка—грамматику. Всѣ 3 цѣли достигаются совмѣстно[2]).

Достояніемъ новаго времени являются публичныя лекціи, къ которымъ надо прибѣгать, говоритъ Ушинскій, какъ къ средству, путемъ живого слова возбудить въ обществѣ интересъ къ наукѣ и литературѣ и распространить новые взгляды на эти предметы[3]).

Умъ человѣка, предоставленный самому себѣ, глохнетъ необыкновенно быстро, и какъ часто случается встрѣчаться съ такими лицами, которыя, окончивъ курсъ самымъ блистательнымъ образомъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, и, не продолжая занятій, черезъ нѣсколько лѣтъ не показываютъ даже малѣйшихъ признаковъ того, что они чему-нибудь учились. Съ такою-же легкостью могутъ исчезнуть свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя въ первоначальныхъ школахъ[4]). Знанія человѣка надо поддерживать.

Только въ новое время не только поняли насущную необходимость образованія и воспитанія, что было отчасти и въ древности, но и полюбили просвѣ-

---

[1]) К. Д. Ушинскій „О сферахъ распр. образованія посредствомъ грамотности“ 2-й дополн. томъ Педаг. соч. 1908 г. Спб.

[2]) Собр. пед. ст. 2-й томъ. „О первонач. препод. русскаго языка“.

[3]) Ibidem, стр. 41.

[4]) Ibidem, стр. 42.

щеніе и захотѣли постоянно поддерживать животворящій свѣтъ его. Не только не хотятъ рецидивизма безграмотности, но охраняютъ людей отъ духовнаго вымиранія, отъ спокойнаго, мертвящаго духъ, безразличія.

То, чѣмъ была привлекательна наша церковноприходская школа — семейный характеръ, Ушинскій старается внести и въ нашу школу, при чемъ указываетъ на примѣръ такого сближенія школы и семьи въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ стараются перенести семейство въ самую школу. Вотъ почему въ Америкѣ предоставили мѣсто женщинѣ и въ наукѣ, и въ преподаваніи. Глубоко уважая женщину, тамъ поняли хорошо, что въ характерѣ женщины природа скрыла богатыя средства для воспитанія и сближенія школы и семьи. Сосредоточенность вниманія, точность, терпѣніе, настойчивость, любовь къ порядку, нѣжность, манеры, вкусъ и наконецъ врожденная любовь къ дѣтямъ—все это такія качества, которыя встрѣчаются скорѣе и въ большей степени въ женщинѣ, чѣмъ въ мужчинѣ[1]).

Значеніе женщины въ дѣлѣ гуманнаго просвѣщенія народа, выдвинутое Ушинскимъ—достояніе новаго времени. Реформа Ушинскаго, проникнутаго глубокимъ уваженіемъ къ женщинѣ, по отношенію къ женскому образованію, показываетъ, какъ много можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ, если дана ему свобода дѣятельности [2]).

Ушинскій полагалъ: чтобы имѣть истинно достойную женщину, надо имѣть истинно достойнаго

---

[1]) К. Д. Ушинскій „Внутреннее устройство сѣверо-американскихъ школъ". Собр. Педаг. соч. 2-й дополн. томъ стр. 47.

[2]) А. Острогорскій „Педагогъ—идеалистъ". Вѣст. Восп. 1891 г. № 1.

мужчину, а для того, чтобы имѣть истинно достойныхъ мужчинъ, надо имѣть истинно достойныхъ матерей—сильныхъ, энергичныхъ и съ характеромъ [1]). Новымъ являются методическія и дидактическія указанія, касающіяся преподаванія, какъ отдѣльныхъ предметовъ, такъ и совокупности ихъ. Но что особенно, конечно, цѣнно въ системѣ Ушинскаго, это тонкія психологическія указанія, которыя онъ дѣлаетъ по поводу разныхъ задачъ воспитанія. Изъ этихъ указаній ясно обнаруживается, что Ушинскій въ духѣ современныхъ почти открытій въ этой области, дѣйствительно, смотрѣлъ на педагогику не какъ на прикладную психологію, что было-бы совершенно неправильно, но какъ на вспомогательную науку по отношенію къ педагогикѣ.

Педагогика имѣетъ свое собственное содержаніе, она охватываетъ *всю* личность, цѣлое, она говоритъ о нормахъ, идеалахъ, цѣляхъ; тогда какъ психологія касается только элементовъ въ цѣломъ, генезиса ихъ и никогда не можетъ быть нормативной, оцѣночной, послѣднее выходитъ за предѣлы психологіи.

О прикладной физикѣ мы можемъ говорить, а о прикладной психологіи нѣтъ, такъ какъ личность, съ которой мы имѣемъ дѣло въ воспитаніи, *не* есть простая сумма познавательныхъ, чувствующихъ и волевыхъ элементовъ, а всегда является *творческимъ цѣлымъ* съ надбавкой и плюсомъ творенія, изъ образующихъ элементовъ не выводимыхъ. Воспитаніе и аппелируетъ къ этому творческому цѣлому, въ которомъ психопедагогическія задачи скрещиваются.

---

[1]) Соб. пед. соч. доп. 2-й томъ „Одна изъ темныхъ сторонъ германскаго воспитанія" и „Отчетъ командир. для осмотра загранич. женск. учеб. завед. кол. сов. К. Ушинскаго" стр. 263.

„Почти всякое педагогическое правило, говоритъ Ушинскій, (въ „Предисловіи“ къ Антропологіи), является результатомъ не одного психическаго закона, но многихъ, такъ что, перемѣшивая этими педагогическими правилами наши психическіе анализы, мы вынуждены были-бы и многое повторять, и въ то-же время многаго не досказывать [1]).

Повидимому авторъ Антропологіи,—поставившій человѣка предметомъ воспитанія, дѣйствительно прозрѣлъ правду и далъ свое особое, отличное отъ психологіи, содержаніе педагогикѣ—дѣлу воспитанія, гдѣ элементы и цѣлое, цѣлое и элементы въ фокусѣ вниманія опытнаго и талантливаго педагога всегда вмѣстѣ и въ то-же время они раздѣльны: они слиты въ жизни, въ искусствѣ воспитанія и раздѣльны въ воспитательной теоріи—въ наукѣ воспитанія.

Въ этомъ объясненіи нельзя не усмотрѣть еще новый доводъ въ пользу обоснованія у Ушинскаго педагогики, какъ науки, а не только искусства.

Насколько у Ушинскаго психологія и педагогика естественно переплетаются въ новой дисциплинѣ будущаго—психопедагогикѣ или наукѣ о личности—видно изъ разныхъ мѣстъ его сочиненій. Наука эта должна вѣрнѣе, ближе и опредѣленнѣе установить истинныя отношенія между психологіей и педагогикой творческой личности.

Интересно взять его разсужденія о лѣни. Вопросъ этотъ почти всѣхъ воспитателей интересуетъ. „Не трудно [2]), говоритъ Ушинскій, прекратить лѣнь у ребенка въ зародышѣ: заставить ребенка заниматься

---

1) См. 2-й доп. томъ пед. соч. Ушинскаго стр. 376.

2) Ibidem, стр. 58.

при себѣ. Но что вы будете дѣлать съ закоренѣлымъ лѣнивцемъ, для котораго легче вытерпѣть стыдъ, выслушать выговоръ, остаться въ томъ-же классѣ, чѣмъ преодолѣть вкоренившуюся страсть. Не погубите ли вы его, оставивъ его безъ наказанія? Дожидаться пока онъ образумится? Но лѣнь укореняется съ каждымъ днемъ, а между тѣмъ годы уйдутъ, а вмѣстѣ съ ними уйдетъ и возможность воспитанія и ученія?

Разсмотрите психическую основу лѣности: это не болѣе какъ привычка быть невнимательнымъ, или непривычка управлять своимъ вниманіемъ, и ребенокъ предается съ наслажденіемъ мысленному кейфу.

Лѣнь—порокъ не однихъ дѣтей: взрослые люди и цѣлыя націи платятъ ему обильную дань. Чтобы полюбить умственную работу, надобно мало-по-малу незамѣтно привыкнуть къ ней. Развитіе этой привычки въ ребенкѣ совершенно зависитъ отъ воспитанія и составляетъ основную и труднѣйшую его задачу: вотъ почему степень вниманія учениковъ служитъ по нашему мнѣнію лучшимъ термометромъ достоинства воспитателя и преподавателя, годности методы преподаванія и правильности устройства учебнаго или воспитательнаго заведенія. И слѣдовало бы наказывать не воспитанниковъ, а воспитателей, не пріучившихъ ихъ быть внимательными“.

Въ этомъ разсужденіи психологическій анализъ не исключаетъ, но предполагаетъ особыя педагогическія требованія, предъявляемыя къ живой личности преподавателя, какъ къ чему-то единому и цѣльному. Въ Антропологіи К. Д. разсѣяно много интересныхъ и вѣрныхъ мыслей относительно развитія нашихъ душевныхъ способностей. Взять хотя бы вопросъ о

развитіи памяти. Причиной забывчивости часто является лѣность вспоминать забытое, привычка небрежно обращаться съ слѣдами воспоминаній, нерѣшительность характера и т. д. Припоминаніе есть трудъ и трудъ иногда нелегкій, къ которому ребенка надо пріучить[1]), надо пріучить и къ сосредоточенному вниманію.

Ушинскій явился на рубежѣ старой и новой школы и внесъ свѣтъ въ народную школу, окончательно уничтоживъ прежнюю суровость и рѣшительно осуществивъ въ школѣ евангельскую любовь.

Матеріалъ, данный имъ дѣтямъ въ книгахъ „Родное Слово" и „Дѣтскій Міръ" вызывали блескъ въ дѣтскихъ глазахъ, иногда улыбку, порой дѣтскій смѣхъ [2]).

Задача, которую Ушинскій себѣ поставилъ, дать ребенку первую русскую книгу для чтенія—очень нелегкая. Ушинскому надо было создавать все самому. Первая книга должна давать ребенку все, что ему надо,—знаніе во всѣхъ областяхъ, основы нравственнаго и религіознаго народнаго міровоззрѣнія. Этимъ требованіямъ и удовлетворяютъ книги Ушинскаго. Ему нужно было самому создавать статьи научнаго содержанія, потому что въ то время популярныхъ и научныхъ книгъ, доступныхъ дѣтскому пониманію, не было [3]). Его главная историческая заслуга въ томъ, что онъ принялъ во вниманіе психологію и запросы ребенка и сумѣлъ ихъ удовлетворить и въ „Руко-

[1]) 2-й доп. томъ педаг. соч. К. Д. Ушинскаго.

[2]) М. Соколова „Значеніе Ушинскаго для нашей народной школы", Русская Школа 1896 г. Кн. 1-я.

[3]) М. Соколова „К. Д. Ушинскій, какъ авторъ книгъ „Родное Слово" и „Дѣтскій міръ". Русская школа 1901 г. № 2.

водствѣ къ преподаванію по Родному Слову“ осмысленно направилъ самого преподавателя давъ, подобно Песталоцци, въ руки родителей и учителей лучшее пособіе по методикѣ русскаго языка и до настоящаго времени. „Дѣтскій Міръ“, предисловіе къ 1-му изданію этой книги (см. 2-й доп. томъ пед. соч. Уш.) и христоматія Ушинскаго полны полезныхъ свѣдѣній для педагога. Всѣ пособія Ушинскаго основаны на наглядности, заимствованной имъ у Песталоцци.

Трудно сравнивать „Родное Слово“ Ушинскаго съ книгой, одновременно вышедшей, „Нашъ другъ“ бар. Корфа, т. к. первая книга вся проникнута, какъ и авторъ ея, идеалистическимъ направленіемъ, а вторая даетъ преобладаніе статьямъ утилитарнаго характера и разнымъ дѣловымъ и практическимъ свѣдѣніямъ передъ всѣми другими.

Бар. Корфъ думалъ, что книга для чтенія, наполненная статьями общеобразовательнаго характера, литературными отрывками и стихотвореніями, неумѣстна въ нашей бѣдной и суровой народной школѣ.

И если иногда нѣкоторые разсказы изъ „Родного Слова“ кажутся пустяками суровымъ крестьянамъ, зато остальныя достоинства „Родного Слова“ настолько велики, что книга эта, предназначенная, по словамъ Ушинскаго, „дѣтямъ мѣщанства, чиновничества и мелкаго дворянства“, оказывается не только пригодной, но и необходимой въ народной школѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ намъ народныя учительницы [1]).

---

[1]) М. Соколова „Значеніе Ушинскаго для народной школы“ Рус. Шк. 1896 г. кн. 1-я.

„Родное слово“ хотя написано не для народа, котораго Ушинскій непосредственно не зналъ, но оно проникнуто все религіозно-нравственнымъ духомъ [1]), вотъ почему оно и является глубоко народной книгой—основой національнаго воспитанія, приспособленной къ дѣтской психикѣ.

По словамъ народныхъ учительницъ основныя идеи педагогической этики и психологическія воззрѣнія Ушинскаго, дѣйствительно, легли въ основу нашей народной школы. И если еще организація эта не получила прочной структуры, то не основы ея оспариваются, а только частности.

С. А. Рачинскій—дѣятель по народному образованію, всецѣло посвятившій себя школѣ въ селѣ Татевѣ Смоленской губерніи, переселясь изъ барскаго дома, поживши одной жизнью съ крестьянами, говоритъ, что народъ ищетъ „не житейскаго, а возвышеннаго ученія“, и книгу „Родное Слово“ считаетъ замѣчательною, единственною въ своемъ родѣ въ нашей литературѣ [2]).

Родной языкъ Ушинскій сдѣлалъ центромъ первоначальнаго обученія, тѣсно съ нимъ связывая и группируя вокругъ него всѣ остальные предметы обученія. Онъ предполагалъ, давъ ребенку обильный матеріалъ для практическаго изученія языка въ первыхъ двухъ частяхъ „Родного Слова“, перейти въ 3-й части къ грамматикѣ и другимъ предметамъ (географіи, исторіи, ариѳметикѣ и т. д.), но преждевременная смерть помѣшала Ушинскому привести въ исполненіе

---

[1]) А. Острогорскій „Педагогъ-Идеалистъ“ В. В. 1891 г. № 1.
[2]) Сельская школа 1892 г., стр. 57.

свой планъ и онъ издалъ только изъ 3-го года одинъ первый отдѣлъ—грамматическій [1]).

Къ книгѣ „Родное Слово" Ушинскаго можно подойти еще и съ лингвистической точки зрѣнія, т. е. разсмотрѣть, что дала эта книга для науки языкознанія.

Е. Будде въ статьѣ своей „О значеніи Ушинскаго и его «Роднаго Слова» въ исторіи изученія и преподаванія отечественнаго языка" [2]) разсматриваетъ трудъ Ушинскаго главнымъ образомъ со стороны теоретическихъ основъ его.

„Практическое значеніе звукового метода, внесенное Ушинскимъ, подсказанное ему здравымъ смысломъ и близостью къ жизни, несомнѣнно. Ушинскій, дѣйствительно, первый за буквой подмѣтилъ звукъ. Онъ не противополагалъ науку и жизнь. Жизненное начало—звукъ положилъ въ основу своего метода.

Своимъ звуковымъ методомъ Ушинскій, говоритъ Будде, опередилъ университетскую науку. Лингвисты пошли по этому пути изслѣдованія фонетики въ изученіи исторіи языка. По рукописямъ возстановить звуковой составъ словъ языка—задача, которую поставила себѣ наука. Это открытіе, толчекъ, данный имъ развитію лингвистики, сдѣланъ было Ушинскимъ скорѣе полусознательно, чѣмъ сознательно, такъ какъ онъ ставилъ себѣ практическія цѣли.

Между тѣмъ, какъ наша университетская наука еще и до сихъ поръ не въ цѣломъ составѣ своихъ представителей пошла по новой дорогѣ, проложенной недавно для русскаго языкознанія, низшая школа уже

---

[1]) Демковъ. „Исторія русской педагогики" ч. III, стр. 364.
[2]) См. Русская школа 1901 г. Кн. 7—8.

со времени Ушинскаго, т. е. уже болѣе 40 лѣтъ, идетъ по этой новой дорогѣ; и остается только развить мысли Ушинскаго болѣе научно, провести его взгляды болѣе послѣдовательно и указать его промахи, объясняющіеся тѣмъ, что онъ все-таки былъ не ученымъ спеціалистомъ, а *геніальнымъ педагогомъ*, и тогда можно будетъ сказать, что Ушинскій содѣйствовалъ не только раціональной постановкѣ преподаванія, но и далъ толчекъ научной мысли своимъ смѣлымъ и умнымъ натискомъ на *буквоѣдство*.

Отнынѣ или нѣтъ совсѣмъ наукъ, которыя могутъ быть названы буквоѣдствомъ, или нѣтъ и не было Ушинскаго и его трудовъ по отечественному языку".

Теоретическія положенія, легшія въ основу его метода—шагъ впередъ въ развитіи науки. Въ этомъ историческая заслуга Ушинскаго въ теоріи науки, въ исторіи русскаго языка. Конечно, недочеты въ его научныхъ положеніяхъ могутъ быть найдены теперь: наука-лингвистика, конечно, опередила Ушинскаго.

Новое внесъ Ушинскій, по словамъ С. Покровскаго[1]), и въ науку о правѣ. Новизна по времени въ его воззрѣніяхъ на государственное право было включеніе имъ въ него того, что можетъ быть опредѣлено терминомъ «Общественнаго права». Эта мысль нашла себѣ признаніе въ государственномъ правѣ послѣдующаго времени, хотя ученіе Ушинскаго о государственномъ правѣ теперь, конечно, устарѣло.

Надо вспомнить, что во время профессорской дѣятельности Ушинскаго въ Демидовскомъ лицеѣ отъ лек-

---

[1]) *С. Покровскій.* „Государственныя правовыя воззрѣнія К. Д. Ушинскаго" Вѣстн. Восп. 1911 г. № 5.

тора по государственному праву требовалось, чтобы онъ знакомилъ слушателей съ существующими въ Россіи государственными учрежденіями и законами и не останавливался на общихъ основаніяхъ теоріи государственнаго права. Ушинскій не отдѣлялъ изученіе государственнаго права отъ общей историко-философской основы (знакомилъ со школами Гегеля, Савиньи), а практическое значеніе читаемаго имъ предмета расширялъ тѣмъ, что знакомилъ студентовъ, на ряду съ государственными учрежденіями, съ сословными и общественными, напр., крестьянскими сходами и въ этомъ отношеніи Ушинскій предвосхитилъ движеніе науки.

«Родное слово», сдѣлавшись достояніемъ народа, благодаря широкому распространенію этой книги, превзошедшему ожиданія самого Ушинскаго, способствовало привлеченію семьи и школы къ общественному воспитанію, дѣлало это воспитаніе народнымъ и подготовляло нынѣ законодательствомъ почти проведенное — всеобщее обязательное обученіе въ Россіи, которое должно быть такимъ же обязательнымъ, какъ содержаніе войска, администраціи, дорогъ и т. п., при чемъ на слово «обязательное» въ свое время на Ушинскаго напали, не понимая, что подъ этимъ словомъ скрывается одна изъ либеральнѣйшихъ идей[1]).

Касаясь всевозможныхъ педагогическихъ учрежденій. Ушинскій смотритъ на дѣтскіе пріюты, какъ на печальную необходимость, а на дѣтскіе сады—какъ на желательную, но мало доступную роскошь [2]). Учительскія же семинаріи, доставляющія кадръ образованныхъ и подго-

---

[1]) *К. Д. Ушинскій* „Вопросъ о народной школѣ" 2-й доп. томъ пед. соч. 1908 г.

[2]) „Отчетъ командированнаго для осмотра заграничныхъ женск. учебн. зав. Кол. Сов. Ушинскаго" 2-й доп. томъ пед. соч. 1908 г. стр. 224.

товленныхъ учителей въ народную школу, по мнѣнію Ушинскаго, насущная необходимость для процвѣтанія и развитія націи. Для этой-же цѣли необходимо поднять въ нашихъ школахъ преподаваніе отечественной географіи и исторіи.

Самая главная черта, отличающая русскаго образованнаго человѣка отъ иностранца, это та, что русскій весьма плохо знаетъ свое отечество, сравнительно даже съ малообразованнымъ швейцарцемъ, французомъ, нѣмцемъ, англичаниномъ [1]). Французъ перенесетъ вамъ Москву на берегъ Балтійскаго моря, но свою родину, свою исторію, ея великихъ писателей онъ непремѣнно знаетъ; русскій опишетъ вамъ подробно Лондонъ, Парижъ и даже Калькутту, и призадумается, если спросить у него, какіе города стоятъ на Окѣ. До тѣхъ-же поръ, покуда мы не знаемъ своей родины и пока это знаніе не распространится въ массѣ народа, мы не будемъ въ состояніи воспользоваться и тѣми средствами, которыя представляютъ намъ природа и населеніе страны, и будемъ бѣдны, потому что невѣжественны. Сколько нашихъ компаній на акціяхъ заплатили банкротствомъ за свое незнаніе родной страны и ея потребностей! Но отчего-же это происходитъ? Въ любви къ отечеству мы не уступимъ ни одному народу и доказали это не разъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Въ этомъ больше всего, считаетъ Ушинскій, виноваты сначала наша наука, а потомъ наша школа. Прежде всего необходимо, дѣйствительно сдѣлать, хоть изъ подражанія иностранцамъ, главными предметами—русскій языкъ, русскую географію, русскую исторію, возлѣ которыхъ группировались бы всѣ остальные; словомъ обратить нашу школу къ народности.

---

[1]) Ibidem, стр. 254.

Не обошелъ Ушинскій вопроса организаціи ремесленныхъ школъ въ столицахъ [1]). Мальчугановъ, платящихъ за ученіе ремесламъ своей нравственностью и здоровьемъ въ Петербургѣ не мало. Плата страшная!

Какъ часто видишь ребенка, лѣтъ 8, а на головѣ или за плечами страшная тяжесть: это добрый хозяинъ, не взвѣшивая ужасныхъ послѣдствій для мальчугашки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для всей націи, нагрузилъ товаромъ несчастнаго, какъ какое-то вьючное животное. А мы проходимъ мимо этихъ блѣдныхъ, замученныхъ нашихъ дѣтей почти всегда спокойные и равнодушные. Если въ комъ и содрогнется сердце, то помощь одному ребенку не уничтожаетъ зла въ корнѣ. Надо особымъ народнымъ воспитаніемъ, а не только обществами покровительства дѣтей отъ жестокаго обращенія, сдѣлать немыслимымъ такое всенародное истязаніе нашей дѣтворы. Надо видѣть въ ребенкѣ дитя, будущаго гражданина, работника, а не животную силу, которою уже можно воспользоваться. Устройство огромнаго количества городскихъ ремесленныхъ школъ въ Петербургѣ, педагогически поставленныхъ, создало бы городскому управленію честныхъ и занятыхъ дѣломъ людей и пресѣкло бы прогрессивное возростаніе преступленій.

Въ этой мысли Ушинскаго начертанъ разумный планъ борьбы съ современнымъ хулиганствомъ: брошенныя дѣти будущія отрепья общества, язвы на организмѣ его, а отвѣтственнымъ въ этомъ является само-же общество, допустившее ростъ и развитіе этой болѣзни.

Въ нашъ вѣкъ ходъ прогресса во всемъ несравненно быстрѣе прежняго, и что формировалось прежде столѣ-

---

[1]). *К. Ушинскій.* „Организація ремесленныхъ школъ въ столицахъ“ собр. пед. соч. 2-й доп. томъ 1908 г., стр. 306.

тіями, то формируется нынѣ годами [1]). Дитя также личность и также требуетъ покровительства законовъ. Итакъ, Ушинскій заботился и о профессіональномъ утилитарномъ воспитаніи, заботясь о разумной подготовкѣ полезныхъ для государства людей. Идеи Петровскаго времени нашли здѣсь свое гармоническое, всестороннее завершеніе.

Русское воспитаніе должно во многомъ измѣниться, говоритъ Ушинскій. Вотъ неприглядная картина его:

«Сидячая жизнь, при 20-ти градусномъ часто теплѣ въ комнатахъ, въ шубахъ и фланеляхъ, жизнь изнѣженная, сластённая, безъ всякихъ гимнастическихъ упражненій, безъ прогулокъ, безъ плаванья, безъ верховой ѣзды, безъ техническихъ работъ и т. п., все за книгой да за книгой, то за урокомъ, то за романомъ—вотъ почти нормальное у насъ явленіе въ воспитаніи дѣтей средняго состоянія. Что-же способно породить такое воспитаніе? Книгоѣдовъ, глотающихъ книги десятками, изъ чтенія которыхъ не выйдетъ никакого проку... способность все понимать и обо всемъ мечтать и неспособность что-нибудь дѣлать—вотъ плоды такого воспитанія...

Такимъ воспитаніемъ, разстраивающимъ и раздражающимъ нервныя системы дѣтей, мы перепортили цѣлыя поколѣнія и, къ величайшему сожалѣнію, мы не видимъ, чтобы и въ настоящее время сдѣлано было что-нибудь для исправленія этой коренной ошибки русскаго воспитанія. Надѣемся, впрочемъ, добавляетъ Ушинскій, что уничтоженіе крѣпостного состоянія, избавлявшаго русскаго дворянскаго мальчика даже и отъ необходимости вычистить самому себѣ сапоги и платье, принесетъ кос-

---

[1]) Ibidem, стр. 310.

венным образомъ большое улучшеніе въ этомъ отношеніи» [1]).

Это измѣненіе въ русское воспитаніе, далеко еще не законченное, внесъ К. Д. Ушинскій. Великая историческая заслуга Ушинскаго не только въ томъ, что онъ создалъ общественное воспитаніе на Руси, но и въ томъ, что онъ впервые сдѣлалъ дѣло образованія и воспитанія изъ докучной обузы—святымъ дѣломъ, дѣломъ призванія [2]). Излюбленная его идея, что смыслъ и цѣна жизни заключается въ трудѣ. Этой идеей проникнуты его книги, обращенныя, какъ къ взрослымъ, такъ и къ дѣтямъ. Право, было-бы въ высшей степени полезно такія статьи, какъ «Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи» и «Родное Слово», выучивать ученикамъ старшихъ классовъ на урокахъ литературы на память, предварительно разобравъ смыслъ, значеніе и красоту ихъ подъ руководствомъ преподавателя. Эти статьи Ушинскаго, такъ же какъ и нѣкоторыя выдержки изъ статей «О народности въ общественномъ воспитаніи» и «О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи», запечатлѣвшись въ юныхъ душахъ, пожалуй, заложили бы сѣмена для выработки въ будущемъ крѣпкихъ, народныхъ и нравственныхъ убѣжденій.

Если для К. Д. воспитаніе—плодъ творческаго духа—искусство, все-же и для него оно должно имѣть научный базисъ, данный имъ въ его Антропологіи и мы находимъ это въ его системѣ педагогики.

Педагогическое міровоззрѣніе К. Д. свѣтится внутреннимъ идеализмомъ, признающимъ, что жизнь есть преимущество духа надъ матеріей, отсюда религіозность,

---

[1]) Соб. пед. соч. Ушинскаго 2-й доп. томъ стр. 378.

[2]) *Ю. Айхенвальдъ* „Памяти К. Д. Ушинскаго“ В. В. 1901 г. № 3.

основанная на любви къ природѣ, на чемъ-то реальномъ. Требованіе Ушинскаго въ воспитаніи гармоническаго воспитанія, противополагая его до нѣкоторой степени Пирогову, соединяетъ реализмъ и классицизмъ въ одно цѣлое.

Ушинскій думалъ, что организація педагогическихъ факультетовъ при университетахъ поможетъ яснѣе разобраться въ сложныхъ педагогическихъ вопросахъ, всегда къ тому-же составляющихъ вопросы жизни.

Вѣра въ силу воспитанія, личный идеализмъ Ушинскаго питались идейнымъ направленіемъ времени—освобожденіемъ крестьянъ.

Незабвеннаго педагога нужно считать однимъ изъ наиболѣе раннихъ иниціаторовъ и организаторовъ общественной помощи въ несчастные для русскаго народа голодные годы.

В. Чернышевъ приводитъ письмо К. Д. Ушинскаго о голодѣ въ Россіи. Это письмо удалось ему разыскать въ «Голосѣ» 1868 г. № 17 [1]), во 2-й дополнительный томъ собранія педагогическихъ сочиненій 1908 г. эта статья не вошла. До такой степени эта статья современна, что стоитъ привести краткое содержаніе ея.

Письмо Ушинскаго обращено къ редактору журнала. Ушинскій указываетъ редактору, что въ газетѣ помѣщаются приглашенія публики къ пожертвованіямъ по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Въ ней раздавался призывъ къ помощи французамъ, итальянцамъ, германцамъ, финнамъ, западнымъ славянамъ и неграмъ богатой Сѣверной Америки. «Все это хорошо, я далекъ отъ мысли, чтобы выражаться съ укоризной объ этихъ сборахъ. Къ чести чело-

---

[1]) См. Русск. Шк. 1912 г. № 3.

вѣческаго сердца сострадание его не знаетъ предѣловъ ни національности, ни странъ, ни частей свѣта. Но даже само Евангеліе—эта всемірная проповѣдь состраданія—узаконяетъ преимущественное сострадание къ ближнимъ. Начинаютъ появляться извѣстія, по истинѣ потрясающія душу, о начинающемъ и уже свирѣпствующемъ голодѣ въ родныхъ частяхъ Россіи. Чѣмъ глуше и отрывочнѣе эти прискорбныя извѣстія, тѣмъ сильнѣе они дѣйствуютъ на душу, и невольно ищешь въ передовой статьѣ газеты какихъ-нибудь мыслей и соображеній, вызванныхъ у редакціи этими страшными извѣстіями, невольно ищешь на послѣдней страницѣ объявленій о какихъ-нибудь сборахъ или другихъ благотворительныхъ предпріятіяхъ для смягченія этихъ бѣдствій и для предотвращенія еще большихъ въ близкомъ будущемъ, ищешь... и къ удивленію своему не находишь ни того, ни другого. Денегъ у Петербургскаго общества довольно, нельзя также сомнѣваться въ его готовности помочь. Безъ сомнѣнія тысячи мнѣ подобныхъ ищутъ только руки, которой можно было бы передать свою посильную лепту, съ увѣренностью, что эта лепта достигнетъ своего назначенія. Какъ-то неловко веселиться въ такое время, и невольно ищешь возможности чѣмъ-нибудь оплатить право на свое веселье. Укажите намъ эту возможность, г. редакторъ!»

Ушинскій кончаетъ письмо призывомъ какъ можно скорѣе, безъ малѣйшей потери времени, организовать общественную помощь.

Вотъ какъ сильно жила въ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ общественно-народная черта жить съ другими, въ другихъ и для другихъ, жить совершенствуясь во имя высшей правды.

Усвоивъ многое изъ корней историческаго прошлаго, Ушинскій чутко и глубоко воспринималъ новыя идеи своего времени, творчески объединяя все. Ближайшимъ образомъ эта связь съ настоящимъ сказалась въ его отношеніи къ Н. И. Пирогову, а потому подведемъ итогъ ихъ взаимовліянію.

К. Д. Ушинскій, относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ Н. И. Пирогову, усвоивъ взгляды великаго реформатора, развилъ ихъ полнѣе, шире, глубже, настолько творчески переработалъ педагогическую мудрость всего своего времени, что сумѣлъ раскрыть для насъ законы, правила воспитательной дѣятельности далекаго будущаго. Въ этомъ проявилась индивидуальная геніальность К. Д. Ушинскаго, заставляющая насъ отвести ему особое, ему одному присущее, мѣсто въ исторіи русской педагогики, мѣсто великаго реформатора русской педагогики—мѣсто народнаго педагога.

Поскольку К. Д. Ушинскій обосновываетъ подробнѣе Пирогова необходимость общечеловѣческаго воспитанія, отмѣчая одновременно существующія у насъ къ этому препятствія, постольку онъ родственъ Пирогову; но какъ только Ушинскій развертываетъ педагогическія понятія Пирогова, дополняя ихъ новыми основаніями, онъ идетъ по новому пути, имъ самимъ избранному и обоснованному, въ видѣ гуманистическаго реализма, вылившагося у него въ форму національной педагогики. Чтобы отмѣтить новизну, оригинальность педагогическаго ученія Ушинскаго въ историческомъ развитіи новой русской реформированной педагогики, мы остановились на иномъ характерѣ міровоззрѣнія Ушинскаго, сравнительно съ Н. И. Пироговымъ, окрестили особымъ философскимъ названіемъ педагогическую систему его и формулировали основное ядро этой системы.

Если Н. И. Пироговъ указалъ впервые на цѣль воспитанія—«ищи быть и будь человѣкомъ», Ушинскій показалъ намъ, какъ можно стать человѣкомъ, опредѣливъ новые пути реализированія въ жизни идеала, черезъ воспитаніе сына родины. Нѣсколько отвлеченную и мистическую формулу Пирогова, хотя и необходимую въ видѣ пропедевтики воспитанія, К. Д. Ушинскій обратилъ въ *дѣло* жизни, въ конкретное выраженіе, въ систему *индуктивной педагогики*. Индуктивность педагогической системы Ушинскаго проявилась въ его требованіи національнаго воспитанія. Но надо помнить, что національность К. Д. Ушинскаго предполагаетъ, включаетъ въ себя универсальность Пирогова, да и по существу своему оба эти понятія не могутъ быть отдѣлимы. Національность въ воспитаніи, не удобряемая универсальными соками, обрекаетъ себя на худосочіе и вымираніе. И это прекрасно понималъ Ушинскій. Пироговъ намѣтилъ, а К. Д. Ушинскій разработалъ возможность примиренія національнаго, какъ индивидуальнаго, съ универсальнымъ—созданіемъ разумнаго, соціальнаго гражданскаго воспитанія, правда, не вполнѣ еще выработаннаго у Ушинскаго. Послѣднее полно было осуществлено въ исторіи русскаго воспитанія В. Я. Стоюнинымъ. Требованія Ушинскимъ — выработки общественнаго педагогическаго мнѣнія, развитія педагогической литературы, устройства народныхъ школъ, семинарій, правильной организаціи женскаго и университетскаго воспитанія—всѣ эти требованія, поднимая народъ національно, вырабатываютъ въ немъ гражданскія чувства. Развитіе же гражданственности даетъ возможность народу индивидуально участвовать въ прогрессивномъ развитіи всего человѣчества. И это отмѣтилъ Ушинскій.

Кромѣ того, К. Д. Ушинскій прибавилъ еще требова-

ніе—познать народу себя въ корняхъ своихъ и сообразно съ этимъ строить и само воспитаніе, какъ народное дѣло, не забывая идеальныхъ задачъ воспитанія. Такъ индукція и дедукція синтетически были объединены Ушинскимъ.

Если Пироговъ указалъ на необходимость связи педагогики съ философіей, Ушинскій доказалъ, почему эта связь необходима. Цѣлымъ рядомъ доказательствъ философскаго характера, Ушинскій показалъ, что философская разработка педагогическихъ вопросовъ необходима потому, во-первыхъ, что отучаетъ насъ отъ слѣпого подражанія Западу, во-вторыхъ, заставляетъ сознательно выработать цѣль и средства воспитанія, и, въ-третьихъ, указываетъ на необходимость искать въ педагогикѣ положительное, а не отрицательное знаніе. Мы знаемъ, что Н. И. Пироговъ самъ прекрасно умѣлъ слово обратить въ дѣло, но тайну этого умѣнія унесъ съ собой въ могилу. Тайну генія перваго реформатора изъ вѣчности вынесъ другой геній-реформаторъ К. Д. Ушинскій. Онъ видѣлъ больше, лучше, полнѣе и глубже другихъ и созданіемъ національной педагогики далъ намъ орудія для педагогической культуры.

Перечисляя черты русскаго народнаго характера, составляющія его духовное обличіе, историческую какъ бы традицію, скрытый идеалъ народа, которымъ онъ руководствуется всегда въ своей практической дѣятельности, Ушинскій отмѣчаетъ глубокую религіозность народа и добавляетъ, что религіозность народа — православіе съ его всемірно историческимъ значеніемъ, а послѣднее вполнѣ совпадаетъ со скрытой силой универсально христіанскихъ началъ въ нашемъ народѣ. Дѣйствительно, самъ Ушинскій, указывая на условія реализаціи идеала, или, другими словами, на конкретизированіе въ воспитаніи понятія человѣка, въ числѣ разныхъ условій, отмѣ-

чаетъ необходимость сдѣлать міровоззрѣніе народа болѣе христіанскимъ, чѣмъ оно было до сихъ поръ. Вотъ что говоритъ Ушинскій по этому поводу, вполнѣ сочувствуя универсально христіанскому міровоззрѣнію Пирогова [1]): «начиная съ разныхъ точекъ зрѣнія, предлагая различныя средства, избирая различные пути, всѣ мы, если только мы искренни, стремимся къ одному и тому же: къ тому идеалу человѣка и человѣческой жизни, который намъ изображенъ въ личности Спасителя; ибо этотъ образецъ сталъ основою всей европейской исторіи. Христіанство — сознательное или безсознательное — вотъ тотъ, часто невидимый, но глубоко и всегда чувствуемый центръ, къ которому, пробиваясь между предразсудками и эгоистическими стремленіями людей, прокладываетъ дорогу общественное мнѣніе Европы. Загляните въ сочиненія самыхъ крайнихъ матеріалистовъ и вы увидите, что ихъ теорія міросозерцанія расходится совершенно съ нравственными стремленіями тѣхъ же самыхъ людей: ихъ теорія служитъ могучимъ оправданіемъ чувственности, эгоизму, рабству, деспотизму, первенству людей по тѣлесному устройству, первенству по расамъ, поламъ, возрастамъ, угнетенію безсильнаго сильнымъ; нравственныя же ихъ стремленія идутъ совершенно въ противоположную сторону и часто направляются, именно, къ тому идеалу человѣка, который изображенъ на страницахъ Евангелія, вѣчно юныхъ, вѣчно новыхъ для Европы. Теорія, оправдывающая всякую безнравственность и остающаяся безъ всякихъ нравственныхъ послѣдствій, и глубоко нравственныя стремленія, не оправдываемыя теоріею! Это странное явленіе и множество другихъ не доказываютъ ли, что христіанство, несмотря ни на какія

---

[1]) „Педаг. соч. Пирогова"—К. Д. Ушинскій стр. 498.

теоріи, проникаетъ въ настоящее время глубже, чѣмъ когда-нибудь, въ общественное убѣжденіе Европы? Въ настоящее время общественное мнѣніе такъ настроено, что стоитъ только быть угнетеннымъ, бѣднымъ, униженнымъ, чтобы возбудить его въ свою пользу: оно заботится о тѣхъ классахъ общества и о тѣхъ расахъ, которыя сами о себѣ не заботятся; оно обращается съ участіемъ даже къ преступникамъ и ищетъ возможности ихъ оправданія. Кто хочетъ составить себѣ имя, привлечь общественное вниманіе, тотъ, по краней мѣрѣ, притворяется человѣкомъ, глубоко сочувствующимъ бѣдности и несчастію и рисуется готовымъ на всякое самопожертвованіе въ пользу своихъ меньшихъ братьевъ [1]). Развитіе этого гуманнаго, христіанскаго и современнаго европейскаго характера въ душѣ воспитанника, заканчиваетъ Ушинскій, составляетъ безъ сомнѣнія, по мнѣнію Н. И. Пирогова, основную и окончательную цѣль воспитанія». И самъ К. Д. Ушинскій подчеркиваетъ значеніе воспитанія человѣка, потому что воспитаніе прежде всего человѣка въ воспитанникѣ—«это, дѣйствительно, столько же требованіе христіанства и современности, сколько и требованіе здравой педагогики, основанной на психологіи... Христіанство—и есть та гуманность, о которой наиболѣе обязано заботиться истинное воспитаніе».

Гуманность нашего народа вытекаетъ изъ врожденнаго идеализма и религіозности народа, углубленія его во внутренній міръ, стремленій его къ нравственному самоусовершенствованію, что и отмѣчаетъ Ушинскій въ разныхъ мѣстахъ своихъ педагогическихъ сочиненій [1]).

---

[1]) ibidem, стр. 499.

Первоначальное здоровое воспитаніе является необходимымъ посредникомъ между человѣкомъ и церковью [1]). Надо помнить, что духовное воспитаніе человѣка и народа совершаются не только школою, но природою, жизнью, наукой и религіей и всѣмъ этимъ началамъ Ушинскій даетъ мѣсто въ своей національной педагогикѣ. Если нашъ народъ бѣденъ и земля наша не даетъ и десятой доли доходовъ, которыя она могла бы дать, это происходитъ, конечно, отъ необразованности народа.

Отношеніе личности къ обществу было прекрасно выяснено Вл. Соловьевымъ въ сочиненіи его „Оправданіе Добра“. Индивидуумъ, это—суженное неорганизованное, потенціальное общество, а общество, это—размноженная, организованная, обнаруженная индивидуальность. Одно безъ другого не можетъ существовать, а оба предполагаютъ, включаютъ въ себя другъ друга. Такимъ образомъ, Н. И. Пироговъ въ центръ своей педагогической системы поставилъ воспитаніе индивидуума—потенціальное общество, а К. Д. Ушинскій, благодаря добавочныхъ педагогическимъ изысканіямъ, показалъ почему и какъ индивидуумъ долженъ быть обращенъ въ организованную личность, т. е. въ общество людей, соединенныхъ цементомъ нравственныхъ элементовъ, образующихъ то, что мы называемъ „наша національность“. Такъ можетъ быть установлено истинное отношеніе между педагогическими системами Н. И. Пирогова и К. Д. Ушинскаго при помощи психологическаго и историческаго ихъ изученія.

---

[1]) К. Д. Ушинскій „Вопросы о народныхъ школахъ“ 2-й доп., томъ Пед. соч. 1908 г.

Необходимость созданія національной педагогики изъ корней психологіи и исторіи народа останется прочнымъ кореннымъ достояніемъ для всякихъ будущихъ работъ въ индуктивной педагогикѣ.

К. Д. Ушинскій,—изслѣдователь русской исторической правды—истины, не смущался отмѣтить въ очертаніи народнаго характера и слабыя стороны его, хотя бы, какъ онъ выражался, запахъ русскаго кваса, напримѣръ, въ національной чертѣ русскаго патріотизма, въ русской религіозности—оттѣнокъ суевѣрія, въ чувствахъ—раздвоенность, въ волевой дѣятельности—силу инстинкта. Всѣ недочеты народнаго характера, остающагося однороднымъ на всемъ протяженіи исторіи, могутъ быть сглажены, говоритъ Ушинскій, при помощи ясно понятаго, раціонально созданнаго національнаго воспитанія.

Если Ушинскій, отмѣчая религіозность русскаго народа, какъ основную черту его, тѣмъ не менѣе требовалъ отъ народа болѣе христіанскаго міровоззрѣнія, то это потому, что онъ понималъ, что естественное въ человѣкѣ обладаетъ особенностью быстро исчезать, стушевываться безъ благопріятной питательной среды, выращивающей естественныя, прекрасныя, лучшія черты народа. Воспитаніе—вотъ та питательная среда, которая не только извлекаетъ, обнаруживаетъ, но и выращиваетъ, развиваетъ то, что лежитъ въ самомъ корнѣ народнаго характера, сглаживая тѣмъ же воспитаніемъ понятые недостатки народнаго характера. Раскрыть содержаніе такого воспитанія составляло задачу педагогической системы Ушинскаго, какъ научно-философски обоснованнаго міровоззрѣнія его.

К. Д. Ушинскій 15 лѣтъ работалъ надъ созданіемъ разумнаго, русскаго народнаго образованія. Почти все созданное имъ, держится до нашего времени. Конечно,

педагогическое дѣло со временъ Ушинскаго развивалось, можетъ быть, не всегда явнымъ, видимымъ для всѣхъ образомъ, но К. Д. Ушинскій и до сихъ поръ изъ-за гроба продолжаетъ учить насъ. И многое, отмѣченное Ушинскимъ, находитъ свое подтвержденіе и дополненіе въ новыхъ изслѣдованіяхъ русскихъ ученыхъ.

Правда, три четверти высказаннаго К. Д. Ушинскимъ до сихъ поръ не использованы русской школой, несмотря на то, что высказанное въ этихъ статьяхъ—глубокая правда и единственный дѣйствительный способъ реформированія русской школы и черезъ нее и русской жизни. «Родное Слово» Ушинскаго—этотъ систематическій руководитель для первоначальнаго обученія, единственный по цѣнности и до настоящаго времени, «Дѣтскій Міръ»—книга для класснаго чтенія,—сообразно росту ребенка до 10 лѣтъ,—до сихъ поръ цѣнныя книги. Сочиненія Ушинскаго воспитали цѣлый рядъ поколѣній. На русскомъ книжномъ рынкѣ сочиненія Ушинскаго пользовались и пользуются небываломъ успѣхомъ. Черезъ 10 лѣтъ по выходѣ «Педагогической Антропологіи», она вышла 5 изданіемъ, черезъ 30 лѣтъ «Дѣтскій Міръ» вышелъ 27 изданіемъ, черезъ 25 лѣтъ «Родное Слово» вышло 99 изданіемъ. Фактъ въ исторіи русской педагогики безпримѣрный, а для западныхъ сосѣдей интересный, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и поучительный.

Если окинуть бѣглымъ взглядомъ ходъ развитія русской и западно-европейской педагогики, нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ особенностей той и другой, особенно въ ихъ взаимоотношеніи.

Конечно, сравненіе, которое возможно провести между ходомъ историческаго развитія русской и западно-европейской педагогики, предполагаетъ признаніе

историческаго развитія русской педагогики, которое Ушинскій временами совершенно отрицалъ,—по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ свѣтской школѣ—какъ и было указано въ предшествующей главѣ. Но Ушинскій самъ во всѣхъ изслѣдованіяхъ по вопросу выясненія народности въ общественномъ воспитаніи опирается на исторію своего народа и требуетъ изъ родниковъ народной жизни черпать сокровища для образованія народнаго, національнаго характера. Слѣдовательно, Ушинскій, видимо, отрицаетъ не исторію русскаго воспитанія, а наличность выработанной исторически народной традиціи. Вѣрнѣе было бы сказать, что у насъ есть народная традиція и не можетъ не быть, разъ народъ пережилъ исторію своего воспитанія, но эта традиція въ воспитаніи не выявлена, не осознана и не приведена самоопредѣленіемъ народа до роли основы дальнѣйшаго національнаго воспитанія.

Нашъ вѣкъ, XX вѣкъ принялъ на себя эту задачу, что и обнаруживается въ появленіи большаго, чѣмъ прежде, количества изслѣдованій по исторіи русской педагогики и цѣлаго ряда изслѣдованій по вопросамъ національнаго воспитанія, выдвинутаго запросами нашихъ дней.

Солидныя исторіи русской педагогики, монографіи о національныхъ дѣятеляхъ въ русской жизни и статьи, принципіально освѣщающія съ различныхъ точекъ зрѣнія, національный вопросъ, какъ таковой, дадутъ возможность въ будущемъ и, быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ, опредѣленно выяснить и поставить національное воспитаніе въ русской жизни.

Конечно, послѣдняя задача не могла войти въ предлагаемое вниманію читателя изслѣдованіе, такъ

какъ вывела бы изъ предѣловъ намѣченной темы: обрисовать жизнь и ученіе К. Д. Ушинскаго на фонѣ прошлой русской жизни и выяснить роль его, какъ родоначальника національнаго воспитанія въ Россіи.

Если до Ушинскаго намѣчались требованія національнаго воспитанія, это нисколько не подрываетъ значенія имъ поставленнаго завѣта.

Хорошо формулируетъ Будде свою мысль о значеніи новизны въ наукѣ, что можетъ быть примѣнено къ вопросу о роли К. Д. Ушинскаго въ исторіи русскаго воспитанія.

„Мы не будемъ разбирать вопроса о томъ, самостоятельно ли Ушинскій пришелъ къ этой мысли“ (въ данномъ случаѣ—національнаго воспитанія), „или на нее навело его общее образованіе и знакомство съ педагогикой въ Западной Европѣ. Для насъ безразлично, какого происхожденія та или другая геніальная мысль, тѣмъ болѣе, что никто изъ насъ, строго говоря, не является *вполнѣ* самостоятельнымъ и независимымъ отъ условій своего образованія, своего времени и жизненной среды. Кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ мы и не можемъ рѣшительно высказаться по вопросу о томъ, откуда явилась та или другая мысль у человѣка, кто ее навѣялъ и т. п.“ [1]).

Перейдемъ къ разсмотрѣнію Западно-европейской педагогики [1]). Вся древняя Западно-Европейская педагогика была проникнута подчиненіемъ личности государству. Начиная отъ 2-й половины V-го вѣка

---

[1]) См. статью Будде „О значеніи Ушинскаго и его „Родного Слова“ въ исторіи и преподаваніи отечественнаго языка“ Русская школа 1901 г. Кн. 7—8.

[1]) Шмидтъ „Исторія западно-европейской педагогики“. Модзалевскій Паротцъ и др. соч.

до Р. Хр., т. е. со времени, когда впервые появляется философія и вопросы воспитанія освѣщаются теоретически, мы видимъ, какъ личность, дѣйствительно, вполнѣ растворяется въ жизни государства. Особенно ярко проявилось это въ системѣ воспитанія Платона. „Государство", „Республика", „Законы", посвященные выясненію жизни государства, одновременно съ этимъ развертываютъ передъ нами и воспитаніе человѣка. То же справедливо и относительно политики Аристотеля.

Конечно, и до Платона, до Сократа и до софистовъ въ греческой жизни существовало воспитаніе, но оно было такъ примитивно, что трудно серьезно останавливаться на немъ. Съ нѣкоторой натяжкой можно назвать странствующихъ рапсодовъ, распѣвающихъ пѣсни Гомера и Гезіода и считающихся съ закономъ интереса въ воспитаніи (исполненіемъ пѣсни вызывался интересъ и благодаря ему прививались нравственныя понятія),—первыми практиками воспитанія, но въ этой практикѣ нѣтъ еще ясно очерченной идеи воспитанія, которая ко 2-й половинѣ V вѣка до Р. Хр. уже появилась.

Разцвѣтъ аѳинской демократіи и греческой философіи наложили отпечатокъ нѣкоторой идеалистичности на грековъ, сравнительно съ ихъ завоевателями римлянами. Греко-римскій періодъ, въ лицѣ Плутарха и Квинтилліана объятъ тою же идеей государственной педагогики; физическое здоровье, воинственность, практичность выдвигаются какъ необходимыя качества. Съ появленіемъ христіанства, къ эпохѣ блаженнаго Августина, другая идея западнаго воспитанія становится преобладающей—идея средневѣковая. Теперь личность подчиняется церкви и проповѣдует-

ся аскетизмъ. Съ IV в. по Р. Хр. борьба духа и тѣла продолжается почти до эпохи первыхъ гуманистовъ, т. е. до XIV вѣка.

Правда и во время средневѣковья явился уже цѣлый рядъ сознательныхъ и безсознательныхъ протестовъ противъ него, а именно: рыцарство вмѣсто семи свободныхъ искусствъ—trivium и quadrivium—ввело въ свою жизнь семь свободныхъ утѣхъ; арабская культура съ Авверроэсомъ стала знакомить людей съ подлиннымъ, а не схоластическимъ средневѣковымъ Аристотелемъ, — чѣмъ подняла древнюю истинную философію; Рожеръ Бэконъ призвалъ къ индуктивному, опытному изслѣдованію въ наукѣ; въ Италіи стали возникать городскія школы (Генуя, Венеція и др.), вслѣдствіе чего наука демократизировалась. Все это вмѣстѣ взятое подчеркивало гуманистическое движеніе XIV вѣка и первыми реформаторами жизни, слѣдовательно, и человѣка явились первые гуманисты – Петрарка и Боккачіо.

Конечно, въ періодахъ западно-европейской педагогики, совершенно такъ-же какъ и русской, нельзя проводить рѣзко демаркаціонную черту между однимъ періодомъ и другимъ: они всегда другъ въ друга входятъ и новое уживается со старымъ, очень медленно уничтожая его, а въ старомъ всегда зрѣетъ новое, хотя иногда и очень своеобразно оформленное, до полной неузнаваемости этого новаго. Вотъ почему правы тѣ изъ историковъ средневѣковья, которые говорятъ, что описанія схоластики болѣе схоластичны часто, чѣмъ сама схоластика: и въ средніе вѣка люди жили, страдали и мучились не менѣе, чѣмъ мы, и у нихъ были свои стремленія. Этого жизненнаго элемента схоластики и всего средневѣковья намъ и не слѣдуетъ

упускать изъ виду при описаніи этого времени. Взять хотя-бы готическій стиль этого времени. Идея чаши Грааля нашла свое выраженіе въ готическихъ соборахъ того времени. Ульмскій, Кельнскій, Страсбургскій, Фрейбургскій, Парижскій и др. соборы готики, съ высокими, легкими, совершенно кружевными стропилами, сходящимися къ единому центру единаго незримаго и вѣчнаго—тамъ въ безконечной выси неба, развѣ это не свидѣтельствуетъ до сихъ поръ о безконечной силѣ духа, порывахъ его, насыщенныхъ жизненной мощью, но направленныхъ только не по эту, а по ту сторону добра и зла?!

3-й періодъ западной педагогики—періодъ реформаторскій, начатый для общей жизни гуманистическимъ движеніемъ, продолженный, по отношенію къ церкви, реформаціей, выразился въ воспитаніи системами XV и XVI вѣковъ—въ лицѣ Раблэ и Монтэня. Идея, ими провозглашенная—свободное и полное развитіе личности. Амосъ Коменскій XVII в., Локкъ и Руссо XVIII вѣка, Песталоцци и Дистервегъ XIX в. и др. все глубже и опредѣленнѣе выясняютъ въ своихъ системахъ, какъ надо осуществить систему свободнаго и естественнаго развитія личности

Въ концѣ XIX вѣка заговорили на Западѣ о новомъ періодѣ педагогики, о педологіи—наукѣ о ребенкѣ, разсматривая ребенка какъ особый предметъ воспитанія, отличный отъ взрослыхъ.

Американецъ Стэнли Холлъ, женевецъ Клапаредъ, а раньше ихъ Элленъ Кей, произведшая переворотъ въ умахъ всѣхъ западныхъ воспитателей своимъ сочиненіемъ „Вѣкъ ребенка“,—всѣ они заговорили не просто о ребенкѣ, но заявили о необходимости научно изучать и изслѣдовать природу ребенка, это, конечно,

ново по отношенію къ представителямъ педагогики начала XIX вѣка.

Если сравнить теперь ходъ развитія западной и нашей педагогики, нельзя не отмѣтить прежде всего запоздалость появленія русскаго просвѣщенья и русскаго воспитанія: русская жизнь начинаетъ свое сознательное существованіе съ X в. п. Р. X.—съ появленія христіанства, тогда какъ на западѣ уже къ этому времени пройдена греко-римская жизнь, богатая содержаніемъ, и средневѣковая, въ которой христіанскія идеи отъ внѣшняго ихъ усвоенія—церковнаго—начали понемногу уже переходить во внутреннюю жизнь народа, измѣняя не только строй мыслей, чувствъ и стремленій людей запада, но и направляя ходъ жизни по иному, чѣмъ прежде, направленію.

Съ X в. п. Р. X. до XV и XVI вв. мы живемъ, подчиняя личность церкви, т. е. видимо такъ, какъ жили на Западѣ между IV в. п. Р. X. до XIV в. п. Р. X. Но наша церковь православная, не католическая, а поэтому весь этотъ періодъ былъ инымъ, чѣмъ на западѣ.

Православіе, съ его всемірно-историческимъ значеніемъ-универсальностью не оковывало людей такъ, какъ дѣлало это западное средневѣковье, и, напротивъ, въ себѣ заключало начало творчества, которое и вылилось впослѣдствіи въ формахъ новаго реформаторскаго періода, а также и въ національной педагогикѣ К. Д. Ушинскаго.

Періодъ межъисторическій у насъ совпадаетъ по времени съ началомъ реформаторскаго періода Запада XV и XVI в., но по идеямъ, конечно, примыкаетъ скорѣе къ средневѣковому періоду Запада, хотя что-то общественное у насъ уже зрѣетъ въ это время, но очень неуловимо.

Періодъ государственной педагогики XVII и XVIII вѣковъ совпадаетъ съ расцвѣтомъ на западѣ свободнаго естественнаго развитія человѣка, т. е. выдвигается не въ началѣ исторіи, какъ это было на Западѣ, а въ серединѣ историческаго развитія русской жизни.

Періодъ реформы русскаго воспитанія падаетъ на 50 и 60-е года XIX в., т. е. на тѣ годы въ западной жизни, когда въ западной педагогикѣ образовалась прочная народная традиція въ воспитаніи, а сама педагогика, признанная самостоятельной и равноправной съ другими науками дисциплиной, начала расчленяться уже на цѣлый рядъ новыхъ педагогическихъ дисциплинъ—такъ далеко продвинулось впередъ развитіе этой науки.

А у насъ и на рубежѣ XX вѣка педагогика еще не признана наукой и, кажется, нѣтъ ни въ одномъ изъ русскихъ университетовъ кафедръ по педагогикѣ, что для Запада является привычнымъ и естественнымъ.

Такова общая разница идейнаго педагогическаго развитія на западѣ и у насъ. Конечно, разная послѣдовательность въ смѣнѣ идей въ общей жизни на западѣ и у насъ должна была отложиться на характерѣ народа, на своеобразныхъ особенностяхъ семейной, общественной и государственной жизни. Были и другія причины, заставившія образовать такую, а не иную жизнь и складъ характера народа; раскрытіе ихъ должно быть выполнено коллективной работой представителей разныхъ наукъ.

Что касается Ушинскаго, отдавшаго дань своему историческому прошлому, обрисованному въ предшествующихъ главахъ, необходимо еще отмѣтить слѣдующее: за время своей 16-лѣтней педагогической дѣятельности

(первая педагогическая статья вышла въ 1854 году Рецензія на статью Мюллера) Ушинскій не только выдвинулъ человѣка, какъ предметъ воспитанія, но онъ заговорилъ и о ребенкѣ, какъ особомъ, отличномъ отъ взрослаго существѣ, требуя къ нему того же уваженія, что и къ взрослому, т. е. намѣтилъ, правда не вполнѣ сознательно, науку нашихъ дней—педологію—науку о ребенкѣ.

Созданіе же національной педагогики, связанной съ задачами общечеловѣческаго воспитанія, показываетъ, что К. Д. Ушинскій, не только глубоко сросся съ родной исторіей, но и широко былъ захваченъ западно-европейскими теченіями въ наукѣ о жизни.

Вліяніе западника—Грановскаго и философа-западника Рѣдкина, собственное долгое пребываніе заграницей, во время командировки Ушинскаго, подготовили почву для плодотворнаго, геніальнаго развитія духовныхъ силъ нашего національнаго воспитателя, для умѣлаго сочетанія западныхъ и искони русскихъ чертъ въ русскомъ воспитаніи.

Созданная К. Д. Ушинскимъ національная педагогика показала, какъ надо развивать лучшія стороны народнаго характера, вырабатывать силу, постоянство, упругость, устойчивость и гибкость его и обратила вопросы воспитанія въ вопросы *реальнаго* ихъ осуществленія, *въ* самое *дѣло жизни.* И въ этомъ заключается безсмертная заслуга Ушинскаго въ исторіи русской педагогики.

ГЛАВА VII.

Значеніе К. Д. Ушинскаго въ вопросѣ построенія философіи новой русской школы.

Изучая педагогическую систему К. Д. Ушинскаго, мы дѣлаемъ это не только для того, чтобы подробнѣе познакомиться съ его педагогической дѣятельностью, но также и для того, чтобы найти общій, направляющій развитіе русской педагогики, *духъ*, общія идеи, основныя черты, разбросанныя въ различныхъ педагогическихъ системахъ. Мы производили анализъ педагогическихъ системъ Пирогова и Ушинскаго для того, чтобы при помощи подобнаго изслѣдованія понять болѣе глубокое, но зато и самое коренное въ каждой изъ системъ, въ системахъ наиболѣе, повидимому, рѣзко отличныхъ другъ отъ друга, а затѣмъ уже *изъ коренного*, какъ основного, непреходящаго, создать путемъ синтеза элементовъ, не только просто голую схему, но съ опредѣленнымъ содержаніемъ *общее міровоззрѣніе*, какъ планъ для будущаго изъ изученнаго прошлаго. Мы называемъ построеніе такого общаго міровоззрѣнія для новой русской школы будущаго, какъ фундамента ея,— философіей новой русской школы [1]).

Назвали мы руководящую педагогическую идею всѣхъ школьныхъ реформъ философіей новой русской школы потому, что педагогическая идея должна выразиться въ видѣ цѣлаго міровоззрѣнія, т. е. совокупности идей, какъ отвѣтовъ на насущные вопросы жизни—это съ одной стороны, а съ другой — мы считали необходимымъ при помощи

---

[1]) См. „Будущее въ нашихъ рукахъ“, „Педагогика, какъ наука„.

определенныхъ путей изследованія обратить субъективную уверенность, что выработка этой идеи назрела, въ объективную достоверность, въ философски обоснованное знаніе. Исторія русской педагогики, широко захватывая почти все вопросы воспитанія, какъ вопросы самой жизни, даже больше, какъ запросы человеческаго духа, даетъ богатый матеріалъ для построенія философіи или міровоззренія, какъ руководящаго начала для педагогическаго дела.

Прежде всего необходимо созиданіе единства въ представленіи идеала русской школы, единства міровоззренія. Очевидно, потребность въ выработке единства міровоззренія уже настолько назрела въ русскомъ обществе, что представителями другой науки, столь родственной педагогике, какъ русская литература, отыскиваются начала того же единства. Русская литература полно выражаетъ русскую духовную жизнь, семейную и общественную стороны ея, поэтому въ ней яснее, чемъ въ другихъ наукахъ, проявились руководящіе идеалы и воспитанія.

Философія новой русской школы, какъ единство міровоззренія на почве историческаго, психологическаго изученія народнаго характера, впервые выдвинутая педагогической системой К. Д Ушинскаго, составляла для него задачу, полное решеніе которой, по его мненію, принадлежитъ далекому будущему. Отлично понимая, что каждая эпоха иметъ свое определенное содержаніе, Ушинскій темъ не менее находилъ возможнымъ обнаруживать эти элементы, которые могутъ быть прослежены въ русской жизни, какъ черты ея народности отъ древности до новаго времени. На попытку обнаружить это единство Ушинскій смотрелъ, какъ на очень трудную работу

не только потому, что сложное, многообразное, хаотичное, какъ въ русской педагогикѣ, съ трудомъ можетъ быть приведено къ единству, но и потому еще, что наша національность слишкомъ еще подспудна. Мы просто напросто не желаемъ признавать ее. Академикъ Истринъ въ своей статьѣ „Опытъ методологическаго введенія въ исторіи русской литературы XIX вѣка (выпускъ I, 1907 г.) съ тѣхъ же точекъ зрѣнія, что Ушинскій (исторической и психологической), указываетъ, что историки время отъ времени всегда отмѣчали какъ бы снова вызванное къ жизни старое явленіе—живучесть идей, заложенныхъ въ корняхъ народной психологіи. Эта же повторяемость старыхъ явленій, говоритъ Ушинскій, заложена въ сущность того же самаго, тожественнаго себѣ, народнаго, характера, какъ сокровенная сущность народа, какъ ядро, обозначающее нравственный обликъ его. Этотъ обликъ, эту сущность повторяемости историческихъ событій, переживаній и дѣлъ народа впервые пробовалъ въ русской жизни для новаго воспитанія открыть предъ нами К. Д. Ушинскій, и, сообразно открытому характеру народа, создалъ педагогическое ученіе свое въ видѣ педагогическихъ принциповъ, въ видѣ системы гуманическаго реализма съ идеалической основой въ ней. Прежде всего надо было открыть народный характеръ и, воплотивъ его въ себѣ, создать для народа не чуждую, а родную, близкую ему педагогическую систему. И это выполнилъ другъ народа—національный воспитатель К. Д. Ушинскій.

Воспитатель, укореняя въ воспитанникѣ привычки, даетъ, по мнѣнію Ушинскаго, направленіе его характеру, даже иногда помимо воли и сознанія воспитанника. Но нѣкоторые спрашиваютъ, какое воспитатель имѣетъ на это право? Этимъ страннымъ во-

просомъ успѣла уже задаться и русская педагогика? Этотъ вопросъ, добавляетъ К. Д. Ушинскій высказалъ и оставилъ не рѣшеннымъ графъ Толстой въ „Ясной Полянѣ“.

Ушинскій находитъ, что взрослые не могутъ не имѣть вліяніе на природу дитяти; а потому лучше имѣть сознательное и разумное вліяніе, чѣмъ предоставить все случаю [1]).

„Если мы возьмемъ въ нашемъ русскомъ воспитаніи духовныя школы, мы увидимъ, что онѣ имѣютъ свою педагогическую традицію, имѣютъ свою воспитательную силу, которая отражается и хорошими, и дурными своими сторонами въ характерахъ воспитанниковъ, поколѣнія за поколѣніями.

Но наши свѣтскія школы [2]) возникли вовсе не изъ общественной потребности и не подъ покровомъ церкви, какъ на Западѣ; онѣ по большей части, учрежденія административныя, не выросшія органически изъ исторіи народа, и имѣющія свою особенную лѣтопись (не исторію), бѣдную послѣдовательнымъ развитіемъ, богатую безпрестанными перемѣнами, изъ которыхъ одна противорѣчитъ другой. Мы, въ свѣтскихъ нашихъ школахъ и даже вообще въ народномъ образованіи, такъ мало подвигались послѣдовательно впередъ и такъ часто мѣняли самыя основы и самыя существенныя требованія, такъ часто перестраивали самый фундаментъ зданія, находя все, сдѣланное прежде не только недостаточнымъ, но даже положительно дурнымъ и вреднымъ, что и теперь, черезъ полтораста лѣтъ послѣ Петра Великаго, стоимъ въ дѣлѣ свѣтскаго, народнаго образованія почти

[1]) Собр. пед. соч. Ушинскаго 2 т. доп. стр. 381.
[2]) Ibidem стр. 382.

при самомъ началѣ пути; еще и теперь задаемъ себѣ вопросъ,—нужно-ли оно или нѣтъ?

При такомъ отсутствіи исторической традиціи въ свѣтскихъ школахъ, при такихъ безпрестанныхъ перемѣнахъ самыхъ принциповъ воспитанія и его основныхъ стремленій, нечего и искать, рѣшаетъ Ушинскій, какого-нибудь общаго опредѣленнаго характера въ этихъ школахъ, въ ихъ воспитателяхъ и воспитанникахъ.

Удаливъ философскія науки изъ университетовъ, не занимаясь почти нигдѣ психологіей, читая только кое-гдѣ, такъ себѣ, для формы, педагогику, имѣя педагогическіе институты, которые вынуждены были закрывать въ то самое время, когда чувствовали сильнѣйшій недостатокъ въ учителяхъ, мы не выработали ни въ наукѣ, ни въ жизни никакихъ воспитательныхъ правилъ, которые-бы уже сдѣлались въ настоящее время достояніемъ общественнаго мнѣнія, и до сихъ поръ не сознали хорошенько,—какого человѣка хотимъ мы готовить въ воспитанникѣ русской школы.

Мало этого—мы не позаботились даже о томъ, чтобы десятилѣтнее дитя имѣло въ школѣ одного воспитателя, а не десять учителей, даже о томъ, чтобы дитя на двѣнадцатомъ году жизни пользовалось тѣмъ, что пріобрѣло на десятомъ, дополняло и развивало пріобрѣтенное прежде, а не бросало и позабывало.

Мы даже не пробовали связать своихъ воспитательныхъ заведеній съ общественною жизнью, пересадить и развивать въ нихъ то изъ народнаго характера, что достойно пересадки и развитія и, на-

оборотъ, дѣйствовать черезъ школу на характеръ народа.

Въ педагогическомъ дѣлѣ консерватизмъ, конечно не тупой и безсмысленный, болѣе на мѣстѣ, чѣмъ гдѣ-нибудь [1]).

Нашей русской школѣ обзавестись исторіей, какъ какою-нибудь заграничною машинкою, невозможно; а потому волею и неволею, намъ приходится идти, говоритъ Ушинскій, раціональнымъ путемъ,—то есть, на основаніяхъ научныхъ, на основаніяхъ психологіи, физіологіи, философіи, исторіи и педагогики, а главное—на прочномъ основаніи знанія своихъ собственныхъ потребностей, потребностей русской жизни,—вырабатывать для себя самостоятельно, не увлекаясь подражаніями, кому-бы то ни было, ясное понятіе о томъ,—чѣмъ должна быть русская школа, какого человѣка она должна воспитывать и какимъ потребностямъ нашего общества должна удовлетворить. Выработка этого убѣжденія въ университетахъ, педагогическихъ собраніяхъ и учительскихъ семинаріяхъ, распространеніе его въ обществѣ, какъ этимъ путемъ, такъ и путемъ педагогической литературы, образованіе яснаго общественнаго мнѣнія въ этомъ отношеніи, такъ, чтобы общество знало, чего оно должно требовать отъ своихъ школъ, а школы знали, какимъ требованіямъ онѣ должны удовлетворять.—вотъ по мнѣнію Ушинскаго - единственное средство прикрѣпить школу къ нашей русской почвѣ и дать имъ ту органическую жизнь, которой онѣ въ настоящее время не имѣютъ.

Конечно, не близко то время, когда общество

---

1) Ibidem, стр. 383.

наше будетъ въ состоянiи само воспитывать свои молодыя поколѣнiя, но всякiя прочныя реформы, не разрушающiя только, а и созидающiя, совершаются медленно» [1]).

Чрезвычайно цѣнны изслѣдованiя новаго времени въ другихъ наукахъ, подтверждающiя наличность «закона традицiй» въ русской жизни, позволяющiя связать старое и новое въ одно органическое цѣлое, и открывающiя тѣ же черты нацiональности, что были отмѣчены и Ушинскимъ. «Если мы будемъ въ состоянiи провести какое-нибудь свойство черезъ всѣ столѣтiя и замѣтимъ», говоритъ академикъ Истринъ въ той же своей работѣ (стр. 28): «что наши писатели всѣхъ временъ, независимо отъ специфическихъ особенностей, свойственныхъ данному времени, обнаруживаютъ, напримѣръ, тенденцiю непротивленiя злу, то это мы назовемъ тѣмъ руководящимъ направленiемъ, которое проходитъ черезъ всю литературу».

Появленiе на книжномъ рынкѣ книгъ Иванова-Разумника и Андреевича «Опытъ философiи русской литературы», какъ бы къ нимъ не относиться, тѣмъ не менѣе, дѣйствительно, выражаютъ назрѣвшую потребность въ обществѣ—выработать общее мiровоззрѣнiе на нашу жизнь, связать старое съ новымъ такъ, чтобы старое уяснило настоящее и правильно указало пути будущаго развитiя.

Это возможно сдѣлать и тѣмъ удовлетворить назрѣвшiя потребности, но не иначе, какъ принявъ во вниманiе законы исторической перспективы во всей полнотѣ ихъ, т. е. научно учитывая наличность разнообразныхъ условiй такъ называемыхъ «историческихъ момен-

---

[1]) Ibidem, стр. 384.

товъ». К. Д. Ушинскій пробовалъ въ воспитаніи раскрыть народную традицію, народный характеръ и, успѣшно исполнивъ эту работу, обосновалъ и установилъ не отвлеченное, но конкретное, реальное, иначе національное воспитаніе, соблюдая до педантичности требованія современнаго научнаго изслѣдованія и не противорѣча идеально-универсальнымъ стремленіямъ его народа, представителемъ котораго былъ онъ самъ.

ГЛАВА VIII.

Философско-литературныя выписки К. Д. Ушинскаго, изданныя послѣ его смерти.

К. Д. Ушинскій, дѣйствительно, хорошо зналъ и добросовѣстно изучалъ философско-педагогическую литературу Запада.

Въ 3-мъ томѣ Антропологіи, гдѣ собраны подъ редакціей А. Острогорскаго матеріалы къ невышедшей педагогической Антропологіи (1908 г. СПБ.), нельзя не усмотрѣть у Ушинскаго серьезнаго знанія философской литературы Запада: онъ дѣлаетъ критическія выписки съ замѣчаніями подъ заголовкомъ «мое» изъ Канта, Лейбница, Д. С. Милля, Гербарта, Бенеке, Бэна, Бокля, Спинозы, Гегеля, Аристотеля и многихъ другихъ философовъ.

Интересно то, что К. Д. Ушинскій, мучительно работая надъ вопросами воспитанія, собирая философскій матеріалъ запада для разрѣшенія ихъ, начинаетъ составленіе педагогической Антропологіи съ коренного вопроса воспитанія—съ вопроса о свободѣ воли. Ушинскій понималъ, что дѣло воспитанія не можетъ осуществиться, если не будетъ такъ или иначе опредѣленно

выясненъ вопросъ о свободѣ воли. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ воспитывать? Это значитъ предполагать *возможность* измѣненія, улучшенія, предполагать свободу человѣческой воли. Что-же такое свобода, спрашиваетъ Ушинскій и отвѣчаетъ такъ: «это *чувство*, присущее душѣ человѣка [1]). Рѣшившись на что-нибудь, человѣкъ *чувствуетъ*, что онъ могъ рѣшиться иначе... Человѣкъ рѣшаетъ по мотивамъ, но рѣшившись, чувствуетъ, что онъ предпочитаетъ одни мотивы другимъ и можетъ взять не тѣ, которые взялъ. Этого чувства не вырветъ у человѣка никакая теорія. Оно непонятно, какъ созданіе изъ ничего, какъ безконечность и конечность и т. д. Непонятно, а существуетъ... Но мало ли, что непонятное для насъ существуетъ?!...» Признавая такую свободу, Ушинскій зналъ, что отъ опыта и науки онъ все таки не отходитъ.

«Не та психологія *опытная*, которая подводитъ факты подъ теорію, а *та*», говоритъ онъ, «которая изучаетъ факты, несмотря на то, можетъ ли ихъ объяснить или нѣтъ.

Таково должно быть и отношеніе опытной психологіи—къ свободѣ воли. Человѣкъ не понимаетъ этого царя—потому что онъ самъ этотъ царь.... это фактъ!

Жаль, что Гербертъ, толкуя свободу воли, забылъ собственное выраженіе: «Es ist noch zu früh Alles in der Psychologie zu erklären» (Еще рано психологіи браться все объяснить)».

Изъ этого видно, что вопросъ о свободѣ воли въ воспитаніи для К. Д. Ушинскаго—необходимый *постулатъ* воспитанія, такой же постулатъ, какъ признаніе трехмѣрнаго пространства для математики. Безъ этой

---

[1]) См. матеріалы по Педаг. Антропологіи, ч. III, 1908 г. стр. 17, 18.

аксіомы всѣ математическія положенія становятся непредставимыми [1]. Въ этомъ признаніи К. Д. Ушинскаго скрывается философское обоснованіе педагогики-науки, отвѣчающее новымъ, премированнымъ въ Парижѣ, изслѣдованіямъ Parisot et Martin «Les postulats de la pédagogie» (1913 г.) (Постулаты педагогики).

Признаніе свободы воли, дѣйствительно, осмысливаетъ самую возможность воспитанія. Возьмемъ выписку Ушинскаго о Боклѣ. Разбирая сочиненія Бокля, Ушинскій находитъ, что только при условіи признанія воли свободной, мы можемъ усилить вліяніе *духовныхъ* явленій надъ физическими [2]. Разсужденія Бокля по вопросу о свободѣ воли не вполнѣ нравятся Ушинскому. По мнѣнію Ушинскаго, Бокль недостаточно знакомъ съ психологіей и метафизикой. Онъ хочетъ замѣнить ихъ исторіей; но *исторіей чего?* съ недоумѣніемъ спрашиваетъ Ушинскій [3].

Итакъ, безъ свободы, безъ этого метафизическаго понятія, воля ненужное слово, лишающее человѣка возможности совершенствованія. Но признаніе свободы воли и возможности воспитанія ставитъ передъ нами другой вопросъ: почему человѣкъ стремится спасти самую возможность воспитанія?

Для того, чтобы совершенствоваться, отвѣчаетъ человѣкъ. Тогда зарождается новый вопросъ: развѣ совершенствоваться необходимо? У каждаго педагога-философа эти вопросы зарождаются въ сознаніи. И Ушинскій, углубляя вопросы воспитанія, въ выпискахъ своихъ удѣляетъ большое мѣсто выясненію вопроса стремленія человѣка къ совершенству. Въ выясненіе этого вопроса Ушинскій, какъ всегда, начинаетъ съ опытныхъ конкрет-

1) Ibidem, стр. 57 (Эйлеръ, о свободѣ воли).

2) Ibidem, стр. 52.

3) Ibidem, стр. 53.

ныхъ данныхъ и приходитъ къ установленію принциповъ воспитанія.

«Почему похвала пріятна человѣку?», спрашиваетъ Ушинскій и отвѣчаетъ: «потому, что это вытекаетъ изъ врожденнаго чувства къ совершенству». При этомъ Ушинскій отмѣчаетъ такую психическую особенность, имѣющую очень важное воспитательное значеніе особенно въ дѣтствѣ: «мы сначала научаемся удивляться другимъ и потомъ уже переносимъ на себя [1])». Даже въ маленькихъ дѣтяхъ мы замѣчаемъ стремленіе походить на взрослыхъ и въ этомъ фактѣ жизни Ушинскій видитъ доказательства врожденности стремленія къ совершенству», потому что ребенокъ хочетъ пріобрѣсть не всѣ свойства [2]), а тѣ только, которыя считаетъ хорошими. Воспитаніе должно этому покровительствовать, а для этого воспитатель долженъ *умѣть хвалить* ребенка». Предполагается, конечно, хвалить за хорошее.

«Дѣти ненавидятъ учителей, отъ которыхъ никогда не дождешься одобренія или признанія того, что хорошо сдѣлано. А у иныхъ входитъ въ систему никогда не хвалить; это убиваетъ стремленіе къ совершенству: кто бранитъ, долженъ умѣть и хвалить [3])». «Воспитатель не долженъ никогда хвалить дитя въ сравненіи съ другими, но только въ сравненіи съ его собственнымъ прежнимъ несовершенствомъ, или еще лучше—въ сравненіи съ нормою того совершенства, которое достигается [4])». Ушинскій вполнѣ согласенъ съ Бенеке (Erz. und Unter. т. I. § 51. Seite 210), что непремѣнно въ ребенкѣ надобно возбудить увѣренность, что отъ него ожидаютъ хорошаго [5]).

[1]) Ibidem, стр, 61.
[2]) Ibidem, стр. 62.
[3]) Ibidem, стр. 61.
Ibidem стр. 67.
Ibidem, стр. 113.

«Хотѣніе нравственнаго со стороны воспитанника есть необходимое условіе нравственнаго поступка. Но такъ какъ хотѣніе (воля) есть желаніе съ представленіемъ желаемаго, какъ бы совершившагося, черезъ дѣйствіе», то убѣжденіе въ возможности дѣла—необходимое условіе всякаго нравственнаго поступка (§ 213). Вотъ почему въ отношеніи дитяти, котораго мы хотимъ исправить, какъ бы оно ни было испорчено, мы должны показать любовь и довѣріе и не должны давать очень трудныхъ нравственныхъ задачъ»[1]).

У дѣтей является потребность получать одобренія изъ инстинктивнаго стремленія жить и прогрессивно расширять жизнь. Вотъ гдѣ скрытъ въ человѣкѣ жизненный корень стремленія къ совершенству. «Если ребенку естественно думать о себѣ, необходимо рядомъ съ этимъ заботиться о выработкѣ въ немъ привычки думать и о другихъ. «Въ этомъ отношеніи мы считаемъ весьма полезнымъ, чтобы отецъ, напримѣръ, «чаще обращалъ вниманіе дѣтей на мать, заставляя ихъ думать о ней, заботиться, и наоборотъ. Гдѣ родители любятъ и уважаютъ другъ друга, тамъ и дѣти любятъ и уважаютъ ихъ [2])». Конечно, какъ слишкомъ сильная забота о дѣтяхъ, такъ и деспотическое съ ними обращеніе одинаково въ воспитательномъ отношеніи вредны, что хорошо понималъ и Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій. Чтобы установить равновѣсіе въ дѣтской психикѣ между жизнью для себя и жизнью для другихъ необходимо умѣрять ихъ потребности. «Мы замѣчаемъ, чѣмъ менѣе потребностей у человѣка, тѣмъ онъ становится щедрѣе, нѣжнѣе, добрѣе [3]), потому что причиной *чувства доброты* является *чувствованіе*

[1]) Ibidem, стр 113.
[2]) Ibidem, стр. 64.
[3]) Ibidem, стр. 66.

избытка силъ сравнительно съ силою стремленій [1])». «Хорошо рядомъ съ этимъ развивать въ дѣтяхъ любовь къ *красотѣ нравственныхъ поступковъ*. Въ своихъ собственныхъ совершенствахъ мы можемъ ошибаться, но въ красотѣ поступка мы не ошибаемся: картина истерзаннаго и поруганнаго Христа—не отталкиваетъ ни одной человѣческой души [2])».

Для развитія совершенства, кромѣ вышеизложеннаго, необходимо, по взглядамъ Ушинскаго, развивать въ человѣкѣ и ребенкѣ силу и Ушинскій опредѣляетъ, какая должна быть развиваема въ нихъ сила. «Одинъ изъ трибутовъ *совершенства* есть *сила*—къ силѣ стремится человѣкъ: и это стремленіе *законно*, но надобно, чтобы оно научило отличать истинную силу отъ призрака силы: *сила ума, добра и смиренія*—вотъ сила изъ силъ [3])».

Изъ стремленія къ совершенству въ человѣкѣ рождается чувство справедливости. Но изъ тѣхъ же глубинъ самосознанія, изъ которыхъ рождается въ человѣкѣ стремленіе къ совершенству, выростаютъ зависть, злоба и другія дурныя чувства. «Плоды добра и зла росли въ раю на одномъ и томъ же деревѣ [4])». Воспитаніе должно развить лучшее въ человѣкѣ, стараясь заглушить или направить на новое, хорошее коренное зло въ немъ.

Признавъ стремленіе къ совершенству въ человѣкѣ такимъ же заложеннымъ въ немъ инстинктомъ, какъ инстинктъ самосохраненія, Ушинскій, для развитія и правильнаго роста инстинкта совершенствованія, реко-

---

1) Ibidem, стр. 132.
2) Ibidem, стр. 71.
3) Ibidem, стр. 79.
4) Ibidem, стр. 74.

мендуетъ цѣлый рядъ педагогическихъ средствъ. Но средства эти не носятъ у него характера обиходной педагогической рецептуры; нѣтъ, рекомендованныя имъ средства направлены къ развитію самаго сознанія воспитывающихъ, къ привитію въ нихъ опредѣленныхъ убѣжденій, какъ принциповъ воспитанія. И тутъ Ушинскій, видимо, стремился создать философію педагогики, считая это болѣе важнымъ и нужнымъ, чѣмъ частныя практическія указанія.

Все это можно высказать, по оставшимся обрывкамъ мыслей, разбросаннымъ на клочкахъ бумаги, конечно, въ видѣ только догадки, не ручаясь за достовѣрность ея. Но изученный строй мыслей К. Д. Ушинскаго, духовная структура его, сказавшаяся въ педагогической системѣ его, позволяетъ изъ этихъ посмертныхъ матеріаловъ сдѣлать именно такой, а не иной выводъ.

Для того, чтобы выработать педагогическое міровоззрѣніе, Ушинскій прежде всего задается вопросомъ о цѣли воспитанія. Знакомясь съ литературой вопроса, онъ останавливается на идеѣ счастья и находитъ, что счастье человѣческой разумной жизни заключается въ *вѣчно расширяющейся дѣятельности, сообразной душѣ* [1]).

Это даетъ человѣку жизнь, способность творить, блаженство совершенствоваться. Что же касается цѣли воспитанія, оно заключается въ томъ, «чтобы очистить путь по этой дорогѣ.—Чтобы каждый въ своей сферѣ могъ сдѣлать, что можетъ лучшаго, и въ томъ находилъ свое высшее счастье или блаженство» [2]).

---

1) Ibidem, стр. 135.
2) Ibidem, стр. 136.

И эта, по существу, идеальная цѣль воспитанія, связанная съ врожденнымъ предрасположеніемъ человѣка быть нравственнымъ, можетъ быть осуществлена при помощи новыхъ педагогическихъ средствъ и новыхъ способовъ изученія учебнаго матеріала.

Въ отдѣлѣ «Педагогика» [1]) мы находимъ у Ушинскаго матеріалъ выписокъ, по которымъ можно судить, что Константинъ Дмитріевичъ многое хотѣлъ реформировать въ дѣлѣ, какъ было указано въ IV и VI главѣ.

Отводя должное вниманіе — въ реформѣ воспитанія—физическому воспитанію, Ушинскій приводитъ интересныя соображенія относительно полового воспитанія: «чѣмъ позднѣе достигается половая зрѣлость, тѣмъ лучше, чѣмъ она болѣе замедлена, тѣмъ болѣе человѣкъ пріобрѣтаетъ силы и энергіи... Самый характеръ человѣка—его чисто человѣческія достоинства много терпятъ отъ преждевременнаго развитія половыхъ стремленій... Если наступленіе половой зрѣлости вліяетъ на подборъ представленій, то съ другой стороны и наоборотъ—дурное направленіе воображенія имѣетъ большое вліяніе на преждевременное развитіе этой зрѣлости. Отсюда вытекаетъ правило, что воспитаніе должно избѣгать всего, что можетъ двинуть воображеніе отрока въ эту сторону... Само природное чувство стыда указываетъ намъ вѣрную границу. [2]).

„Не одни романы, чтенія, изображенія развиваютъ преждевременно воображеніе, но и весь складъ воспитанія; его изнѣженность, затаенная страсть въ душѣ

---

[1]) Ibidem, стр. 191—215.

[2]) Ibidem, стр. 204.

воспитателя. Даже *ласки*—положительно вредны. Слѣдуетъ любить дитя, но не слѣдуетъ ласкать его даже матери" [1]).

Аскетизмъ по вопросамъ полового воспитанія для Ушинскаго вполнѣ естественен. И это понятно почему: Ушинскій былъ безконечно умѣренъ во всемъ, и какъ истинный христіанинъ находилъ, что „христіанство въ этомъ случаѣ освятило только врожденное человѣку во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ чувство стыда" [2]).

Мы уже знаемъ, какое огромное значеніе въ воспитаніи Ушинскій придавалъ примѣру. Вотъ мысль, которая высказана мимоходомъ, но ее очень полезно вспомнить воспитателямъ: „Замѣчаніе Руссо, что наставникъ долженъ быть молодымъ, ребенкомъ, насколько это возможно взрослому человѣку, совершенно справедливо" [3]).

Надо думать, что эту молодость, дѣтскость души, столь необходимую въ общеніи съ дѣтьми, взрослый можетъ сохранить развитіемъ въ себѣ идеализма, вѣрой въ лучшія стороны человѣческой души, стремленіемъ къ расширенію творческой своей дѣятельности и многимъ другимъ въ этомъ-же родѣ.

Самъ Ушинскій, мы знаемъ, былъ чистъ, добръ, довѣрчивъ, во всѣхъ видѣлъ лучшее. Этимъ и объясняется притягательная сила его личности и ученья, поднимающая и возвышающая насъ даже послѣ смерти его.

Для личности съ такимъ складомъ души нрав-

---

1) Ibidem стр. 206.
2) Ibidem стр. 205.
3) Ibidem, стр. 210.

ственныя понятія являлись самыми существенными понятіями въ воспитаніи .

Для Константина Дмитріевича «*стремленіе къ совершенству* есть основаніе *всѣхъ эстетическихъ и нравственныхъ чувствованій,* какъ *стремленіе къ жизни* или *дѣятельности* есть *основаніе всѣхъ душевныхъ чувствованій* [1]) причемъ самой грубой формой этого стремленія къ совершенству является внѣшнее совершенство, напримѣръ, дикари раньше заботятся о красивомъ, а потомъ о полезномъ» [2]).

Вся эстетика Ушинскаго пропитана этикой, а въ корнѣ даже религіозна, какъ у Рёскина. Сравнивая греческое и христіанское искусство, Ушинскій подчеркиваетъ этико-религіозный элементъ въ эстетикѣ.

„Аполлонъ Бельведерскій, это языческое Свѣтлое Христово Воскресенье—побѣда сына неба надъ сыномъ преисподней, жизни надъ смертью, свѣта надъ тьмой, разума надъ предразсудками, истины надъ ложью, побѣда уже безъ усилій, легкая, блистающая, кроткая, радостная—побѣда неизбѣжная, необходимая и свободная... Побѣда Христа обширнѣе, глубже, выразить ее труднѣе. Тутъ побѣда куплена не силою и ловкостью руки, но силою язвъ и страданій, силою сверхчеловѣческаго смиренія—смиренія до Божества!... Видъ распятаго Христа—уже съ одной художественной стороны дѣйствуетъ побѣдоносно. „Смирился до смерти, смерти-же крестныя“... тутъ смиреніе разорвало всѣ предѣлы и стало божественнымъ творчествомъ... Крылатая стрѣла

---

[1]) Ibidem, стр. 151.

[2]) Сравн. стр. 146 и 147—о Спенсерѣ и Бэнѣ.

Аполлона убиваетъ, крылатое слово безграничнаго смиренія—творитъ.

Мысль эта такъ высока, что еще не нашлось художника, который-бы воплотилъ ее въ формѣ статуи или картины—она воплощена покуда въ Евангельскіе разсказы. Нѣтъ статуи и нѣтъ картины, которая-бы воплотила чувство, разливающееся по Руси въ день Свѣтлаго Воскренія, когда изъ края въ край ея гремитъ одно слово — Христосъ Воскресъ, яко всесиленъ! [1])“.

Въ объясненіи происхожденія эстетическаго чувства Ушинскій становится на точку зрѣнія врожденности этого чувства. „Однако“ [2]), говоритъ Ушинскій, „если *возвышенное* всегда *прекрасно*, то не все *прекрасное* возвышенно, и тогда прекрасное только *красиво*. Отчего же зависитъ эта *красивость* предмета? Конечно, *причина* ея внутри человѣка“, добавляетъ Ушинскій.

Совершенно правильно говоритъ Ушинскій объ эстетическомъ воспитаніи дѣтей: „эстетически дѣйствовать прямо на дѣтей—трудно, надобно образовать эстетически взрослыхъ. Статуи, картины, природа дѣйствуютъ на взрослыхъ, а они уже вносятъ это вліяніе въ слова, въ тѣлодвиженія, въ домашній кругъ, въ одежду, въ обращеніе съ дѣтьми—и уже въ этой формѣ дѣти воспринимаютъ изящное“ [3]).

Для выясненія взаимоотношенія этики и эстетики Ушинскій подбиралъ спеціальную литературу и, повидимому, эстетическое чувство, съ психолого-біологической точки зрѣнія, отождествлялъ съ инстинктомъ

---

[1]) Ibidem, стр. 142, 143.
[2]) Ibidem, стр. 149.
[3]) Ibidem, стр. 155.

творчества въ человѣкѣ[1]), *влекущимъ человѣка къ міровой работѣ*[2]). „Мнѣ кажется“, говоритъ Ушинскій, „въ основѣ всего эстетическаго лежитъ идея *вѣчнаго мірового прогресса*; все, что на нее намекаетъ, нравится намъ, увлекаетъ насъ; все что противорѣчитъ ей непріятно поражаетъ насъ[3]).

Итакъ, между нравственностью и эстетикой тѣсная связь. „Стремленіе къ совершенству врождено, а что такое совершенство рѣшаетъ вкусъ при актѣ сравненія“. „Вкусъ говоритъ намъ: это лучше, это хуже“[4]).

Для Ушинскаго все моральное—эстетично гдѣ, конечно, форма и содержаніе должны гармонировать но не все эстетическое морально. Моральное къ эстетическому относится, какъ видъ къ роду[5]).

Выясняя взаимоотношеніе права и нравственности, Ушинскій, какъ истинный гуманистъ своего времени, находитъ, что „выводить совѣсть изъ общества нельзя, напротивъ, общество опирается на индивидуальную совѣсть... Общество и государство берутъ изъ морали то, что имъ нужно и оба прибавляютъ свои *правила*, которыя не вытекаютъ непосредственно изъ морали индивидуальнаго человѣка“[6]).

„Но такъ какъ само стремленіе къ обществу, государству, церкви вытекаетъ изъ того-же коренного стремленія человѣка къ совершенству, выражающагося въ усовершенствованіи своего внѣшняго и *внутренняго* быта, поэтому условная мораль церкви, го-

---

[1]) Срав. ibidem, стр. 164, 165, 171 особенно.
[2]) Ibidem, стр. 170.
[3]) Ibidem, стр. 169.
[4]) Ibidem, стр. 171.
[5]) Ibidem, стр. 173.
[6]) Ibidem, стр. 113.

сударства и общества отличаются своей опосредственностью отъ непосредственной морали индивидуальнаго человѣка... и на частную индивидуальную свободу эта условная мораль посягать не можетъ [1])".

Въ этихъ замѣткахъ находимъ замѣчанія у Ушинскаго и относительно вопросовъ гражданскаго воспитанія и развитія патріотизма.

Этическая струя, столь сильная въ Ушинскомъ, связана съ глубокой религіозной вѣрой, понятой имъ широко въ духѣ современныхъ открытій Джемса („Многообразіе религіознаго опыта"), Бутру („Религія и наука", Бергсона („Творческая интуиція" и др. соч.) и другихъ по этому вопросу.

Вѣра врождена человѣку и *вѣра нужна* человѣку, какъ особый способъ постиженія истины. «*Опытъ* не уничтожилъ еще ни одной вѣры, а только *видоизмѣнилъ*» [2]).

Для Ушинскаго было безспорно огромное значеніе вѣры въ нашей жизни. Вотъ почему Ушинскій находилъ, что «необходимо воспитывать въ почтеніи къ той религіи, къ которой принадлежитъ воспитатель и въ этомъ отношеніи русскіе поставлены очень счастливо, ибо ихъ религія соотвѣтствуетъ самымъ высокимъ требованіямъ воспитанія: историческая вѣрность, терпимость, вѣра въ Провидѣніе и въ свободу воли, отсутствіе непогрѣшимости папы и т. д.» [3]).

Ушинскому всегда хотѣлось, чтобы русская церковь не занималась черезчуръ мірскими дѣлами, а была бы мѣстомъ отдыха, тихой пристанью для истинно вѣрующихъ. «Пусть это будетъ мѣсто отдыха

---

[1]) Ibidem, стр. 114.
[2]) Ibidem, стр. 179.
[3]) Ibidem, стр. 190.

для сердца, убѣжище для нашихъ стремленій, которыхъ не удовлетворилъ міръ, а такихъ желаній найдется много... И не думайте, чтобы церковь въ такомъ положеніи имѣла менѣе вліянія на людей, чѣмъ теперь; много есть струнъ въ сердцѣ человѣка, которыя привлекутъ его къ ней» [1]).

Матеріалы, собранные А. Острогорскимъ, изъ выписокъ К. Д. Ушинскаго заставляютъ переживать минуты высокаго наслажденія. Лишній разъ убѣждаешься, что дѣло воспитанія, дѣйствительно, дѣло *святое*, какъ на это смотрѣлъ и самъ Ушинскій, излагая свои взгляды («Матеріалы по Педагог. Антроп.» 1908 г.) по поводу воспитанія Наслѣдника. О томъ же свидѣтельствуетъ намъ вся педагогическая система его, жизнь и личность, глубоко проникнутыя національнымъ чувствомъ.

Для Ушинскаго воспитаніе приготовляетъ человѣка къ самовоспитанію и если воспитаніе было хорошо поставлено, самовоспитаніе будетъ продолжаться всю жизнь и обезпечитъ благое и счастливое существованіе для человѣчества.

Про Ушинскаго можно сказать почти что его же собственными словами [2]): только всемогущая Россія своею единою гигантскою силою можетъ воскрешать такихъ людей!

---

[1]) Ibidem, стр. 192.

[2]) 3 лекція К. Д. Ушинскаго, читанная имъ въ Ярославскомъ лицеѣ (1846—1848 г.). См. 3 томъ „Матеріалы по Педаг. Антропологіи“ 1908 г., стр. 103.

ГЛАВА IX.

Заключеніе.

Вся кратковременная, но плодотворная педагогическая дѣятельность К. Д. Ушинскаго протекла въ Петербургѣ. Здѣсь переживалъ онъ и горе, и радости своей жизни и здѣсь же оставилъ онъ всѣ лучшія духовныя, творческія силы свои. Съ глубокой любовію, нѣжностью и теплотою говоритъ Ушинскій о нашей столицѣ, гдѣ онъ чувствовалъ жизнь и подчасъ, остро страдая, здѣсь же растрачивалъ и терялъ ее. Вотъ что говоритъ самъ К. Д. Ушинскій въ письмѣ къ близкому другу Я. П. Пугачевскому.[1]): „худъ ли, хорошъ Петербургъ—я съ нимъ сжился сердцемъ, въ немъ протекла самая существенная часть моей жизни: много перечувствовано и горя и радости, и много проработано; тамъ я таскался безъ куска хлѣба и тамъ же составилъ состояніе; тамъ напрасно искалъ мѣста уѣзднаго учителя и бесѣдовалъ съ Царями; тамъ былъ невѣдомъ ни одной душѣ и тамъ пріобрѣлъ себѣ имя—надѣюсь честное—и вотъ почему слеза навертывается у меня на глаза, когда я вспоминаю Петербургъ и что, по всей вѣроятности, мнѣ уже болѣе не видать его“. Предчувствіе сбылось: К. Д. Ушинскому, захватившему въ Петербургѣ чахотку, было запрещено жить въ любимомъ, близкомъ, сдѣлавшимся роднымъ для него городѣ. Слѣдовало бы Петербургу, справедливо говоритъ М. Н. Песковскій, мѣсту расцвѣта педагогической дѣятельности Ушинскаго, устроить музей имени великаго реформатора, національнаго педагога, и въ немъ собрать

---

[1]) Песковскій, „Біогр. К. Д. Ушинскаго“.

все, что такъ или иначе, прямо или косвенно, относится къ этому великому русскому имени. Не мѣшало бы городу Петербургу взять на себя починъ собрать народныя пожертвованія и на народныя деньги поставить памятникъ К. Д. Ушинскому, какъ первому организатору русской народной школы, особенно теперь это необходимо, когда всеобщее обученіе признано, какъ фактъ первой государственной необходимости

Что касается женскихъ институтовъ, для которыхъ такъ много поработалъ К. Д. Ушинскій, для которыхъ цѣною своей жизни купилъ право на свободное, серьезное, научное педагогическое образованіе, облегчивъ даже самую жизнь институтокъ, имъ слѣдовало бы чаще напоминать о великомъ имени К. Д. Ушинскаго, о педагогической дѣятельности его и воспитывать ихъ въ глубокомъ, сознательномъ уваженіи къ творцу „Родного Слова", „Дѣтскаго Міра", черезъ изученіе которыхъ неминуемо проходитъ все наше подрастающе поколѣніе. Смольному же институту, обѣимъ половинамъ его, гдѣ протекла безмѣрно плодотворная дѣятельность Ушинскаго въ качествѣ инспектора института и реформами котораго до сихъ поръ живутъ, начиная съ этого момента и мѣста, всѣ русскіе институты, слѣдовало бы поставить въ залахъ института на видномъ мѣстѣ бюстъ К. Д. Ушинскаго, а на большой, видимой для проходящаго глаза, площади у Смольнаго института—памятникъ великому педагогу—другу народа и хотя бы разъ въ годъ учредить „памятный день", посвященный исключительно разработкѣ, воспоминаніямъ педагогическаго дѣла національнаго реформатора.

Мы живемъ для лучшаго будущаго, мы жаждемъ

свѣтлѣе сдѣлать настоящее, но черезъ это самое мы связаны съ предками, съ отошедшими «великими нашими спутниками». Вѣчная память о нихъ — лучъ свѣта при нашемъ безлюдіи, источникъ нравственнаго развитія для новаго поколѣнія.

Серьезная, плодотворная педагогическая дѣятельность нашихъ реформаторовъ указываетъ на настоятельную необходимость введенія кафедръ педагогики во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ женскихъ, такъ и мужскихъ. Естественный инстинктъ отцовства, какъ и материнства, одинаково слѣдуетъ путемъ разумно понятой педагогики обратить въ сознательный двигатель жизни на пути прогресса человѣчества. Введеніе кафедръ исторіи русской педагогики создастъ цѣлесообразную русскую школу и обезпечитъ новой русской школѣ прочность фундамента ея[1]). «К. Д. Ушинскій далеко опередилъ русское общество и бралъ съ бою каждый свой успѣхъ въ жизни»... «и душа перегорѣла у него»... «Условія, при которыхъ работалъ Ушинскій, мало чѣмъ отличались отъ условій жизни Гугеля»... «Если Ушинскій добился успѣха, широкаго, небывалаго распространенія «Родного Слова», включительно съ татарскими медресе, зато онъ потерялъ, слабый здоровьемъ отъ природы, полъ жизни своей, на которую онъ могъ разсчитывать по замѣчательной воздержанности, аккуратности своей. Это нужно знать русскимъ людямъ, чтобы достойно цѣнить заслуги своихъ великихъ работниковъ».

Разсмотрѣвши педагогическіе труды Ушинскаго, нельзя не повторить словъ педагога Д. Д Семенова:

---

[1]) Песковскій, „Біографія К. Д. Ушинскаго“.

«если весь славянскій міръ гордится Я. А. Коменскимъ, Швейцарія—Песталоцци, Германія—Дистервегомъ, то мы, русскіе, не забудемъ, что среди насъ жилъ и училъ К. Д. Ушинскій!».

Мысли Ушинскаго взрослому человѣку теперь иногда говорятъ не слишкомъ много новаго, но нельзя забывать, что мы стали умственно взрослыми благодаря именно его мыслямъ.

Близъ Кіева, въ Выдубицкомъ монастырѣ, недалеко отъ церкви, въ 40 саженяхъ отъ входа въ монастырскую ограду, покоится прахъ Ушинскаго. Скромный, бѣлый мраморный крестъ, изящная рѣшетка, цвѣты, развѣсистый, старый тѣнистый каштанъ, куполообразно свѣшивающійся надъ могилой, въ густыхъ вѣтвяхъ котораго щебечутъ птички, какъ бы славословя память усопшаго, скромное, краткое, но краснорѣчивое жизнеописаніе великаго реформатора на крестѣ: «К. Д. Ушинскій, авторъ Дѣтскаго Міра, Родного Слова и Педагогической Антропологіи умеръ 21-го декабря 1870 года на 47 году жизни», а далѣе надпись изъ Апокалипсиса: «блаженніи мертвіи умирающіи о Господѣ, отъ нынѣ. Ей, глаголетъ Духъ,—да почіютъ отъ трудовъ своихъ, дѣла бо ихъ ходятъ вслѣдъ за ними».

К. Д. Ушинскій умеръ, какъ праведникъ. Часа за четыре до смерти онъ почувствовалъ полное облегченіе, говорилъ, что ему хорошо, очень хорошо, но только недостаетъ одного: «Свѣта! Побольше бы свѣта»[1])!

Ушинскій все еще жаловался на недостатокъ

---

[1]) „Нашъ родной учитель“ (К. Д. Ушинскій), біограф. очеркъ В. Е. Ермилова 1899 г., стр. 64, 65, 66.

Могила К. Д. Ушинскаго въ г. Кіевѣ, при Выдубицкомъ монастырѣ.

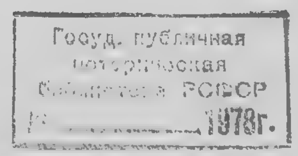
свѣта, даже когда зажгли четыре свѣчи, потомъ шесть, наконецъ, всю комнату кругомъ освѣтили яркимъ свѣтомъ,—тогда Константинъ Дмитріевичъ пожелалъ покинуть кресло, на которомъ онъ сидѣлъ, пожелалъ лечь въ постель и одѣться въ чистое бѣлье.

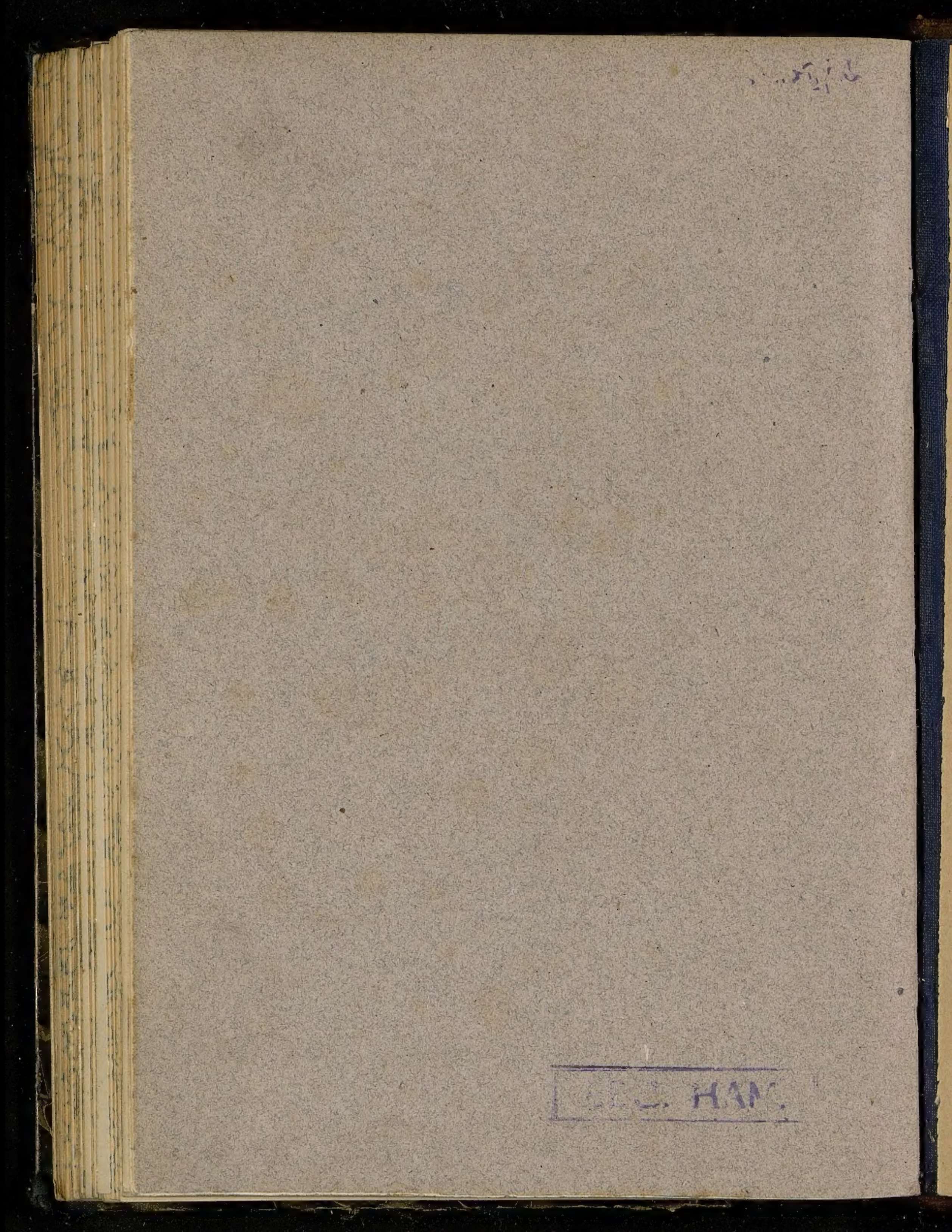
Когда все это было исполнено, онъ попросилъ своего родственника читать «Ундину» Жуковскаго. Когда чтеніе «Ундины» окончилось, Ушинскій позвалъ къ себѣ всѣхъ дѣтей, и какъ всегда онъ дѣлалъ на ночь, усердно помолился вмѣстѣ съ ними, благословилъ ихъ всѣхъ на сонъ грядущій, всѣхъ перекрестилъ, простился съ ними и—уснулъ... уснулъ навѣки.

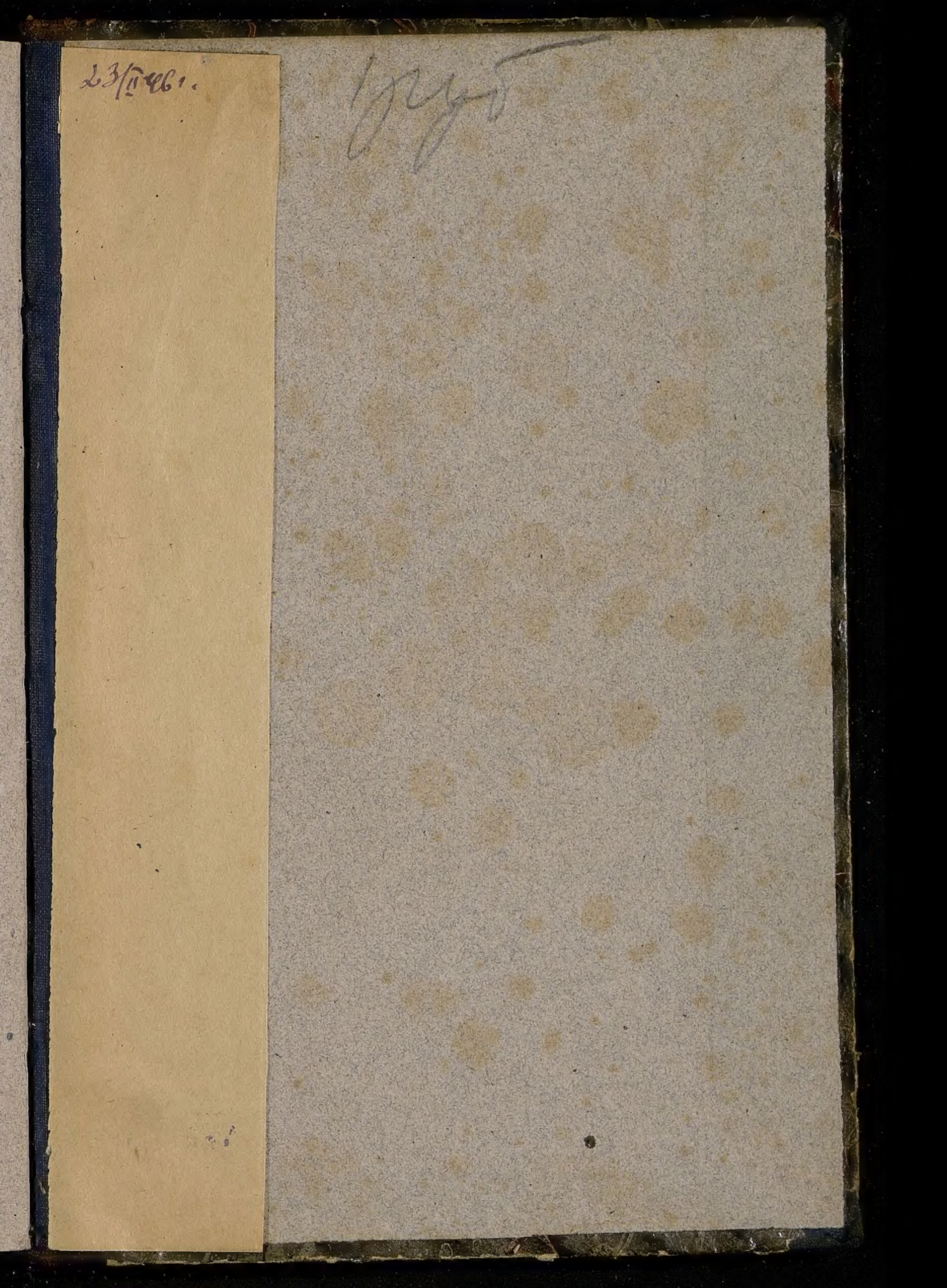
К. Д. Ушинскій не только всю жизнь свою мечталъ о свѣтѣ, но онъ, дѣйствительно, и далъ свѣтъ просвѣщенія своему родному, дорогому народу.

HAM.

23/II 46г.

